

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1972

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1972

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
Корректоры *А. Е. Сорокина, И. Г. Дорфман*

Сдано в набор 20/XII 1972 г. Подписано к печати 16/III 1973 г. ФГ 16097. Формат бумаги
70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,5. Физ. печ. л. 9. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 11,6.
Заказ 6835. Тираж 3985. Цена 1 руб.

ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В СССР ЗА ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ*

В 20-х годах молодое Советское государство развернуло грандиозную работу в области развития экономики и культуры народов, вошедших в состав Советского Союза. Особое внимание при этом уделялось организации системы просвещения и образования у ранее отсталых в культурном отношении малых народов. Развитию национальных языков и их научному исследованию партия и правительство придавали государственное значение, уделяя этому вопросу постоянное внимание. Этим важнейшим культурным процессом были охвачены и тюркоязычные народы нашей страны, находящиеся по численности на втором месте после славянских. Именно в этот период перед советскими учеными-тюркологами встала задача научного изучения прежде всего современных живых тюркских языков для последующего применения полученных результатов на практике — в деле совершенствования литературных языков, алфавитов, орфографий, терминологии.

Для тюркоязычных народов, не имевших до 20-х годов своих национальных литературных языков, уточнялись и выбирались опорные диалекты и решался весь комплекс вопросов, связанных со сложным процессом формирования литературных языков. Одновременно проводилось исследование фонетического и грамматического строя тюркских языков, их лексики и диалектов, языков древних памятников, истории литературных и народно-разговорных языков.

Таким образом, в советский период сформировались национальные литературные языки, отвечающие требованиям всех сфер государственной, экономической и культурной жизни.

Для решения новых грандиозных задач, вставших перед советскими учеными, необходима была перестройка всей системы организации востоковедных исследований. Превалировавший в тюркологии до сих пор исторический аспект уступил место актуальным проблемам современного языкового строительства. Начиная уже с 1918 г. в Москве и Ленинграде, в Поволжье и Средней Азии, в Сибири и на Кавказе, в Белоруссии и на Украине создаются новые учебные и научно-исследователь-

---

* Авторы статьи — сотрудники сектора тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР: К. М. Мусаев, Л. А. Покровская, Э. В. Севортян, Н. З. Гаджиева, А. А. Юлдашев, Н. А. Баскаков, А. А. Ковшова, Э. Р. Тенишев, Л. С. Левятская, Х. Ф. Исакова, Ф. Д. Ашнин (фамилии авторов указаны в порядке следования разделов).

ские востоковедные учреждения. Наиболее известные из них — Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), Туркестанский народный университет в Ташкенте, Восточный факультет Азербайджанского государственного университета, Казанский восточный педагогический институт и др. Одновременно создавались различные научные тюркологические общества, объединения и кружки.

Особую роль в разрывании исследовательских работ по изучению тюркских языков и подготовке ученых через аспирантуру сыграл созданный в 1926 г. в Москве Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока, преобразованный в 1928 г. в Научно-исследовательский институт национальностей СССР. Эту работу в настоящее время продолжает организованный в 1950 г. Институт языкознания Академии наук СССР, подготовивший не одно поколение тюркологов, в том числе и из представителей тюркоязычных национальностей.

В 40-е годы создаются научно-исследовательские центры в тюркоязычных республиках и областях. В настоящее время в каждой национальной академии наук или филиалах Академии наук СССР имеются соответствующие тюркологические институты, в которых успешно ведут исследования кадры местных ученых.

Таким образом, только благодаря Октябрьской революции тюркоязычные народы получили широкие возможности для развития и глубокого научного изучения своих родных языков.

1

Совершенствование письменностей в тюркоязычных республиках и областях в советскую эпоху прошло три основных этапа: 1) усовершенствование существовавшей у ряда народов арабской графики — 1918—1929 гг.; 2) использование латинской графики — 1929—1940 гг.; 3) переход на русскую графику — с 1940 г. по настоящее время. Латинизация тюркских алфавитов, осуществленная под руководством Комитета Нового тюркского алфавита, сыграла важную роль в деле скорейшей ликвидации неграмотности в стране. Начиная со второй половины 30-х годов тюркоязычные народы начали добровольно переходить на русскую графическую основу письма. Переход на русский алфавит имел огромное значение для братского сближения народов Советского Союза и их культур, для усвоения ими русского языка, ставшего в СССР языком межнационального общения; он способствовал также параллельному овладению грамотой на двух языках. Дальнейшее совершенствование тюркских алфавитов должно идти главным образом по линии их унификации.

Как известно, орфография тесно связана с алфавитом, и поэтому с изменением алфавита меняется и совершенствуется орфография. До 30-х годов тюркские языки, пользовавшиеся арабским алфавитом, не имели твердых правил орфографии и пунктуации. При переходе на латинскую графику на основании разработки общих вопросов орфографии тюркских языков были представлены соответствующие рекомендации, одобренные Первым тюркологическим съездом в Баку в 1926 г. В дальнейшем, в связи с переходом на русскую графику, правила орфографии были пересмотрены и усовершенствованы.

Современные тюркские орфографии сыграли важную роль в нормализации письменных форм национальных литературных языков. Ими в основном учитываются как исторически сложившиеся особенности ли-

тературных языков, так и некоторые тенденции их развития в процессе сближения национальных культур в советском обществе. Однако, несмотря на все это, работу по усовершенствованию орфографий пока еще нельзя считать завершенной.

Большие успехи достигнуты в разработке правил пунктуации. Как известно, в арабской графике почти не использовались знаки препинания и не употреблялись заглавные буквы. Однако и в современной пунктуации имеется еще ряд нерешенных вопросов.

Определенные успехи достигнуты и в исследовании фонетики тюркских литературных языков, что позволило приступить к их орфоэпическому нормированию.

Сложный путь прошла разработка вопросов терминологии тюркских языков. В ряде республик и областей прежде существовала тенденция к созданию узконациональной терминологии, которая иногда оказывалась настолько оторванной от языка основной массы народа, что становилась непонятной. Жизнь отвергла подобный принцип создания терминов. В дальнейшем в процессе подготовки терминологических словарей и различных учебников вопросы терминологии периодически обсуждались на республиканских совещаниях и конференциях, на которых вырабатывались научные принципы и рекомендации по созданию терминологии. В разработке терминологии наряду с лингвистами активно участвуют также писатели, переводчики, журналисты, специалисты по различным областям знаний. Большое влияние на развитие и формирование национальных литературных языков, в том числе и терминологии, оказал перевод с русского языка произведений классиков марксизма-ленинизма, общественно-политической, научно-технической и художественной литературы. В свою очередь, разработка и создание отраслевых терминологических словарей содействовали улучшению качества перевода. Для координации работы по совершенствованию и упорядочению терминологии были организованы терминологические комиссии. В последние годы работа в области терминологии приняла широкий размах.

В большинстве тюркоязычных союзных и автономных республик выпущены терминологические словари по многим отраслям науки, техники и культуры. При создании терминов успешно применяется принцип максимального использования внутренних возможностей национального языка.

Дальнейшее совершенствование терминологической работы требует углубленного исследования терминотворчества и устранения параллелизма и разнобоя в употреблении терминов.

2

В 20—30-е годы для успешного решения неотложных задач тюркского языкознания было необходимо организовать сбор языкового материала непосредственно в национальных тюркоязычных республиках и областях, на основе которого можно было бы создать научное описание фонетического и грамматического строя каждого из тюркских языков в его диалектных разновидностях. Эта сложная и огромная по объему работа была успешно осуществлена целой плеядой русских тюркологов, которым принадлежат основные заслуги в развитии тюркского языкознания в тот период. Русская дореволюционная тюркология уже располагала капитальными исследованиями фонетического строя ряда

тюркских языков (алтайского, казахского, якутского и др.). В довоенные же годы усилиями советских тюркологов было создано научное описание фонетики алтайского, башкирского, балкарского, каракалпакского, киргизского, кумыкского, ногайского, татарского, туркменского, узбекского, уйгурского, хакасского, чувашского, шорского языков.

В послевоенные годы была продолжена работа по описанию звукового строя тюркских языков, в частности, тех, носители которых населяют территории, вошедшие в состав Советского Союза незадолго до начала или в период Великой Отечественной войны (к таким языкам относятся тувинский, караимский, гагаузский). Советскими тюркологами были даны также описания фонетического строя и зарубежных тюркских языков (турецкого, уйгурского, саларского, сарыг-югурского и др.).

Следующим этапом в изучении фонетики тюркских языков явилось дальнейшее, более углубленное исследование их звукового строя в экспериментальном, сравнительно-историческом и фонологическом аспектах. Основы всех этих исследований были заложены еще в первые годы развития советской тюркологии. Так, в 20-х годах в Казани началось экспериментально-фонетическое изучение татарского и других тюркских языков. Это направление особенно активизировалось в последнее десятилетие. Силами местных языковедческих кадров, подготовленных в лабораториях экспериментальной фонетики Москвы и Ленинграда, достигнуты значительные успехи в области экспериментального исследования вокализма, консонантизма, ударения и интонации азербайджанского, казахского, каракалпакского, киргизского, татарского, тувинского, туркменского, узбекского, уйгурского, хакасского, якутского языков. Продвинулось вперед сравнительное и историческое исследование звукового строя языков. Коллективный труд «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, т. I. Фонетика» (1956) содержит характеристику тюркского вокализма и консонантизма и описание многих важных закономерностей фонетики тюркских языков. Последующее историческое и сравнительное изучение фонетики отдельных тюркских языков (башкирского, татарского, чувашского и др.), а также появившиеся многочисленных диалектологических работ, освещающих фонетические различия внутри конкретных тюркских языков, позволили создать обобщающую монографию «Сравнительная фонетика тюркских языков» (1970). Значительный интерес представляет опыт историко-типологического изучения звукового строя тюркских языков.

В последние годы в тюркском языкознании увеличилось число работ, посвященных изучению звукового строя в фонологическом аспекте. В частности, подобные исследования проводятся по азербайджанскому, узбекскому, чувашскому и некоторым другим языкам. Интерес к фонологии обусловлен стремлением тюркологов-лингвистов уточнить фонемный состав тюркских языков и определить закономерности функционирования их фонематических систем. Звуковой строй тюркских языков изучается также с позиций системной лингвистики (с применением математических методов). Наконец, продуктивным направлением является сопоставительное изучение фонетики тюркских и неродственных языков (русского, английского, французского и др.), ставящее перед собой типологические и научно-методические задачи. Следует подчеркнуть, что на современном этапе развития советской тюркологии фонетические и фонологические исследования ведутся, в основном, уже силами национальных кадров, успешно продолжающих и развивающих научные традиции советских русских тюркологов старшего поколения.

3

Внимание и интерес как к формальной стороне грамматических явлений, так и к их значению составляет одну из особенностей дооктябрьской тюркологии. Это ясно прослеживается во всех работах, начиная с грамматики Мирзы Казембека (1846) и грамматики якутского языка О. Бётлингка (1851) и кончая грамматикой крымскотатарского языка А. Н. Самойловича (1916). Вопросы семантики грамматических форм временами выдвигались даже на передний план, как, например, в «Грамматике алтайского языка» (1869), однако это не было правилом. Указанная традиционная особенность грамматических описаний дооктябрьского времени сохраняется и в трудах советских тюркологов. Вместе с тем послереволюционное тюркское языкознание характеризуется новыми чертами, да и сохранившиеся традиционные особенности русской тюркологической школы претерпели определенные изменения. Если прежде изучение отдельных грамматических явлений носило эпизодический и разрозненный характер, то в советское время изучение грамматики различных тюркских языков стало систематическим и планомерным. В результате проделанной работы советская тюркология в настоящее время располагает большим числом грамматических описаний как письменных, так и бесписьменных языков.

Важнейшие изменения произошли в представлениях и понятиях, относящихся ко всей грамматике в целом и к ее разделам — морфологии и синтаксису, что потребовало также изменения методики изучения грамматики тюркских языков. С 30-х годов в советской тюркологии утверждается метод изучения грамматических явлений посредством анализа грамматических категорий и их систем (работы Н. К. Дмитриева и других). Этот метод вскоре стал господствующим как в синхронных, так и в диахронических описаниях. Форсированию его применения в значительной степени способствовало расширение школьного и вузовского образования на местах, требовавшее создания школьных учебников и вузовских курсов по языку. При помощи этого метода и были получены почти все те сведения о тюркских языках, которыми в настоящее время располагает советская тюркология.

В советское время продолжалось также составление общих фонетико-грамматических описаний тюркских языков, в которых часто освещались важнейшие вопросы грамматики различных тюркских языков и обобщались результаты как собственных исследований авторов, так и исследований, проводившихся в многочисленных тюркологических центрах нашей страны.

Важнейшим итогом истекших десятилетий в области изучения грамматики является детальное выяснение характерных особенностей морфологии и синтаксиса тюркских языков и планомерное изучение их развития в историческом аспекте. Многие морфологические и синтаксические черты тюркских языков, в том числе и изучавшиеся дореволюционной тюркологией, были исследованы заново.

К наиболее важным вопросам грамматики, исследованным советскими тюркологами, следует в первую очередь отнести проблему частей речи. Она касается лишь именных категорий (имя и глагол разграничены весьма четко) и заключается в том, что в различных разрядах именных частей речи нередко отсутствует формальная дифференциация основ существительных и прилагательных, прилагательных и наречий, а нередко существительных, прилагательных и наречий.

В середине 30-х годов была предложена трактовка частей речи, в том числе и именных, как разрядов основ, каждый из которых имеет свойственное ему значение (предмета, признака, признака признака), формальные показатели и синтаксические функции. Эта трактовка, основанная на общих представлениях о данном предмете, утвердилась в советском языкознании и в настоящее время принята большинством советских тюркологов, хотя в последующие годы предлагались и другие решения. В 40—50-е годы частям речи — существительным и прилагательным — посвящалось большое число исследований, авторы которых в основном следовали упомянутой схеме. То же самое можно сказать о работах по морфологии или грамматике, издававшихся в последние годы.

Наряду с учением о частях речи в центре внимания тюркологов находилась и проблема словообразования. В последние 10—20 лет словообразование — одна из основных и излюбленных тем монографических работ. В сравнительно короткое время определились важнейшие проблемы словообразования, среди которых одной из первых следует назвать проблему способов, или форм, словообразования.

Тюркологи занимались также исследованием вопросов семантики, продуктивности форм и состава словопроизводных аффиксов, основ словообразования и др.

Ряд вопросов возник в связи с разработкой аналитических форм словообразования.

В работах 50-х годов различные типы аналитических выражений с лексической функцией были объединены в обширный отдел сложных слов (в значении аналитических форм слов). С этого времени большинством специалистов сложные слова подразделялись на образованные способом сочинения и способом подчинения. В тюркологической литературе высказывался также противоположный взгляд, согласно которому во фразеологических сочетаниях нельзя обнаружить какую-либо словообразовательную модель со свойственными ей словообразовательными значениями.

4

Планомерное изучение синтаксического строя тюркских языков началось в советское время. Четкое определение самого объекта синтаксиса принадлежит русской советской тюркологической школе. В трудах советских тюркологов последовательно проводится разграничение синтаксических единиц — словосочетания и предложения. Достаточно большой раздел в тюркологической литературе занимает теория словосочетаний и предложений; разработаны критерии разграничения словосочетаний и предложений; объектом детального анализа стали такие существенные признаки предложения, как предикативность, модальность, его коммуникативная функция. Ставятся и соответствующим образом освещаются вопросы, связанные с соотношением посессивного и номинативного строя. Только в работах советских тюркологов была вскрыта природа и сущность такой специфической для тюркских языков синтаксической категории, как *изафет*.

Словосочетания и предложения, получившие статус самостоятельных синтаксических единиц, детально описываются на материале конкретных тюркских языков: азербайджанского, башкирского, казахского, туркменского, узбекского, чувашского, якутского и др.

Разработка синтаксической структуры тюркских языков в советское время характеризуется не только подробным анализом большого

фактического материала, но и теоретическим характером его освещения. В лингвистических работах, посвященных синтаксическому строю тюркских языков, находят отражение такие теоретические вопросы, как природа и типы сказуемого, соотношение предикативных и атрибутивных конструкций, природа причастных, деепричастных, глагольно-именных конструкций, принципы классификации словосочетаний, типов простого и сложного предложения.

Теоретические проблемы синтаксиса широко дискутируются, что способствует их более углубленной разработке. Так, например, многие годы в тюркологической литературе обсуждается вопрос о загадочной природе синтаксической категории — причастных, деепричастных, глагольно-именных конструкций со своими подлежащими, о том, являются ли они придаточными предложениями или развернутыми членами предложения. Эти конструкции анализировались на основе общей теории предложения, характера коррелятивной связи между главными членами предложения, теории развития сложного предложения в тюркских языках.

Анализ типов синтаксической связи в рамках словосочетаний и предложений (простых и сложных) позволил выделить новые структурные типы, как, например, многообразный структурный тип бессоюзных сложных предложений, получивший достаточно полное освещение в работах советских тюркологов.

Современное состояние изучения синтаксиса тюркских языков характеризуется тем, что при постановке вопросов, связанных с синтаксическим строем (так же, как и с другими уровнями) одного языка, широко привлекается материал группы генетически родственных и неродственных языков соответствующего ареала.

Задачи, стоящие перед исследователями синтаксической структуры тюркских языков, сводятся главным образом к дальнейшей углубленной разработке теоретических основ синтаксиса: выявлению общих универсальных линий развития синтаксического строя и той специфики, которая присуща структуре тюркских языков.

5

В советский период большое развитие получила отечественная тюркская лексикография, которой ранее от случая к случаю занимались лишь отдельные энтузиасты, оказавшие все же во многом определяющее влияние на методику составления словарей тюркских языков. На первых порах усилия лексикографов были направлены главным образом на решение насущных задач языкового строительства — укомплектование недостающей лексики в младописьменных языках, ее демократизацию и обогащение в литературных языках с продолжительной письменной традицией. Сравнительно быстро были созданы терминологические словари первой необходимости по азербайджанскому, башкирскому, казахскому, киргизскому, крымскотатарскому, кумыкскому, татарскому, туркменскому, узбекскому, чувашскому и якутскому языкам. Первую их серию сменили более полные и усовершенствованные словари самого различного профиля. Одновременно шла интенсивная работа над составлением общих переводных словарей тюркских языков преимущественно нормативного и учебного назначения. Уже в 20—30-е годы был опубликован целый ряд таких словарей по азербайджанскому, узбекскому, уйгурскому, татарскому, чувашскому, якутскому и другим языкам. В этот период начал издаваться капитальный «Словарь

чувашского языка» Н. И. Ашмарина (вып. 1—17, 1928—1960), вышли в свет второй и третий тома «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского и две части первого тома «Полного толкового словаря татарского языка» Дж. Валиди.

Начиная с 40-х годов тюркская лексикография развивалась особенно успешно и планомерно. Именно в этот период были созданы самые полные и лучшие русско-тюркские (азербайджанский, башкирский, казахский, карачаево-балкарский, каракалпакский, киргизский, кумыкский, ногайский, татарский, тувинский, туркменский, узбекский, уйгурский, хакасский, чувашский и якутский) словари.

Еще более значительных успехов достигла тюркско-русская лексикография. В 1940 г. К. К. Юдахиным был издан первый капитальный «Киргизско-русский словарь» на 25 тыс. слов, наглядно отражающий результаты длительного и сложного процесса обогащения и нормализации национальной лексики. Вслед за ним стали выходить в свет один за другим сравнительно полные первые переводные словари туркменского (1940), хакасского (1953), тувинского (1955, 1968), башкирского (1958), каракалпакского (1958), ногайского (1963) и кумыкского (1968) языков, а также новые словари узбекского (1941), казахского (1945, 1954), алтайского (1947), якутского (1947), татарского (1950), азербайджанского (1951), уйгурского (1961) и чувашского (1961) языков. В конце 50-х годов начали издаваться более полные и в то же время компактные однотомные словари аналогичного профиля примерно на 40 тыс. слов с развернутой и четкой семасиологической и стилистической квалификацией тюркской лексики: узбекско-русский (1959), киргизско-русский К. К. Юдахина (1965), татарско-русский (1966), туркменско-русский (1969), уйгурско-русский Э. Н. Наджиба (1968). В печати находятся аналогичные переводные словари турецкого, караимского, гагаузского и казахского языков. Составляются они и по другим тюркским языкам.

Начиная с 50-х годов весьма широко развернулась работа по составлению толковых словарей тюркских языков. Уже изданы первые толковые словари казахского (1959—1961), туркменского (1962), азербайджанского (1966) и киргизского (1969) языков. Скоро появятся толковые словари татарского, башкирского и ряда других тюркских языков.

Одновременно составляются словари и других типов. Издан ряд диалектологических, исторических, фразеологических и синонимических словарей, а также этимологические словари казахского и чувашского языков, несколько словарей омонимов и языка отдельных писателей. Большую научную ценность представляет «Древнетюркский словарь» (1969).

В настоящее время во всех тюркоязычных республиках и областях имеются квалифицированные специалисты-лексикографы, работающие на уровне, отвечающем высоким требованиям современного языкознания.

6

Советская тюркская диалектология и диалектография располагает в настоящее время большим количеством монографических описаний отдельных говоров, диалектов и их групп всех основных тюркских языков. По ряду языков (азербайджанскому, татарскому, киргизскому, казахскому и некоторым другим) имеются также и обобщающие исследования, характеризующие их конкретные диалектные системы.

Созданы также специальные диалектологические словари, наиболее полными из которых являются словари по башкирским, татарским, уйгурским, казахским, узбекским и некоторым другим говорам и диалектам.

Из теоретических исследований по тюркской диалектологии следует указать на фундаментальное, содержащее обобщающее описание всех диалектов и говоров тюркских языков народов СССР, но еще не опубликованное исследование «Диалекты тюркских языков», подготовленное коллективом крупных тюркологов-диалектологов под руководством сектора тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР.

Исследование «Диалекты тюркских языков» содержит характеристику диалектных систем азербайджанского, алтайского, башкирского, гагаузского, казахского, караимского, каракалпакского, карачаево-балкарского, киргизского, крымскотатарского, кумыкского, татарского, ногайского, тувинского, туркменского, узбекского, уйгурского, хакасского, чувлымского, чувашского, шорского и якутского языков, то есть впервые обобщает материалы по всем диалектам и говорам тюркских языков, представленным в Советском Союзе.

Развернувшаяся в последние годы научно-исследовательская работа по созданию национальных атласов по конкретным тюркским языкам способствовала появлению специальных исследований и статей, касающихся некоторых общих теоретических вопросов, а созываемые периодически общетюркские и региональные диалектологические конференции и совещания позволили всесторонне обсудить эти исследования и дать им объективную оценку.

Из основных теоретических проблем и вопросов, касающихся диалектологии тюркских языков, отметим следующие: всесторонний анализ и установление конкретных типов диалектных систем отдельных тюркских языков, которые определяются, с одной стороны, степенью сохранения родоплеменной структуры их диалектного членения, а с другой — процессами феодализации и концентрации говоров вокруг крупнейших экономических центров; определение характера диалектной структуры конкретных языков по влиянию родственных и неродственных языков и их взаимодействию; распространение тюркского языка в иноязычной среде как фактор, определяющий диалектную систему некоторых тюркских языков; объединение близкородственных языков в единую систему диалектов; уточнение специальной терминологии, связанной с изучением диалектов, а именно: определение значения таких терминов, как язык, диалект, наречие, говор, подговор, группа говоров и пр.; история формирования конкретных диалектов и их роль в определении этногенеза конкретных народов — носителей диалектов; создание единой транскрипции для всех тюркских языков и пр.

Специальные работы, написанные по этим проблемам, создали базу для проведения более широких исследований и обобщений, в связи с чем на одном из региональных диалектологических совещаний был поставлен вопрос о необходимости составления общего диалектологического атласа всех тюркских языков СССР.

В настоящее время проводится регулярная работа по сбору материала для пробного общетюркского атласа, рассчитанного на 50—100 карт, по специальному вопроснику, подготовленному сектором тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР на основе единой для всех тюркских языков специально разработанной транскрипции.

Создание общего для всех тюркских языков СССР диалектологического атласа ставит целью более точное определение границ распро-

странения конкретных тюркских языков, выяснение своеобразия и специфики их диалектных систем, уточнение истории образования диалектов и говоров, внесение корректив в существующие классификации тюркских языков, элиминирование субстратных явлений, влияющих на формирование некоторых языков и, главным образом, изучение распространения основных фонетических и морфологических закономерностей, а также лексических особенностей, определяющих ту или иную диалектную систему.

Общетюркский диалектологический атлас послужит основой для дальнейшего детального изучения диалектов конкретных тюркских языков, позволит подойти к решению новых теоретических проблем и вопросов и, в частности, установить промежуточные языки-основы, на базе которых развивались такие группы близкородственных тюркских языков, как болгарская, огузская, кыпчакская, карлукская и др.

Таким образом, ближайшей задачей изучения диалектов тюркских языков является составление национальных, региональных и общетюркского диалектологического атласов и решение тех общетюркских вопросов, которые могут быть разработаны на основе этих атласов.

7

Стилистика — новая область в отечественной тюркологии послеоктябрьского периода. Ее формирование связано со становлением литературных тюркских языков, их развитием, изменением функций как младописьменных, так и старописьменных тюркских языков.

В годы Советской власти изменилась сфера употребления тюркских языков. Новые массовые виды информации, появление национальной школы и национального театра, различные формы культурно-просветительской работы (лекции, доклады, беседы), а также создание научных центров на местах, подготовка национальных кадров в различных научных областях — все это способствовало интенсивному развитию младописьменных и старописьменных языков и привело к созданию новых стилистических систем в тюркских языках. Именно в годы Советской власти многие литературные языки обрели характерные для любого развитого литературного языка стили: художественной, научной, общественно-политической, или публицистической, литературы, официально-деловой и канцелярской. В формировании стилей в тюркских языках чрезвычайно велика роль русского языка. Одни из них создавались по образцу соответствующих стилей русского языка, другие под влиянием русского языка развили потенциально заложенные в них черты и особенности.

Новые стилистические системы, каждая из которых характеризуется соответствующими лексико-фразеологическими и грамматическими особенностями, стали предметом специального изучения. В этой области советскими тюркологами были достигнуты значительные успехи. Созданы специальные монографии, освещающие основные вопросы стилистики отдельных тюркских языков: исследованы фонетические, лексические и морфологические возможности азербайджанского и чувашского языков в области стиля; изучены лексико-фразеологическое и синтаксическое богатство узбекского, туркменского и татарского языков; рассмотрены проблемы публицистического стиля (история его формирования, специфика изменения словарного состава) на материале татарского языка; исследовались стили художественной литературы и особенности индивидуального стиля писателей. Разработка вопросов.

связанных с изучением языка отдельных писателей, в тюркской стилистике особенно плодотворна. И это не случайно. Художественной литературе на тюркских языках в многонациональной литературе нашей страны принадлежит важное место. В писательской лаборатории художественные средства выражения получают индивидуальную окраску и дальнейшее развитие. Творчество писателей играет исключительно важную роль в развитии лексики тюркских языков, в становлении литературных языков и обогащении их словаря (прежде всего за счет диалектов). Все эти и целый ряд других вопросов получили освещение во множестве статей, написанных на материале азербайджанского, узбекского, татарского, туркменского, чувашского и некоторых других тюркских языков. Ценность этих статей заключается в конкретном анализе особенностей языка того или иного национального писателя или его отдельного произведения, что позволяет установить роль творчества писателя в развитии национального языка.

Многочисленные исследования по вопросам стилистики указывают не только на актуальность этих вопросов, но и на то, что тюркские языки как старописьменные, так и младописьменные находятся в настоящее время в процессе постоянного совершенствования и развития.

8

Традиции изучения языков памятников были заложены еще до революции трудами отечественных ученых.

В советское время продолжалось исследование тюркско-рунических (или орхоно-енисейских) памятников. Появились новые публикации (вслед за В. В. Радловым, С. Е. Маловым) этих памятников с углубленными лингвистическими и историко-этнографическими комментариями. Многие из них по сей день остаются непревзойденными образцами филологических исследований. Была установлена верхняя датировка енисейских памятников (до монгольского нашествия), открыты новые ранее неизвестные районы тюркской руники: Якутия, Алтай, Средняя Азия, Кавказ. Встал вопрос о кодификации тюркской руники на территории СССР и о составлении соответствующего атласа.

Большая группа исследователей разрабатывала вопросы генезиса тюркского рунического письма, отдельные аспекты графо-фонетики и грамматики как непосредственно самих памятников, так и в сопоставлении с современными тюркскими языками. Последнее направление, мало себя оправдывающее, не получает дальнейшего развития. Перед исследователями в настоящее время встают следующие задачи: выяснение фонемно-фонетического состава и структуры языка рунических памятников, описание его синтаксиса и грамматической системы в целом; выявление его особенностей как языка наддиалектного типа и вместе с тем прослеживание в нем диалектных черт.

Труд В. В. Радлова «Памятники уйгурского языка» (1928), опубликованный после смерти автора, ознаменовал целую эпоху в исследовании языка древних уйгуров. Тюркологи продолжали работу над изданием новых текстов и изучением их в лингвистическом аспекте (с опытом реконструкции древнеуйгурского консонантизма). Возобновилось исследование языка крупнейшего древнеуйгурского памятника «*Suvag-parabhāsa*» («Алтуң ярүк — Золотой блеск»).

В настоящее время ведется подготовка к изданию текстов юридического, хозяйственного и эпистолярного содержания. На очереди второе издание памятника «Алтуң ярүк» с лексическим индексом и полной грамматикой древнеуйгурского языка.

Одновременно с изучением древних языков восточного ареала шло исследование языка памятников и западного ареала. Опубликован сводный текст (по трем рукописям) части караханидско-уйгурской поэмы «Кутадгу билиг» с заметками по графике и языку. Недавно появился сводный полный текст поэмы с переводом на узбекский язык. Однако язык «Кутадгу билиг» изучен все еще недостаточно, на очереди — полное описание грамматики языка поэмы и подготовка словаря.

Советские исследователи уделяют большое внимание и другому крупному памятнику тюркских языков караханидской эпохи — «Словарю тюркских языков» Махмуда Кашгарского, содержащему, в отличие от многих других памятников, народно-разговорный лингвистический материал. Опубликовано новое издание «Словаря» с переводом арабской части на узбекский язык. Подготовлен перевод «Словаря» на азербайджанский и русский языки. Недавно были опубликованы материалы конференции, посвященной 900-летию труда Махмуда Кашгарского¹, свидетельствующие о большой ценности «Словаря» для исследования тюркских языков, фольклора и истории.

В круг исследований советских ученых вошли древнетюркские памятники, близко примыкающие к «Кутадгу билиг» и «Словарю тюркских языков». Это — поэма «Подарок истин» Ахмеда Югнекского, стихи Ахмеда Ясеви, произведение в прозе «История пророков» Рабгузи, словари Ибн-Муханны, Замахшари и словарь к тефсиру из Карши.

Немало сделано в области изучения языка среднетюркских памятников — хорезмских по происхождению. Вышли из печати как отдельные публикации, так и сводные работы (словарь по текстам хорезмских памятников).

Советскими учеными издан и исследован ряд чагатайских памятников, в том числе сочинения Алишера Навои, Бабур, Мухаммеда Салиха, Мехди-хана, Абу-л-Гази. Изучались также произведения предшественников Навои: поэтов Атаи, Лутфи, Секкаки, Эмири и др. •

Созданы труды обобщающего характера: работы по периодизации литературного среднеазиатско-тюркского языка (караханидский, хорезмский, чагатайский и узбекский периоды), о взаимодействии языков и литератур до Навои и после него, грамматические очерки восточнотуркестанских и чагатайских текстов, древнетюркский словарь, словари к отдельным письменным памятникам. На очереди создание сводного словаря к «Дивану» Навои.

Изучались языки и памятники и других ареалов: кумыкские тексты, кыпчакско-огузские письменные памятники Египта мамлюкской поры, армяно-половецкие тексты из Каменец-Подольска, болгарские и сельджукские памятники.

Однако в центре внимания исследователей находился среднеазиатский ареал в связи с тем важным местом, которое он занял в древней истории литературных языков большей части тюркоязычных народов нашей страны. На основе среднеазиатского цикла возник язык «тюркí» с локальными вариантами (кавказским, поволжским, среднеазиатским), употреблявшимися до революции тюркоязычными народами в качестве литературного языка. «Тюркí» сочетал в себе в том или ином соотношении глубокие традиционные черты языка предшествующих эпох и особенности живого народного языка. Он оказал известное влияние на становление норм и стилей современных литературных тюркских языков на ранних этапах их развития. Процесс форми-

¹ «Советская тюркология», 1972. № 1.

рования современных литературных языков многих тюркоязычных народов без знания «тюрки» и особенностей языков средневековья понять невозможно.

В последние годы все более возрастает интерес к разработке истории национальных литературных языков. Написаны работы о возникновении и формировании норм, стилей, терминологии татарского, башкирского, казахского, узбекского, туркменского, азербайджанского, чувашского языков.

В настоящее время данное направление становится ведущим по своему теоретическому и общественно-политическому значению.

9

Первые шаги сравнительно-исторической тюркологии в нашей стране относятся ко времени появления классической работы О. Бётлингера «О языке якутов». Накопленные по живым тюркским языкам материалы, описание ряда памятников, синтезирующие труды В. В. Радлова, особенно по сравнительной фонетике тюркских языков, позволили П. М. Мелиоранскому поставить задачу создания тюркской сравнительно-исторической грамматики как одну из основных задач тюркологии и наметить пути ее выполнения.

Однако в рамках дореволюционной тюркологии программа П. М. Мелиоранского, предусматривавшая знание всех современных тюркских языков и изучение большого числа письменных памятников и документов, едва ли была осуществимой: языковеды-тюркологи насчитывались тогда единицами, научных центров на местах почти не существовало.

О необходимости подготовительных работ к созданию сравнительно-исторической грамматики говорилось уже в резолюции Первого тюркологического съезда. Многие методические и практические проблемы сравнительно-исторического изучения тюркских языков обсуждались в докладах и выступлениях его участников.

В годы Советской власти сравнительно-историческое изучение тюркских языков проводилось, в зависимости от ряда объективных и субъективных факторов, с различной степенью интенсивности. На первых этапах наиболее плодотворно разрабатывалась сравнительно-историческая фонетика, исследовался генезис числительных, местоимений, некоторых словоизменительных и словообразовательных аффиксов. В работах общеалтаистического плана были предложены первые реконструкции пратюркской вокалической и консонантной систем.

Лишь к 50-м годам относятся первые попытки приступить к синтезирующим работам, пока, правда, только предваряющим создание подлинной сравнительно-исторической грамматики. Тогда же и несколько позднее появляются исследования по исторической фонетике татарского и башкирского языков, историческому словообразованию, истории отдельных грамматических категорий (временных форм глагола, наклонений, этимологии аффиксов множественного числа настоящего, будущего и прошедшего времен, условного наклонения и т. д.). Иной тип исследований представляют грамматические комментарии к изданиям памятников, опыты исторических морфологий и синтаксисов отдельных тюркских языков по данным памятников и т. д.

Исследовательская практика повлекла за собой необходимость отработки методических приемов и теоретических положений сравнительно-исторических исследований, которые стали предметом обсуждения на совещании в Ашхабаде и симпозиуме в Москве.

За последнее время количество публикаций сравнительно-исторического характера значительно возросло: первое место по-прежнему занимает фонетика, менее продвинулась вперед морфология (здесь пока не существует цельной реконструкции пратюркской морфологической системы), заложены основы для создания сравнительно-исторического синтаксиса. До сих пор отсутствуют комплексные исследования (за исключением отдельных статей), в которых оценивались бы состояние, соотношение и значимость для сравнительно-исторических разысканий таких источников, как письменные памятники, живые языки и диалекты, тюркские заимствования в языках иных семей и рассматривались бы методика внешней (сравнительной) и внутренней реконструкций и другие бытующие в сравнительном языкознании исследовательские приемы применительно к материалу тюркских языков. Не существует также в достаточной степени объективно аргументированного фактическим материалом взгляда на зависимость тюркской и общеалтайской сравнительно-исторических грамматик. Наряду с совершенствованием и уточнением методики тюркское сравнительно-историческое языкознание, по-видимому, нуждается в привлечении новых фактических материалов, особенно диалектных, в избавлении от смешения сравнительных (= сопоставительных) исследований с подлинно сравнительно-историческими, а история отдельных языков — в более четком определении объекта своего исследования.

Следует заметить, что истории отдельных тюркских языков, предусмотренные вузовскими курсами, в связи с известными трудностями читаются далеко не везде. Существующий в этом вопросе разнобой может быть устранен только после создания основы пратюркских реконструкций как исходной точки развития отдельных языков и разработки методической стороны вопроса.

Поэтому теперь стоит на очереди написание сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, что, несомненно, послужит дальнейшему развитию советской тюркологии, открыв новые возможности для решения ее текущих задач.

10

Технический прогресс середины XX в. открыл перед лингвистикой новые перспективы и выдвинул целый ряд новых задач, успешное решение которых было бы невозможно без применения в исследовании языка точных методов. В советской тюркологии первые результаты в этой области были получены в начале 60-х годов. Уже первые публикации характеризовались главными отличительными чертами подобного рода работ — формальностью (то есть логической последовательностью, однозначностью и эксплицитностью) описания и отражением основного арсенала специальных приемов и методов исследования (построением лингвистических моделей, статистическим анализом текста, использованием математического аппарата). При этом наметились также три основных направления: 1) автоматический анализ и синтез текста, 2) автоматизация лингвистических исследований и 3) структурно-типологические исследования.

Работы первого направления представляют собой формальные описания фрагментов морфологии и синтаксиса отдельных тюркских языков в виде системы автоматически выполнимых правил, моделирующей: либо 1) синтез — порождение текста человеком, либо 2) анализ — выведение человеком смысла текста. К ним относятся: 1) алгоритмы мор-

фологического и синтаксического анализа и синтеза при машинном переводе, предназначенные для реализации на электронной вычислительной машине (например: алгоритм морфологического анализа татарских существительных и глаголов; алгоритм синтаксического анализа татарской фразы; алгоритмы порождения азербайджанских и узбекских словоформ); 2) описания, моделирующие отдельные стороны грамматического строя того или иного языка вне связи с ЭВМ (например, работы о грамматике порядков и ее использовании для синтеза глагольных форм узбекского и азербайджанского языков).

Работы второго направления моделируют отдельные стороны деятельности лингвиста, а именно: 1) составление алгоритмов (например, работа об алгоритмизации составления алгоритма анализа языка, в которой даются два способа описания дистрибуции морфем существительных узбекского языка и правила преобразования дистрибутивной записи в логическую схему алгоритма) и 2) собирание языковых данных, в частности, составление конкордансов и частотных словарей (например, алгоритмы выделения предлождений с определенными опорными словоформами и с определенными сочетаниями слов; при помощи этих алгоритмов были получены на ЭВМ «Минск-22» по тексту романа М. О. Ауэзова «Абай жолы» («Путь Абая») списки всех предложений: а) с высокочастотными трехсловными сочетаниями — например, типа *отугур, куур žetedi*, б) с высокочастотными глаголами, например: *ekep, degen, dep* и в) с определенным сочетанием частей речи, например, «прилагательное+глагол»: *elsiz bor, ünsiz telmirip*).

Для структурно-типологического направления характерно обращение как к синхронии (например, работы: 1) о некоторых типах слово-разграничительных сигналов в языках тюркских и банту; 2) о каузативах и антикаузативах в чувашском языке; 3) о детерминанте строя тюркских языков; 4) о применении принципа деривации к описанию синтаксических структур предложения в тюркских языках), так и — в меньшей степени — к диахронии (например, исследование о тюркском вокализме и сингармонизме).

Кроме работ, принадлежащих к какому-либо одному из этих направлений, имеются исследования, которые можно отнести одновременно к разным направлениям. Так, например, работа об алгоритмизации составления алгоритма может быть отнесена также и к первому направлению, моделирующему речевую деятельность человека, так как предложенные в ней способы описания дистрибуции морфем узбекских существительных и приложенная к ней «Таблица формообразования существительных» представляют самостоятельный интерес и могут быть использованы как при анализе, так и при синтезе текста. А работы о правилах сингармонической огласовки аффиксов в тюркских языках и их реализации с помощью электронных автоматов или об использовании грамматики порядков для моделирования морфологической структуры тюркских языков относятся одновременно и к первому, и к третьему направлениям.

Точные методы находят в тюркологии все более широкое применение. Расширяется как охват привлекаемых языков, так и круг исследуемых проблем. Для последних лет характерно активное использование вероятностно-статистических и теоретико-информационных методов, что нашло отражение в работе семинара по статистическому и информационному изучению тюркских языков, проходившего в мае 1970 г.

в Алма-Ате, а также в некоторых публикациях. Кроме того, в последние годы в тюркологии наблюдается усиление внимания к семантике, что характерно для современной «точной» лингвистики.

11

Уже в первые годы Советской власти возникла необходимость в подведении итогов изучению тюркских языков за весь предшествующий период. На Первом всесоюзном тюркологическом съезде в числе очередных задач на ближайшее будущее было названо составление библиографии по тюркологии.

С тех пор советскими тюркологами в этом направлении была проделана большая работа. Первой серьезной попыткой составить единую библиографию основной отечественной и иностранной литературы по тюркологии следует считать книгу А. Е. Крымского «Тюрки, їх мови та літератури, I. Тюркські мови». Вип. 2. (Киев, 1930). Литература вопроса во всех разделах книги приводится после более или менее обстоятельных вводных замечаний и сопровождается краткими характеристиками цитируемых работ.

Аналогично составлены книги Н. А. Баскакова: «Тюркские языки» (М., 1960) и «Введение в изучение тюркских языков» (М., 1962; 1969). Они включают всю основную литературу по тюркологии, начиная с древних азбучовников и кончая работами последних лет.

Книга А. Н. Кононова «История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период» (Л., 1972) вводит в научный обиход много нового, содержательного, тщательно выверенного, документированного материала и существенно пополняет или уточняет наши знания о различных этапах истории отечественной тюркологии. Послеоктябрьскому периоду изучения тюркских языков посвящена брошюра А. Н. Кононова «Тюркская филология в СССР. 1917—1967» (М., 1968).

Помимо монографического описания истории изучения тюркских языков, следует отметить вышедшие вскоре после Первого тюркологического съезда и в дальнейшем издававшиеся библиографические указатели по азербайджанскому, башкирскому, казахскому, киргизскому, татарскому, туркменскому, уйгурскому, чувашскому и якутскому языкознанию. Сведения о литературе по тюркскому языкознанию можно почерпнуть из указателей, подготовленных Институтом языкознания и Фундаментальной библиотекой Академии наук СССР. Вышли в свет библиографические словари «Азербайджанские языковеды» (сост. А. М. Курбанов и Б. М. Ибрагимов, Баку, 1970), «Узбекские лингвисты» (сост. Х. Узаков, Ташкент, 1965, 1972), «Уйгуроведение и уйгурские ученые в СССР» (сост. И. А. Исмаилов, Ташкент, 1969), содержащие сжатые биографические очерки о том или ином тюркологе и перечень его основных работ.

Близится к завершению большая коллективная работа «Алтайское языкознание. Библиографический указатель литературы по алтайским (тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским) языкам, изданной в России и СССР. 1726—1970».

Различные по профилю, охвату и принципам отбора и описания материала (в том числе и по языку описания), эти указатели, в целом, убедительно свидетельствуют о широком размахе работ, ведущихся в центре, республиках и областях по общим вопросам тюркологии и конкретным тюркским языкам. К этому следует еще добавить растущее с каждым годом число книг и брошюр, посвященных крупным тюрколо-

гам прошлого, журнальные персоналии, ведомственные (академические, университетские, институтские) библиографии, итоговые обзоры, а также многочисленные — иногда весьма обширные — прикнижные и пристатейные библиографии.

На очереди — выпуск в свет сводных биобиблиографических словарей отечественных тюркологов и систематического библиографического указателя по тюркологии, которые отразили бы все наиболее важные издания на всех языках страны.

* * *

*

В течение длительного времени основным направлением в советской тюркологии была разработка практических вопросов, связанных с задачами языкового строительства. Можно, пожалуй, отметить, что наиболее изученным оказался грамматический и фонетический строй тюркских языков, отчасти лексика — в плане синхронии. Хотя немало сделано в области разработки и других проблем тюркского языкознания. В настоящее время ясно очерчивается проблематика, требующая дальнейшего исследования, а именно: а) сравнительно-историческая грамматика тюркских языков; б) историческая грамматика отдельных тюркских языков; в) фонетика и грамматика современных тюркских языков; г) лексика и лексикография современных и древних тюркских языков; д) история народноразговорных тюркских языков; е) история формирования литературных тюркских языков; ж) лингвистическая география; з) диалектология современных и древних тюркских языков; и) библиография отечественной и зарубежной тюркологической литературы и т. д.

Советское тюркское языкознание за полвека своей истории накопило богатый опыт в области как теории, так и практики тюркологической работы. Развитие советского общества в каждый новый период ставит перед советскими тюркологами новые задачи. Обогащаясь собственным и мировым опытом, советская тюркология неустанно ищет эффективные и плодотворные пути решения выдвигаемых жизнью задач. В этом — залог ее успехов и в будущем.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. З. АБДУЛЛАЕВ

О ТРАНСФОРМАЦИИ КОМПОНЕНТОВ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Сложноподчиненные предложения, как известно, состоят минимум из двух компонентов (главного и придаточного предложений). В современном азербайджанском языке некоторые из двукомпонентных сложноподчиненных предложений претерпевают изменения: одни из них усложняются, становясь многокомпонентными¹, другие упрощаются. В последнем случае один из компонентов утрачивает функцию главного или придаточного предложения, то есть изменяется качественно, превращаясь в лексическую единицу. Этот процесс мы называем трансформацией.

Трансформация главных предложений

Определенной части главных предложений свойственна модальность. Такие предложения, утрачивая со временем синтаксические признаки главного предложения, становятся в основном средством выражения модальности. Таким образом, эти предложения приобретают характер вводных, а в дальнейшем превращаются во вводное или модальное слово, частицу и т. п., застывая в этом качестве в соответствующей форме. Трансформации подвергаются как глагольные, так и именные предложения.

Нередко число членов главного предложения сокращается в силу действия принципа экономии. Порогом сокращения выступает глагольное сказуемое. Глагол же с относящимися к нему словами превращается во вводное предложение или же становится вводным словом. Чаще всего модальные отношения выражаются глаголами типа *bilmäk'* 'знать', 'мочь', 'думать', *istämäk'* 'хотеть', *demäk'* 'говорить', *g'ögmäk'* 'видеть', *inanmaq* 'верить' и др.

Наиболее распространены случаи трансформации главных предложений с различными спрягаемыми утвердительными и отрицательными формами глагола *bilmäk'* 'знать', например:

*Mən əjlə bilirdim ki, mənə jər olaçağsan,
Aləmdə mənə jəri-vəfadər olaçağsan* (С. Э. Ширвани)
'Я так думал, что моей любимой ты будешь,
На свете мне самой верной любимой ты будешь'.

¹ См.: А. З. Абдуллаев. Сложные предложения усложненного типа в азербайджанском языке. — «Советская тюркология», 1971, № 3, стр. 13—24.

В этом примере первая строка представляет собой сложноподчиненное предложение. Наличие всех необходимых членов, общая структура сложного предложения обеспечивают стабильность главного предложения.

С опущением подлежащего главного предложения (*män* 'я') и союза *k'i* первый компонент сложноподчиненного предложения утрачивает функции главного предложения.

Elä bildim, mēni kōtūrūb gojduḷar daḡyn bašyḡna («Азербайжан нағыллары») 'Мне показалось, меня подняли на вершину горы'.

Здесь предложение *eḷä bildim* 'мне показалось' — трансформирующийся главный компонент сложноподчиненного предложения. Подобная трансформация имела место и в следующих предложениях:

Bilmirəm, nə iši var idisə, səni kōrən kimi donuzluḡa kirdi (дастан «Кор-оғду») 'Не знаю, что ему было нужно, как только увидел тебя, вошел в свинарник'.

Bilmirəm, adamlar niḡə əz iši ilə məşḡul olmurḷar (газета «Ədəbiyyat və incəsənət») 'Не знаю, почему люди не занимаются своим делом'.

Allah bilir, ürəjindən nə keçir (С. Рəһман) 'Бог знает, что у него на сердце'.

Kim bilir, bəlkə də Taḡirə belə kōrünürdü (H. Meһdi) 'Кто знает, может быть, Таиру так казалось'.

Kim bilə, indi haradaḡыр (Ч. Чаббарлы) 'Кто знает, где он теперь находится'.

Nə bilim, necə kədiḡ (газета «Bakı») 'Откуда мне знать, как он ушел'.

Sərvinaz ḡary onu kōrüb çaḡyrmasaḡды, kim bilir, nə vaxta kimi oraḡa daḡana-çagḡы (B. Baḡramov) 'Если бы старуха Сервиназ не увидела и не окликнула его, кто знает, до каких пор он там стоял бы'.

Lidiya içəri kiḡməsaḡды, çoban, kim bilir, beləçə nə gəḡər otuḡaçagḡы (Ə. Əbül-həsən) 'Если бы Лидия не вошла, кто знает, до каких пор чабан так сидел бы'.

Особенно ясно ошутим переход первой части сложных предложений во вводное слово в следующих примерах:

Necə bilirsiniz, bir kanal bu gəḡər torpaḡы aḡatə eḡə bilərmiz? (И. Əfəндијев) 'Как вы думаете, может ли один канал охватить (оросить) столько земли?'.

Здесь словосочетание *peḡə bilirsiniz* 'как вы думаете' отделяется от последующей части предложения паузой.

В современном азербайджанском языке представлены и такие типы главных предложений с глаголом *bilmək* 'знать', которые давно трансформировались в модальные слова. Примером может служить лексикализованное словосочетание *eḷä bil* 'будто', 'как будто', генетически являвшееся главным предложением:

Elə bil səz bir tixə ḡary çadы oḡub, boḡazyḡna iliḡimmiḡди (Ə. Vəliјev) 'Как будто слово, превратившись в кусок просяного хлеба, застряло у него в горле'.

Elə bil kōrəz uşaḡын jaḡыḡna nubar meḡvə ḡuḡdu (Ə. Vəliјev) 'Как будто ребенок вспомнил о ранних фруктах'.

Сочетание *eḷä bil* при употреблении в качестве главного предложения имело значение обобщенно-личного предложения.

В азербайджанском языке *elä bil* входит в синонимический ряд *g'uja, g'uja k'i, sank'i, dejäsän*.

Определенной трансформации подвергаются также главные предложения с глаголом *g'ögmäk'* 'видеть':

Көрүрәм, јаман һазырлашырсыныз (газета «Бақы») 'Вижу, вы здорово готовитесь'.

Көрүрсән, вахтында мәним мәсләһәтима бахса идин, белә олмазды (журн. «Кирпи») 'Видишь, если бы ты во время прислушался к моему совету, так не получилось бы'.

Көрүрсүнүзмү, ахырда ши кәмиб һараја чыхды (газета «Бақы») 'Видите, какой в итоге оборот приняло дело'.

Приведенные примеры свидетельствуют об утрате главными предложениями присущей им грамматической специфики и переходе их в разряд вводных слов, хотя эти предложения и не имеют единой формы. Форма же *g'ögünüg* застыла и превратилась в модальное слово со значением «по-видимому, кажется»:

Көрүнүр, ахшамусту јағыш јағачаг (журн. «Азәрбајчан») 'Видимо, к вечеру будет дождь'.

Көрүнүр, һәлә чох чалышмалы олачагсыныз (газета «Бақы») 'Видимо, вам еще придется много потрудиться'.

Көрүнүр, мән бир гәдәр еһтијатсызлыг етмишәм. (Һ. Сејидбәјли) 'Видимо, я допустил некоторую неосторожность'.

Во всех приведенных выше предложениях слово *g'ögünüg* сохраняет единую форму, независимо от времени, лица, числа и других грамматических категорий. Встречающийся в современном азербайджанском языке при вводных словах подобного типа элемент *k'i* (например, *g'ögünüg k'i*) восходит к союзу *k'i*, соединяющему главное и придаточное предложения. Однако при вводных словах элемент *k'i* употребляется как усилительная частица, например:

Көрүнүр ки, бир неча гајмагпәрәст арвад гајмағын габағыны кәсиб, базара чатмадан алмыш (С. Рәһимов)

'Видимо, несколько женщин — охотниц до сливок, купили сливки, не дав донести их до рынка'.

Јох, чәнаб Карпов, көрүнүр ки, сәнин часуслуг ва кәшфијат ишиндә тәһрүбән о кәндлидән дә аздыр (Е. Аббасов)

'Нет, господин Карпов, по-видимому, у тебя опыта в деле шпионажа и разведки меньше даже, чем у того крестьянина'.

Иногда у одного и того же автора встречается употребление вводного слова как с частицей, так и без нее:

Көрүнүр, дүшмәнләр мәним идарә ишләриндән белә тез бир вахтда баш чыхардығыма көрә... гуллуғуку агзымдан чыхармаг истәјирләр (С. Рәһимов)

'Видимо, враги, из-за того, что я за такое короткое время хорошо разобрался в делах управления..., хотят отнять у меня должность (лишить должности)'.

Можно предположить, что употребляющиеся в современном азербайджанском языке частицы *g'ögüm* 'посмотрю', *g'ögäk'* 'посмотрим' также некогда составляли главные предложения. Эти частицы в основном употребляются после императивной формы глагола:

Сахла көрәк, бу нә һекајәтдир (М. Ибраһимов) 'Постой-ка, посмотрим, что за история'.

Сөјлә көрүм, ахыры неча гуртарды (Ч. Чаббарлы) 'Расскажи-ка, посмотрим, чем все кончилось'.

Вероятно, широко употребительные частицы *g'ög*, *baх* 'смотри', 'вот', 'слушай' также представляют собой результат трансформации главных предложений, например:

Бах, азизим, бу кедишлэ мувэффэгийјэт газанмаг олмаз (журн. «Кирпи») 'Слушай, дорогой, такими темпами нельзя добиться успеха'.

Специфическое явление представляет собой словосочетание *sāni jаnаsаn* 'чтоб ты сгорел'. Думается, что некогда в это сочетание входило слово *g'ögüit*, составлявшее одно целое с местоимением. В процессе исторического развития сложноподчиненного предложения указанный компонент был утрачен.

Наблюдаются случаи трансформации, при которых остаточные элементы становятся составной частью модального слова. Например, слово *sank'i* 'будто', 'словно' употребляется только в этой форме; самостоятельно *sаn* 'читай' как модальное слово не встречается.

Сказанное выше не означает, что в современном азербайджанском языке нет главных предложений с глаголом *g'ögmäk'*. Напротив, подобные предложения широко представлены:

Көрүрсән ки, элимдэ ишим вар (С. Рәһимов), или *Көрүрсән элимдэ ишим вар* 'Видишь, [что] я занят'.

Бир дэ көрүрсән ки, олуб һејвәрэ, Әлли ушаг банлады бирдән-бирэ (М. Ә. Сабир)

'Смотришь, вдруг разболтавшись, Пятьдесят детей закричали хором'.

Бир дэ көрүрдүн будур, Косанын хэбәрчилији эсасында кәндэ комиссија кәлди... (С. Рәһимов)

'Вдруг видишь, вот является в селение комиссия по доносу Косы'.

Лишь определенная часть подобных предложений употребляется для выражения модальных отношений, причем вводные слова и главные предложения интонационно разнятся между собой.

Главные компоненты сложноподчиненных предложений, такие, как *big dā g'ögürsān* или *big dā g'ögürdün*, в дальнейшем могут трансформироваться в вводные предложения или вводные слова.

Трансформация главных предложений с глаголом *demäk'* 'сказать' происходит по-разному. Большая часть их постепенно переходит в вводные предложения и вводные слова, которые, в свою очередь, употребляются для выражения соответствующих модальных значений и оттенков, например:

Группун дамәк олар ки, јарыдан чоху ә'лачыдыр (газета «Ленни тәрбијәси угрунда») 'Можно сказать, что более половины группы составляют отличники'.

Белә дејәрлар ки, Көроғлунун 7777 дәлиси вармыш (дастан «Көроғлу») 'Говорят так, что у Көроғлы было 7777 храбрецов'.

Дејир бир эт газана кирди, олду јемәли (пословица) 'Как говорят, мясо, полав в котел, становится съедобным'.

Дүзүнү дејим ки, ичмиш олсајдым, слэ бу саат ичәри сохулуб халым өлдүрәрдим (Б. Бајрамов).

'По правде говоря, если бы я был выпившим, сейчас же ворвался бы вовнутрь и убил свою тетю'.

Дејәк ләзимдыр ки, кәләчәк индики кәнчлијиндир (Ә. Аббасов)

'Следует сказать (отметить), что будущее [принадлежит] нынешней молодежи'.

Полнота главной части, наличие необходимых членов предложения, а также союза *k'i* — все это препятствует трансформации главного предложения, например:

Буну да гед етмэк лазымдыр ки, Лидијанын уму-күсү етмәкдә бир аз һазгы варды. (Ә. Әбүлһәсән)

'Нужно отметить и то, что Лидия отчасти имела право обижаться'.

Сән демә, өзү эһвалаты билир, амма мәнә демәјир (журн. «Азербайжан»)

'Оказывается, он сам знает о случившемся, только мне об этом не говорит'.

Демә, пулемјот јувалары тикиблармыш, топ гојублармыш (Ә. Әбүлһәсән)

'Оказывается, построили пулеметные гнезда, поставили пушку'.

Демәли (возможно и *демәк*), *јахшы күн өз-өзүнә кәлмәз, ону эһнәтлә газанмаз лазымдыр* (газета «Коммунист»).

'Следовательно (значит), счастливый день сам собой не приходит, его нужно заслужить трудом'.

В повествовательных предложениях форма *deg'inän||deg'ilän* 'считай', 'словно' синонимична модальному слову *sapk'i* 'как будто, словно':

Деканән, даидан сәс чыхар, Муруддән сәс чыхмаз («Азербайжан нағыллары») букв. 'Считай, камень заговорит, но Муруд не заговорит'.

Некоторые из таких слов окончательно перешли в разряд модальных, например, слово *dejirsän*, синонимичное словосочетанию *elä bil*:

Гыз о гәдәр көзәдир ки, дејирсән аллаһ ону көнлә оландя јарадыб («Азербайжан нағыллары»)

'Девушка столь прекрасна, что кажется, (как будто) бог создал ее будучи в хорошем настроении'.

В этом предложении слово *dejirsän* можно легко заменить сочетанием *elä bil*. В разговорной речи употребляется вариант последнего — *elä bilirsän*, но наиболее четко модальность проявляется в сочетании *elä bil*. В сходном значении выступает также заимствованное слово *g'uja* (*k'i*) 'будто'. Однако от своего синонимического ряда оно отличается тем, что используется для выражения ирреальной модальности.

Слово *dejäsän* 'кажется, будто, как будто', употребляющееся для выражения предположения и сомнения, также образовалось в процессе трансформации:

Командирлар, дејәсэн, һәлә дә күлмәк һәвәсиндә идиләр (Ә. Әбүлһәсән)

'Командиры, кажется, все еще были настроены на веселый лад'.

При трансформации некоторые главные предложения, вероятно, утрачивают союз, что отражается на интонации. Предложение с утраченным союзом определенное время функционирует в качестве главного компонента бессоюзного сложноподчиненного предложения, превращаясь со временем в средство выражения чисто модальных отношений:

Дејирләр ки, тој олачаг, Мәшәди Ибад гыз алачаг (Ү. Иачибәјов)

'Говорят, что будет свадьба, Мешади Ибад женится на девушке'.

Дејирләр, шириндир бүсәнин дады.

О да кор бахтыма гисмәт олмады (С. Вургун)

'Говорят, сладок вкус поцелуя,

Но этого несчастная судьба моя не дала мне испытать'.

Сочетания *ola bilär* (*k'i*), *ola bilsin* (*k'i*), *olsun k'i* 'может быть, возможно', некогда входившее в состав главных предложений, в современном азербайджанском языке выступают как вводные предложения или же вводные слова в простых предложениях:

Ола билэр ки, багдадырлар, она көрө гапы баглыдыр (газета «Эдэбијат вә шәчәсәнәт»)

‘Возможно, они в саду (на даче), поэтому дверь закрыта’.

Ола билсин ки, мәним сөзүм онун кефинә дәјмишдир (журн. «Азәрбајчан»)

‘Может быть, мои слова задела его’.

Олсун ки, ағаји Шәмс көһнә сijasи көрүшләрә даһа аргыг мејл көстәряр (Ә. Мәммәдханлы)

‘Возможно, господин Шамс проявляет большую склонность к старым политическим взглядам’.

Олсун ки, кәндлинин уцадан данышмасы ону јатмага гојмајырды (Т. Шабазин)

‘Быть может, громкий разговор крестьянина не давал ему заснуть’.

По-видимому, трансформации подвергалась также часть отрицательных главных предложений. Об этом свидетельствует вводное слово *олаја* ‘быть может’:

Олмаја, инди дә мәнән чәкинирсән (Ә. Аббасов)

‘Быть может, и теперь ты меня стесняешься’.

Олмаја, јүкүн ағырлығындан горхурсан (М. Ибраһимов)

‘Быть может, бешшсья тяжести груза’.

В модальные частицы трансформировались и некоторые главные предложения с глаголом *олаг*. Например, генетически главное предложение *пә ола* превратилось в частицу с желательным значением *пәв* ‘хотя бы’, ‘кабы’, ‘бы’:

Нола, бир евдә гојајдыз гарабаш

Вермәјәдиз мәни бу әбләһә каш (М. Ә. Сабир)

‘Хотя бы отдали меня куда-нибудь в служанки,

Не выдавали бы меня замуж за этого идиота’.

В результате трансформации главных предложений появились также вводные слова *tutag* (k’i), *tutalyum* (k’i) ‘допустим’:

Tutag ки, бош-бош кәздин, бунун нә фајдасы олачаг (газета «Азәрбајчан кәвчләри»)

‘Допустим, ходил бы ты без дела, что толку от этого’.

Tutalyum, елмә олмусан васил,

Бизә бу елмән нәдир насил? (С. Ә. Ширвани)

‘Допустим, ты овладел наукой,

Какой нам от этой науки толк?’.

В современном азербайджанском языке представлены словосочетания, которые одними исследователями рассматриваются как вводные, а другими — как главные предложения, например: *mәпә елә g’älir* (k’i) ‘мне так кажется (что)’, *g’üman etmäk’ olar* (k’i) ‘можно думать (что)’. Различная интерпретация подобных сочетаний связана с начавшимся процессом их трансформации.

В настоящее время наблюдается переход форм *az galyr*, *az galmyşdy*, *az galyrdu* в форму *az gala* ‘едва’, ‘чуть’:

Амма елә чалыр, елә охујур ки, көјдә кедән гушлар аз галыр ганад сахлајыб тамашаја дурсун (дастан «Короглу»)

‘Но так [хорошо] играет, так [хорошо] поет, что птицы в небе чуть не замирают в полете, чтобы посмотреть (слушать)’.

Кәмкәрли дишләрини бир-биринә сыхыб әлләрини јуммаг истәдикдә аз галырды биләји гурусун (Ә. Вәлијев)

‘Когда Кенгерли, стиснув зубы, захотел сжать руки в кулак, его запястья чуть не омертвели’.

Jусиф ики-үч дәфә аз гала сүрүшүб јерә дәјмишиди (Б. Бајрамов)

‘Юсиф два-три раза, поскользнувшись, чуть было не упал’.

Указанный переход вызывает изменения в придаточном предложении, сказуемое которого, как известно, должно иметь форму желательного наклонения или императива с желательным значением. При употреблении же формы *az gala* необходимость в этом отпадает.

На определенном этапе употребление сказуемого придаточного предложения в форме желательного наклонения было обязательным и для сложноподчиненных предложений с глаголом *istämäk'* 'хотеть' в главной части:

Әзиз хан пулу кенә истәди чибинә гоја, сонра истәди Мәммәдһусейнә верә, кенә истәди чибинә гоја, ахырда агды Мәммәдһусейнә вә гачды ичәри (Ч. Мәммәдгулузадә)

'Азиз хан вновь хотел положить деньги в карман, потом хотел отдать Мамедгусейну, снова захотел положить в карман, наконец, бросил Мамедгусейну и вбежал в помещение (комнату).'

Трансформация главных частей сложноподчиненных предложений указанного типа началась давно. Стоявший после глагола *istädi* союз *k'i* отпал, и его восстановление не обязательно. Однако в данном случае еще сохранилась возможность разграничения частей сложноподчиненного предложения. В последующем одна из форм глагола *istämäk'* стала употребляться совместно с желательной формой глагола (выступавшего прежде в качестве сказуемого придаточного предложения), образуя модальную форму составного сказуемого (*istädi desin* 'хотел сказать'):

Теймур истәди инансина десин ки, мән бурада тәк гала билмәрәм, амма утанды (Б. Байрамов)

'Теймур хотел сказать матери, что один он здесь не может оставаться, но persistence'.

В данном предложении словосочетание *istädi desin* может употребляться и в форме *demäk' istädi*. Обе эти формы являются составными сказуемыми главных предложений. Таким образом, главное предложение, трансформируясь, сливается со своим придаточным и выступает в качестве главного по отношению к другим придаточным предложениям.

Такие типы трансформированных главных предложений с глагольным сказуемым, как *allah elämäsin*, *allah elämämiş*, *allah g'östärmäsin* 'не дай бог', *inan (k'i)* 'поверь (что)', *inанып (k'i)* 'поверьте (что)', — стали вводными словами или вводными предложениями:

Аллаһ еләмәмиш, белә кетсә, бир адам сағ галмаз (С. Рәһимов)

'Не дай бог, если так пойдет, ни одного человека не останется в живых'.

Инананы ки, сизсиз кечән күнләрим чох эзаблы олмушдур (журн. «Азәрбајчан»)

'Поверьте, дни, проведенные мною без Вас, были очень мучительны'.

Целый ряд вводных слов образовался в результате трансформации главных предложений с именным сказуемым, например: *šübhä-siz (k'i)* 'несомненно', *jägin (k'i)* 'наверно, наверняка, вероятно', *ehtimal (k'i)* 'вероятно, возможно, предположительно'.

До сих пор в языке сохраняются факты, отражающие различные этапы трансформации главных предложений, предшествовавшие появлению вводного слова *šübhä-siz (k'i)* 'несомненно (что)', например:

Онлар, сәлчуғлар дөврүндән Азәрбајјанда һөкм сүрән адамлары һеч шүбһә юх-дур ки, иш башында гојмазлар (М. С. Ордубади)

'Нет никакого сомнения, что они не поставят во главе дела людей, господствовавших в Азербайджане со времен сельджуков'.

О да шүбһәсиз иди ки, Хәлифә бу фикирләри тәбрик едәчәкди (М. С. Ордубади)

'Было несомненно также и то, что Халифа будет приветствовать эти идеи'.

Неч шүбһәсиз ки, бу маддәләр дэҗишидирилмәли вә тәкмилләшдирилмәлидир (Ә. Әбүлһәсән)

‘Нет никакого сомнения, что эти пункты должны быть изменены и уточнены’.

Шүбһәсиз ки, онун сөzlәри гылынч кими кәсәчәк иди (С. Рәһимов)

‘Несомненно, его слова должны были резать, как сабля’.

Можно предположить, что и другие вводные слова данного типа прошли аналогичный путь развития.

Слова же типа *täbiidir* ‘естественно’, *gäribädir*, *tääzzüblüdür* ‘удивительно’, *määlumdur* ‘известно’, *ajdyndur* ‘понятно, ясно’, *adätidir* ‘принято’, выступая в роли главного предложения, не обладают той степенью семантической спаянности с придаточными частями, которая характерна для иных разновидностей главных предложений. Скорее всего основная функция таких предложений сводится к выражению отношения к сообщаемому в придаточной части.

В результате подобные главные предложения нередко переходят в разряд вводных слов. Такого рода вводные слова от предложений, выступавших в роли придаточных, отделяются паузой, например:

Гәрибәдир, бирдән-бир мәндә елә бир әһвал-руһијјә јаранды ки, ушағларын әл-ләриндән тутуб, күчәјә чыхдым (Ә. Гасымов)

‘Удивительно, у меня вдруг возникло такое настроение, что, взяв детей за руки, я вышла на улицу’.

Вводные слова *doғrudur*, *düzdür* ‘правда’, исторически восходящие к главным предложениям, находятся в стадии перехода в союзы, оформляющие новый тип сложноподчиненных предложений с придаточным противопоставления. Они стали составной частью парных союзов *doғrudur... amma...*; *düzdür...*, *lak'in...*; *doғrudur...*, *anžag...* ‘правда..., но...’, ‘правда..., однако...’:

Doғrudur sizin buna һуғуғунуз вар, анчағ јахшы дүшмәз (С. Рәһимов)

‘Правда, вы на это имеете право, однако будет нехорошо’.

По мнению Э. В. Севортыяна², слово *bildir* ‘в прошлом году’ возникло как результат определенных фонетических изменений сочетания *bir iildir*. В итоге главный компонент сложноподчиненного предложения с придаточным подлежащим трансформировалось в обстоятельство (а также наречие) времени.

Возможно, что и вводные слова *düzü*, *doғrusu* ‘правду говоря’, ‘признаться’ восходят к главным предложениям *düzü budur*, *doғrusu budur* ‘является правдой то...’, которые, в свою очередь, возникли из распространенных главных предложений типа *sözün düzü budur k'i...* ‘истина заключается в том, что...’.

Факты позволяют заключить, что чаще всего трансформации подвергались главные компоненты наиболее древних сложноподчиненных предложений с дополнительными придаточными и придаточными подлежащими.

Трансформация придаточных предложений

Придаточные предложения, подчиняясь принципу экономии, в результате соответствующих изменений в ряде случаев утрачивают свои синтаксические свойства, и сложноподчиненные предложения трансформируются в простые. Этот процесс чаще всего распространялся на более древние придаточные предложения условия, противопоставления, а

² См.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I. М., 1955, стр. 291.

также придаточные предложения, образованные с помощью относительных местоимений.

Вводными предложениями стала часть условных придаточных предложений со словосочетаниями *gysa desäk* 'короче говоря', *jumšag desäk* 'мягко выражаясь', *bašga žür desäk*, *bašga žür demiş olsag*, *bašga sözlä (desäk)* 'иначе говоря', 'другими словами', *ümumijjätlä desäk* 'вообще говоря', *tääbiri žaizsä, belä demäk* 'мүмк'ündürsä 'если можно так выразиться', *vızdanla desäk* 'по чести говоря', *ädalätlä desäk* 'говоря по справедливости' и др.:

Бүтүн бәјүк мәчлисләрдә олдугу кими, үмуми тостларын арасындагы фасиләләрдә хырда, әхәр селә деләк мүмкүнсә, мәһәлли әһәмийјәти олач сағлыглары ичиләр (Ә. Әбүлһәсән)

'Как это бывает во всех больших компаниях, в промежутках между общими тостами произносят мелкие, если можно так выразиться, тосты местного значения'.

Елә инсафла да, бир ан кечмәдән Рухсаранын мәнзилдә чатырмајан шејләр дүзәлирди... (С. Рәһимов)

'По совести говоря, в квартире Рухсары моментально появлялись недостающие вещи...'

Выражения с желательным значением *allah gojsa* 'дай бог', *allah istäsä* 'если бог захочет', имеющие форму условных придаточных предложений, по своей функции также являются вводными предложениями.

Сочинительный союз *joxsa* 'не то', 'в противном случае' в современном азербайджанском языке может употребляться и как модальное слово со значением «может быть», ср.:

*Чәлтик дә кәтир, арпа да, буғда да, әкинчи,
Joxsa сојарам лап дәрини, адә әкинчи! (М. Ә. Сабир)*
'Неси и рис, и ячмень, и пшеницу, пахарь,
Не то я и шкуру с тебя сдеру, пахарь!'

Joxsa mäni atırsan?
'Может быть, меня бросаешь?'

Модальное слово *olmasa* 'в противном случае' также восходит к придаточному предложению условия:

Olmasa, başgасы илә јарышачағам (Ә. Әбүлһәсән)
'В противном случае, я буду соревноваться с другим (человеком)'.

Придаточное предложение условия может трансформироваться в парный союз. Примером подобного перехода служит известный союз *istär..., istär (sä dä)...* 'как..., так и...', например:

Истәр бу бешилликдә, истәрсә дә кечән бешилликләрдә Совет халғы мисилсиз әмәк гәһрманлыглары көстәрмишиди (газета «Коммунист»)

'Как в данной пятилетке, так и в прошлых пятилетках советский народ совершал беспримерные трудовые подвиги'.

Результатом трансформации придаточных предложений противопоставления являются следующие вводные предложения: *az da olsa* 'хотя и мало', *pežä olsa* 'во что бы то ни стало', *heç olmasa* 'хотя бы':

Нечә олса карәк бу кағызларын важибләрини, елә бу сабаһ ертә элдән чыхарар (С. Рәһимов)

'Во что бы то ни стало мы должны закончить самые важные из этих бумаг сегодня же рано утром'.

Выражения, представляющие собой сочетание относительных местоимений и глаголов, также связаны с условной формой глагола. Эти выражения некогда представляли собой придаточные предложения, о

чем можно судить по сохранившимся частям сложноподчиненных предложений, компонентами которых они являлись. Вместе с тем следует отметить, что данные выражения лишь частично утратили особенности предложения. Например, первоначальная форма предложения *aŷzupa nā g'āldi danyşur* 'говорит все, что попало' имела следующий вид: *aŷzupa nā g'ālirsā, onu danyşur*, то есть вся структура в целом представляла собой сложноподчиненное предложение с дополнительным придаточным.

В современном азербайджанском языке выражение *aŷzupa nā g'āldi* является фразеологическим сочетанием.

Примерами трансформированных сложноподчиненных предложений с разными видами придаточных могут служить следующие предложения:

а) сложноподчиненное предложение с придаточным образа действия:

Нечә кәлди йығ, сонра дүзәлдәрик (газета «Бақы») 'Собери как попало, потом поправим' (<*Нечә кәлдиҗә, елә йығ, сонра дүзәлдәрик*);

б) сложноподчиненное предложение с придаточным времени:

haçan oldu g'ätirärsän 'Когда захочешь, принесешь' (<*haçan sänin üräjün istäsä, onda g'ätirärsän*);

в) сложноподчиненное предложение с придаточным места:

hara istäjirsän aparym 'Куда хочешь, отнесу' (<*Sän haraja g'etmäk' istäjirsänsä, män säni oraja aparym*);

г) сложноподчиненное предложение с придаточным подлежащим:

Kim istäjir galsyn 'Кто желает, пусть останется' (<*Kim burada galmag istäjirsä, o burada galsyn*).

Слияние главных предложений с придаточными и их трансформация ведет к образованию специфических словосочетаний, которые, как правило, выполняют функцию придаточных предложений.

Здесь имеются в виду такие выражения, как *nā olur olsun* 'будь что будет', *k'imdän soruşur soruşsun* 'у кого угодно пусть спрашивает', *hara g'edir g'etsin* 'пусть идет куда угодно' и другие, например:

Нечә олурса-олсун, Худакәрим өз јахасыны бурадан гуртармалыдыр (С. Рәхимов) 'Во что бы то ни стало Худакерим должен вырваться отсюда'.

Придаточные предложения данного типа сложноподчиненных предложений генетически восходят к сложноподчиненным предложениям с придаточными противопоставления. Языковые факты свидетельствуют о том, что в результате трансформации сложные предложения упрощаются и в дальнейшем выступают уже как главные или придаточные компоненты сложноподчиненных предложений.

Рассмотренная проблема представляет особый интерес не только в синхронном, но и в диахронном плане, в аспекте изучения всех стадий трансформации соответствующих структур.

С. А. СОКОЛОВ

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПАРЕНТЕЗА В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

(НА МАТЕРИАЛЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Связь между частями сложного предложения, как известно, выражается союзами, относительными местоимениями, наречиями, морфолого-синтаксическими средствами (соотносительное употребление форм времени и наклонения), лексико-грамматическими (в том числе местоименными) антиципирующими и коррелирующими (анафорическими) элементами в сочетании с соответствующими интонационными средствами. Значительную роль в выражении связи играет также взаимное расположение частей сложного предложения.

В турецком языке, как и в других тюркских языках, в зависимости от конкретного типа предложения используются все три возможных порядка расположения частей сложного предложения: препозиция, постпозиция и интерпозиция одной части по отношению к другой.

Ниже будет рассмотрена интерпозиция частей сложного предложения при наличии так называемых отношений «вставности».

Конструктивный прием «вставки» (parenthesis), имеющий специфическое смысловое назначение и сочетающийся с определенными интонационными средствами, используется в языках разных систем как в простом, так и в сложном предложениях.

И. И. Шеболева определяет вставные (вставочные) конструкции как «слова, словосочетания и предложения, которые вводятся в состав основного предложения для выражения различных попутных, добавочных замечаний, поясняющих, уточняющих и развивающих содержание высказывания»¹.

Синтаксическая parenthesis может возникать спонтанно в устной речи и как специальный стилистико-синтаксический прием, при помощи которого создаются различные смысловые планы в одном предложении, — в речи письменной.

Для предложений с вставными конструкциями характерна «прерывистая структура», так как эти конструкции во всех случаях разрывают

¹ И. И. Шеболева. Вставочные конструкции в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955, стр. 3; о parenthesis в индоевропейских языках см.: В. Г. Адмони. Исторический синтаксис немецкого языка. М., 1963, стр. 95; *Eduard Schwyzer*. Die Parenthese im engern und im weitern Sinne. — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse». Berlin, 1939, № 6; о parenthesis в тюркских языках см.: С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, стр. 427—429; П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. II. Синтаксис. СПб., 1897, стр. 68—69.

линейную структуру основного предложения, в состав которого они вводятся для выражения указанных выше отношений².

Синтаксическая парентеза сопровождается специфической интонацией. Л. В. Щерба отмечал, что как во французском, так и в русском языках «выпадение тех или других высказываний из общего хода мысли говорящего, на письме обозначаемое скобками, а по-французски и запятыми.., в речи выражается более низким тоном, которым произносится соответственная синтагма или даже ряд синтагм, в остальном сохраняющие свой нормальный мелодический характер»³.

Большинством исследователей предложения с вставными частями, являющимися предикативными единицами (вводные или вставные предложения), традиционно рассматриваются как простые⁴.

Однако в последнее время наметилась тенденция рассматривать их в аспекте синтаксиса сложного предложения.

Так, Е. П. Седун считает, что конструкции с вводным предложением носят двойственный характер: «С одной стороны, всякое вводное предложение выпадает из конструкции основного предложения; с другой стороны, вводное предложение создается не само для себя, а для пояснения, обоснования, развития основной мысли, и его интонационно-синтаксическая структура приспособляется к потребности объединения с основным предложением, т. е. вводное предложение в какой-то мере зависит от основного»⁵. В соответствии с вышесказанным Е. П. Седун рассматривает основное и вводное предложения как части единого сложного предложения, противопоставление которых выражается их взаимным расположением и средствами интонации⁶. Он подразделяет вводные предложения на субъективно-модальные и объективно-пояснительные (по другой терминологии, принятой, например, в академической «Грамматике русского языка», первые именуются просто «вводными», а вторые — «вставными»⁷). Положения, выдвигаемые Е. П. Седуном, относятся главным образом к пояснительно-вводным предложениям.

В смысловом отношении вводное предложение с основным непосредственно не связано, поскольку они расположены в разных семантических плоскостях: «одно — в плане развертывания основной мысли, другое — в плане попутного, эпизодического пояснения»⁸. В интонационном отношении, по мнению Е. П. Седуна, «вследствие своей сопроводительной функции пояснительно-вводное предложение не имеет собственной модальной интонации и выделяется сглаженной нейтральной мелодией, которая подчинена мелодическому движению основного предложения»⁹. Характеризуя рассматриваемые конструкции как прерывисто-присоединительные, автор отмечает, что «конструкция охвата одного предложения другим — простейший способ объединения их в одно сложное целое. При отсутствии формальных средств связи и прочих равных условиях эта конструкция наглядно демонстрирует внутреннюю связь объединяемых

² И. И. Щолова. Указ. автореф., стр. 3.

³ Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. Изд. 4-е. М., 1953, стр. 129; ср. замечание Н. С. Трубецкого об интонации вводных предложений и вводных слов, которая характеризуется «понижением регистра ниже нормального уровня» при наличии «особой, ровной (не восходящей и не нисходящей) интонации и убыстренного темпа» (Н. С. Трубецкий. Основы фонологии. М., 1960, стр. 250—251).

⁴ См., например: В. А. Белошапкина. Сложное предложение в современном русском языке (некоторые вопросы теории). М., 1967, стр. 28—29.

⁵ Е. П. Седун. Сложные конструкции с пояснительно-вводным предложением в современном русском языке. — «Филологические науки», 1959, № 1, стр. 111.

⁶ Там же, стр. 109.

⁷ «Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис, ч. 2. М., 1954, стр. 167.

⁸ Е. П. Седун. Указ. раб., стр. 113.

⁹ Там же, стр. 109.

предложений, чего нельзя сказать о многих сложных конструкциях, образованных в порядке прогрессивного следования одного предложения за другим»¹⁰. Вместе с тем наблюдается изменение тесситуры (общего высотного уровня) вводного предложения¹¹.

Автор приходит, таким образом, к следующему важному выводу: «Смысловые, интонационные и позиционные признаки свидетельствуют, что сочетание вводного предложения с основным является особой конструкцией сложного предложения»¹².

Ш. Балли видел в связи вводного предложения с основным особую форму сочинения¹³.

Пояснительно-вводные (вставные) предложения могут относиться ко всему основному предложению, поясняя все его содержание в целом, или к одному (обычно субстантивному) члену основного предложения, приближаясь в этом случае к определительному предложению с элементом обособления. В. В. Виноградов называл такие придаточные предложения «распространительно-новоствательными»¹⁴.

Л. Л. Иофик называет особый способ синтаксической связи, служащий «для введения в предложение сопутствующего предикативного плана, разрушающего, но не разрушающего синтаксические связи компонентов основного предложения», соотношением¹⁵.

В турецких грамматиках вставные конструкции обозначаются термином *arasözler*, а вставные предложения — *mutariza veya parantez cümleleri*. Х. Эдискун определяет вставные предложения как предложения, включаемые в устную или письменную речь при наличии слабой связи с основным высказыванием (на письме они выделяются запятыми или тире, в устной речи произносятся с понижением тона). Исходя из этого определения, Х. Эдискун предлагает следующий способ выделения вставных предложений: предложение является вставным, если при его исключении структура, смысловая законченность основного предложения не нарушается¹⁶. Ученый иллюстрирует свои положения рядом примеров, два наиболее типичных из которых мы приводим (даются дословные переводы, показывающие порядок слов и место разрыва структуры основного предложения вставным):

Fakat — izaha hacet var mı? Kabahat, çorabın çürüklüğünde (R. H. Karay)

‘Но — требует ли это вообще объяснений? — Беда заключается в непрочности чулок’.

Ben kışın — sogüktan olmatı — çalışamam (R. H. Karay)

‘Зимой я — очевидно, от холода — не могу работать’.

В обоих примерах вставочные конструкции являются предложениями, в первом случае — полным, во втором — с подразумеваемым подлежащим (*bu*).

Т. Бангуоглу также фиксирует явление «вставности», считая, что в письменном языке, особенно в произведениях научного характера, дополнительные слова, цифры и обозначения заключаются в скобки и не включаются в структуру предложения. Однако он рассматривает это явление

¹⁰ Е. П. Седун. Указ. раб., стр. 110.

¹¹ Там же, стр. 109.

¹² Там же, стр. 110.

¹³ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 66.

¹⁴ См.: «Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис, ч. I. М., 1954, стр. 109.

¹⁵ Л. Л. Иофик. Сложное предложение в новоанглийском языке. Л., 1968, стр. 205.

¹⁶ *Haydar Ediskun. Yeni türk dilbilgisi. İstanbul, 1963, § 544.*

в аспекте пунктуации (выделяются «вставки», заключаемые в скобки — *parantez, parenthèse*)¹⁷.

Во многих случаях вставные предложения вводятся в структуру основного предложения без наличия каких-либо формальных грамматических показателей или лексических коррелятов. При этом, кроме смысловой связи и соответствующих интонационных средств, основную синтаксическую функцию в построении сложного синтаксического целого выполняет непосредственно синтаксический прием парентезы:

*O gece, bilmem neden onun bu teklifi kabul etmesine gönlüm hiç razı değildi*¹⁸ (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Bir kadın meselesi)

‘В ту ночь, сам не знаю почему, я не был склонен, чтобы она приняла это предложение’.

Sivriadanın — bir gemici gibi konuşayım — iki mil açığında bir duman gördüm (Sait Faik. Kendi kendine)

‘В море на расстоянии двух миль — я буду говорить, как моряк, — от острова Сиври я увидел дымок’.

Denizin rengi bu tarafta daha koyu — rüzgârlı demiyelim, bugün rüzgâr yok — biraz da ürpertili (Sait Faik. Kendi kendine)

‘Цвет моря в этой стороне более темный — не так, как в ветреную погоду, ветра сегодня нет, — но немножко с рябью’.

Öbürü, gür ve uzun sakallı kara yağız bir adam — mutlaka bir papaz olacak — koyu renk dokumdan bir nevi torba içinde çorapsız ayaklarını pencereye uzatmış horul horul uyuyordu (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Bir sürgün)

‘Другой из них — черноволосый смуглый человек с густой, длинной бородой — несомненно, это [был] священник — сладко спал, протянув к окну голые ноги, которые он засунул в какой-то мешок из темной ткани’.

Включенное предложение может коррелироваться с основной частью не только по общему смыслу и контексту, но и формальными средствами: повторением слова из основной части, поясняемого уподоблением лексических коррелятов — анафорических слов, аффиксом принадлежности в анафорической функции, «вводящим» *işte* и т. п.:

Aşağı yukarı 70 ülke (bunların 49'u gelişmekte olan ülkedir) katılacaklarını bildirmişlerdir

‘Примерно 70 стран (49 из них — развивающиеся страны) заявили о своем намерении принять участие’.

Cemile—bu onun ismiydi — köylüler için âdeta gökten inmiş bir melekti (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Bir kadın meselesi)

‘Джемиле — так ее звали — была для крестьян ангелом, спустившимся с небес’.

Nuri Baba — işte bu geceden sonradır ki herkes tarafından Nur Baba diye şöhret bulundu — kocağına düşen o parıltılı maden külçesini eline aldı... (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Nur Baba)

‘Нур-Баба — а именно после этого вечера он стал уже известен всем как Нур-Баба — взял в руку этот блестящий металлический слиток, который теперь доставался ему’.

Yatılı okuldan çıktıktan sonra — orda namaz, oruç zorunluymuş — namazı da, orucu da bıraktım (Nâzım Hikmet. Yaşamak güzel şeydir kardeşim)

‘Выйдя из школы-интерната — там молитва и пост были обязательными — я позабыл и молитву, и пост’.

Вставную часть рассматриваемых предложений могут составлять сложные синтаксические комплексы и в том числе сложные предложения:

¹⁷ Tahsin Banguoğlu. Türk grameri. I. bölüm. Sesbilgisi. Ankara, 1959, § 255.

¹⁸ Во всех приводимых примерах сохранена пунктуация соответствующих источников.

İki memleket arasında — mademki masal anlatıyorum, eski masallardaki tâbirleri kullanayım — yükte hafif bahada ağır ne gibi nadir eşya bulursam taşıyordum (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Bir serencam)

'Я перевозил из страны в страну все редкие вещи, которые находил и которые — поскольку я рассказываю сказку, я буду употреблять выражения старых сказок — были легкими в поклаже и увесистыми по цене'.

O, sanki maksadımı anlamış gibi — beni çok ihmal ettiği hatırına geldi galiba — artık. Aliden uzaklaşarak, ağzında yine o aldatıcı tebessüm, gözlerinde o hain ateşle saçlarının o yaldızlı bulutu altında bana doğru ilerledi (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Bir kadın meselesi)

'Она, словно угадав мое намерение, — очевидно, она вспомнила, что долго не обращала на меня внимания, — отошла от Али и теперь все с той же деланной улыбкой на губах и коварным огоньком в глазах, поблескивая яркими украшениями в волосах, стала приближаться ко мне'.

В качестве примера максимально усложненной структуры сложного предложения со вставными частями приведем нижеследующее предложение, где структурно-семантический анализ с учетом всех сторон формы и содержания позволяет установить наряду с отношениями сочинения другие отношения, близкие к ним:

Herkes itinalı giyinmişti — fazla süs yoktu — genç kadınların ekserisi bere giyiyor, dudakları boyalı ya yüzleri pudralı idi — ifrata kaçır derecede boyanan görmedim — sokaklarda «boş gezer» itibaini veren tek insana raslamadım (Süad Derviş. Niçin Sovyetler Birliği'nin dostuyum)

'Все были одеты аккуратно — лишнего шика не было, — большинство молодых женщин носило береты, они красили губы и пудрили лица — накрашенных до неприличия я не видела, — на улицах мне не встречались люди, которые производили бы впечатление фланеров'.

Отношение «включенного» предложения к «охватывающему» может быть охарактеризовано также в логико-грамматическом аспекте. При относительной самостоятельности обоих предложений, объединенных в сложное, одно из них, а именно «охватывающее», является в логико-грамматическом отношении доминирующим, и рядом с ним другое, «включенное» предложение оказывается в определенной степени побочным — дополняющим, разъясняющим или характеризующим первое. Компоненты сложных предложений этого типа, в отличие от сложносочиненных предложений, не могут быть признанными равноценными в логико-грамматическом отношении. Вместе с тем вставная часть такого сложного предложения лишена показателей формальной зависимости от основной части и обладает логико-грамматической автономностью, что свидетельствует об отсутствии релевантных свойств подчинения.

Следует признать, что в ряде случаев отношения в сложных предложениях рассматриваемого типа более близки к подчинительным, о чем говорят и возможность их трансформации с использованием формальных показателей подчинительных отношений (союз *ki*, союзная частица *da/de*). Однако указанные сложные предложения не следует смешивать с подлинными сложноподчиненными бессоюзными предложениями интонационно-изъяснительного типа¹⁹.

Особенно широко представлены в письменной речи вставные конструкции, в частности вставные предложения, вводимые в структуру основного предложения с помощью союза *ki*:

Arkadaşlarından bir mülkiye müfettişinin karısı — ki Feride'nin eski arkadaşıdır — geçen sene bir gün Kuşadasında ona tesadüf etmiş (Reşat Nuri. Çaukuşu)

'Одна из ее знакомых, жена инспектора школы по подготовке гражданских чиновников, которая является старой подругой Фериде, встретила ее в прошлом году в Кушадасы'.

¹⁹ См.: А. Н. Кононов. О сложноподчиненном бессоюзном предложении в турецком языке. — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», XXII. М., 1956, стр. 17—18.

Siz ki dergâh nedir bilirsiniz, tarikatın erkânına benden ziyade vâkıfınsınız (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Nur Baba)

'Вы — человек, который знает, что такое обитель дервишей, — лучше меня разбираетесь в догматах ордена'.

Eğer bu mektubu okuduysan — ki okuduğuna eminim — onun ne yaptığını biliyorsundur (G. L. Lewis. Turkish grammar. Oxford, 1967, стр. 213).

'Если ты прочитал это письмо, — а я уверен, что ты его прочитал, — ты, конечно, знаешь, что он сделал'.

В последнем примере вставной компонент, вводимый союзом *ki*, разделяет две части сложноподчиненного предложения: условное придаточное и главное.

Hal öyle olsa bile — ki değil elbette — sana ne? (G. L. Lewis. Turkish grammar, стр. 213).

'Даже если это так, — а это, конечно, не так — какое тебе дело?'

В данном предложении, где также наблюдается разрыв условного периода на стыке аподозиса и протазиса, вставную конструкцию следует рассматривать, по-видимому, как вставное предложение неполного состава с подразумеваемым подлежащим *bu*: (*ki*) *bu değil (dir) elbette* или (*ki*) *bu böyle değil (dir) elbette*.

Вставные предложения с *ki*, как правило, обособляются соответствующей интонацией, но отношение их к основной части может быть различным:

1) вставное предложение относится к определенному члену основного; *ki* выступает как союзное слово, замещая этот член основного предложения; вставка может рассматриваться как вставное обособленное определительное предложение, отличающееся от обычных определительных предложений наличием двух семантических планов и сопроводительной функцией предложения с *ki*;

2) вставное предложение относится ко всему содержанию основного; *ki* является собственно союзом, отношение вставки к основному предложению носит присоединительный характер.

Такая дифференциация (не исключающая переходных случаев) имеет принципиальное значение с точки зрения установления отношений своеобразного подчинения и присоединения, существующих между вставным и основным предложениями. При наличии союзной вставки эти отношения становятся более сложными, а подчас двойственными, в отличие от бессоюзных вставных предложений, для которых характерны более унифицированные отношения, о чем говорилось выше.

И. И. Щеболева усматривает общность между вставочными и присоединительными конструкциями в том, что как те, так и другие «представляют собой добавочное сообщение, сопутствующее основному высказыванию»²⁰. На определенную общность отношений вставности и присоединения с точки зрения коммуникативной целеустановки внесения добавлений указывают и другие исследователи²¹.

Ср. вставные предложения, соединяемые с основным при помощи союза *velev (ki)*²²:

Tanıdıklarından biri — velev (ki) en küçük kardeşin olsun — gelseydi çok sevirdim

'Если бы пришел кто-либо из знакомых, — пусть хотя бы твой самый младший брат — я бы обрадовался'.

²⁰ И. И. Щеболева. Указ. автореф., стр. 13.

²¹ См. например: Ф. И. Серебряная. Союз «да и» в современном русском языке и его история. Автореф. канд. дисс. М., 1964, стр. 2—3.

²² Примеры заимствованы из кн.: Н. I. Kissling. Osmanisch-türkische Grammatik. Wiesbaden, 1960, стр. 214.

Seni öpmeme — vevvki bir kerecik olsun — müsaade et
 'Разреши мне — пусть хоть один раз — поцеловать тебя'.

Х. Эдискун также выделяет вставные предложения, вводимые союзом *ki*²³:

Şu bayırlarda — ki vaktile bütün bağlardı —
Sesi dünyayı tutan bir bereket çağlardı (M. A. Ersoy)

'На этих склонах, которые раньше были сплошь [заняты] виноградниками, Все кругом красноречиво говорило о благополучии'.

В этом сложном предложении с вставным предложением, вводимым с помощью *ki*, вставная часть непосредственно относится к определенному члену основной части (*şu bayırlarda*), а *ki* выступает в функции союзного слова.

Возможна также парентеза с включением условных предложений (с союзом *eğer* или без союзов), предложений с союзом *çünkü* и т. д., например:

Hızlı hızlı — çünkü yağmur yağıyordu — avluya geçip Fakülteye girdi (Haldun Taner. Rahatlıkla)

'Очень быстро — так как шел дождь — он прошел во двор и вошел в здание факультета'.

При наличии частицы *da/de* в конце вставного предложения отношения вставного и основного предложений идентичны отношениям при бессоюзной (и вообще лишенной формальных грамматических показателей связи) вставке. Функция частицы *da/de* колеблется в этих случаях между союзной — с назначением обеспечить более плавный семантико-синтаксический переход между вставным и основным (точнее — его второй частью) предложениями — и усилительной функциями:

Türkçeyi nasıl oldu da öğrendiniz
 'Турецкий язык — как бы там ни было — вы изучили'.

Bütün bunların nasıl olup ta bizim olabileceğine aklım ermiyor (Andreas Tietze. Turkish literary reader, Bloomington, 1968, стр. 166).

'Я не могу постичь, что все они, как бы это ни произошло, могут стать нашими'.

В турецком языке в конструкциях с прямой речью наряду с препозицией и постпозицией авторских слов употребляется и порядок построения с наличием интерпозиции:

1) *Bunu duyunca arkadaşları kabahat senindir dediler* (постпозиция)²⁴ 'Услышав об этом, его товарищи сказали: «В этом виноват ты»'.

2) *Sonra dedi (ki): Ben de gidiyorum* (препозиция) 'Затем он сказал: «Я тоже уйду»'.

3) *Ben, diyor, böyle şeylerden anlamam* (интерпозиция) 'Я, — говорит он, — в таких вещах не разбираюсь'.

В аналогичной позиции может находиться конструкция со словом *diye* в функции «заместителя союза»:

Şimdi artık bütün bunlara ilâve edecek ne olabilir diye etrafıma bakıyorum (Sait Faik. Kendi kendine)

'А сейчас я оглядываюсь вокруг, думая, что же еще можно ко всему этому прибавить'.

Как синтаксический прием построения сложного целого этот случай парентезы в принципе не отличается от рассмотренных выше. Однако противопоставление двух семантических планов, объединяемых в одном предложении, проводится здесь более четко по признаку действующего

²³ *Haydar Ediskun*. Указ. раб., § 545.

²⁴ См.: *Muharrem Ergin*. Türk dil bilgisi. İstanbul, 1962, § 704.

лица (непосредственно говорящий — автор или рассказчик). Более детально порядок следования частей в конструкциях с прямой и несобственно-прямой речью должен рассматриваться в свете проблем, связанных с синтаксическими особенностями выражения в турецком языке прямой, несобственно-прямой и косвенной речи.

Что касается субъективно-модальных вводных предложений (по другой терминологии — собственно вводных), то этот способ соединения, используемый для объективно-пояснительных предложений (по другой терминологии — собственно вставных), не отличается от самого синтаксического приема парентезы. Однако смысловые отношения не оказываются в том и другом случае тождественными.

Среди бессоюзно включенных предложений выделяются:

а) вводные предложения, содержащие указание на эмоциональную оценку высказывания, степени достоверности сообщения, источник сообщения, устанавливающие связь между данным сообщением и предыдущим или последующим, а также выражающие просьбу, призыв, обращение к собеседнику и т. д.²⁵;

б) вставные (вставочные) предложения, содержащие различного рода дополнительные замечания, попутные пояснения, уточнения, комментарии говорящего²⁶.

Многие из вводных предложений по форме представляют собой фразеологизированные предложения, значительная часть которых является бесподлежащей. Вставные предложения характеризуются более разнообразной и менее типизированной структурой.

Как вводные, так и вставные конструкции осложняют основное высказывание, сопутствуя ему, но не будучи равноправными с ним. Они могут относиться по смыслу как ко всему основному высказыванию, так и к отдельному его компоненту. Указанные признаки — общие для вводных и вставных конструкций. Однако вводные конструкции выражают отношение говорящего к высказываемому, его эмоциональную реакцию, тогда как вставные конструкции не являются средством выражения модальности, а употребляются для передачи дополнительной информации²⁷.

Для турецкого языка характерны относительно синонимические конструкции с глаголами *sanmak* 'считать, думать, полагать', *zannetmek* 'думать, предполагать', *bilmek* 'знать' и т. п. с препозицией (с союзом или без него), интерпозицией и постпозицией вводных частей.

С точки зрения синтаксических возможностей выражения идентичного смысла интересным представляется сопоставление синонимичных союзных и бессоюзных конструкций с препозицией, интерпозицией и постпозицией фразеологизированных предложений, выражающих умозаключение, предположение, уверенность, убежденность (*sanırım* 'считаю, думаю, полагаю', *zannederim*, 'думаю, предполагаю', *şüphesiz* 'нет сомнения', *emin ol* 'будь уверен' и т. п.), просьбу, побуждение (*rica ederim* 'прошу', 'пожалуйста', *bakalım, bakayım* 'ну-ка!' и т. п.). Для большинства таких фразеологизированных предложений, которые могут вводить или заключать²⁸ сообщение, а также вставляться в него, характерна бесподлежащая структура.

²⁵ См.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, стр. 163—167.

²⁶ Там же, стр. 167—176.

²⁷ См.: И. И. Шеболева. Указ. автореф., стр. 8.

²⁸ И. И. Шеболева отмечает, что вставочные конструкции наряду с типичной для них серединой позицией могут занимать иногда конечную позицию в предложении (И. И. Шеболева. Указ. автореф., стр. 4).

Нижеследующие предложения, будучи идентичными по смыслу, в структурном отношении представляют собой совершенно различные типы:

- 1) *Siz de, sanırım, bunu anlarsınız* 'Вы тоже, думаю, это понимаете';
- 2) *Sanırım ki, siz de bunu anlarsınız* 'Думаю, что вы тоже это понимаете';
- 3) *Sanırım, siz (de) bunu anlarsınız* 'Думаю, вы (тоже) это понимаете';
- 4) *Siz de bunu anlarsınız, sanırım* 'Вы тоже это понимаете, думаю'.

Предложение 1 характеризуется парентезой, конструирующей сложное предложение, и интонационной обособленностью вставляемого компонента. Предложение 2 является сложноподчиненным предложением союзного типа, в котором компонент *sanırım* выступает в качестве главного предложения, что свидетельствует также о том, что он здесь несет большую семантическую нагрузку, нежели в предложениях 1 и 4. В предложении 3, квалифицируемом как сложноподчиненное бессоюзное²⁹, отсутствие союза компенсируется союзной паузой при том же порядке слов. Предложение 4 и предложение 1 сближает соотносительная смысловая нагрузка компонентов, а отличает — место компонента *sanırım*.

Многие из вводных предложений по своей форме являются фразеологизированными или клишированными предложениями, причем довольно часто бесподлежащими:

Cihan yıkılsa, emin ol, bu cephe sarsılmaz (Mehmet Akif Ersoy)
'Если даже весь мир разрушится, будь уверен, эти ряды не дрогнут'.

Başka türlü yapmağa da zannederim imkân yoktur.
'Невозможно, я полагаю, действовать как-то иначе'.

Ср. в отношении порядка слов также следующие предложения:

Bilmem, içime öyle doğdu, bana nalâm oldu (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. *Kör göz, kör gönül*)
'Не знаю, так мне почудилось и стало ясно'.

Ve bundan sonra bu acayip sevdanın sonu ne oldu, artık bilmiyorum (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. *Kör göz, kör gönül*)
'И с тех пор мне неизвестно, чем окончилась эта странная любовь'.

Kaç okka rakı gitti, onu bilmiyorum, fakat Cemile de dahil olmak şartile akşama doğru hemen hepiniz zıtzurna sarhoş olmuştuk (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. *Bir kadın meselesi*)

'Сколько раки было выпито, я не знаю, но почти все мы, включая Джемиле, к вечеру были пьяны в стельку'.

В вышеприведенных примерах представлены в препозиции, интерпозиции и постпозиции идентичные вставочные компоненты сложного предложения. Дистрибутивная вариантность порядка расположения компонентов объясняется в данном случае главным образом эмоционально-экспрессивными условиями контекста.

Будучи тождественными по смыслу, указанные конструкции различаются в функциональном и стилевом отношениях. Парентеза в таких конструкциях в большей степени характерна для тяготеющих к разговорному языку стилей, в которых живость, динамизм и эмоциональность превалируют над последовательностью, плавностью и корректностью речи.

Таким образом, парентезу как проявление синтаксической интерпозиции отличают следующие наиболее существенные особенности:

- 1) наличие двух смысловых планов (план основного предложения и план вставной части) с отношениями добавления;
- 2) специфическая интонация;

²⁹ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 17—18.

3) разрыв (в коммуникативном отношении спонтанный или преднамеренный) линейной структуры основной части высказывания в месте, определяемом главным образом семантическими и коммуникативными условиями (конструкция охвата); однако синтагматическая структура основного предложения все-таки ставит места возможных разрывов в определенные рамки;

4) вставная часть может включаться в основную бессоюзно и при помощи союзов и частиц, причем в первом случае основная функциональная нагрузка ложится на синтаксический способ парентезы (или шире — интерпозиции);

5) синтаксические связи вставных предложений с основным могут варьироваться в зависимости от способа включения (бессоюзного, с союзами, с союзными словами) и отношения вставного предложения к основному (ко всему в целом или к определенному его члену):

а) при бессоюзном включении вставное предложение не подчинено основному, однако основное и вставное предложения не могут считаться сочиненными; их взаимоотношения могут быть наиболее адекватно выражены термином «соотношение» в том смысле, в котором употребляет его Л. Л. Иофик;

б) вставное предложение, вводимое союзом *ki* и относящееся ко всему основному, характеризуется в первую очередь отношением присоединительности;

в) вставное предложение с союзным словом *ki*, относящееся к определенному члену основного, представляет собой переходный тип между присубstantивным определительным (с элементом обособления) и пояснительно-присоединительным (распространительно-повествовательным) предложениями.

Д. М. НАСИЛОВ, В. С. ХРАКОВСКИЙ

О ПАССИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Исследователи современного узбекского языка среди залоговых форм глагола единодушно выделяют форму с аффиксами $-(i)l\sim-(i)п$, которую называют страдательным залогом, страдательно-возвратным залогом, инагентивным залогом, пассивом, *мажхул* [от арабского маджхул (ун)] *феъл* (или *даража* ~ *нисбат* ~ *қаратма*) и т. д. Механизм образования этой формы глагола, а также некоторые стороны ее синтагматики описаны в грамматиках узбекского языка и в ряде специальных исследований. Кроме того, в соответствии с тюркской лексикографической традицией глаголы в этой форме обычно помещаются в словарях, сопровождаются пометой *страд.* [*ательный залог*] и в большинстве случаев переводом, например: *бежалмоқ страд.* от *бежамоқ* 'украшаться, наряжаться, быть украшенным' (см.: «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 61).

Сведения об этой форме, которую мы будем называть пассивной, излагаются ниже в рамках методики описания синтаксической деривации, применение которой к тюркским языкам было уже кратко охарактеризовано авторами¹.

2. Отправным для предлагаемого описания является разграничение исходных и производных конструкций предложений. В ходе деривационного преобразования исходных предложений возникают производные предложения, отличающиеся от исходных по своему грамматическому и смысловому статусу. Для структуры исходных предложений характерны «прямые» соответствия «член предложения — участник ситуации»²: сказуемое (Ск) — действие /состояние [$\sim$ собственно, сама ситуация] (с), подлежащее (П) — субъект ситуации (Сс), прямое дополнение (Д₁) — объект ситуации (О₁), косвенное дополнение (Д₂, Д₃ ...) — объект второго, третьего ... порядка или адресат ($\sim$ инструмент и т. п.) ситуации (О₂, О₃ ...) и т. п. В таких предложениях субъект занимает позицию подле-

¹ См.: Д. М. Насилов, В. С. Храковский. Применение принципа деривации к описанию синтаксических структур предложения в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 5, стр. 25—35.

² О понятии ситуации и о типах соответствий, или диатезах, см.: А. А. Холодович. Некоторые вопросы управления в японском языке. — В сб.: «Вопросы японского языка». М., 1971, стр. 113—115; И. А. Мельчук, А. А. Холодович. К теории грамматического залога. Определение. Исчисление. — «Народы Азии и Африки», 1970, № 4, стр. 111—124; В. С. Храковский. Конструкции пассивного залога. Определение и исчисление. — В сб.: «Категория залога». Материалы конференции. Л., 1970, стр. 27—41; *его же*. Деривационные отношения в синтаксисе. — В сб.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969, стр. 138—147; В. Г. Гак. К проблеме синтаксической семантики. — Там же, стр. 77—85.

жащего и находит конкретное выражение на лексическом уровне, то есть посредством самостоятельного специального члена предложения³. Сказуемое представлено различными формами так называемого основного залога глагола.

Глаголы в современном узбекском языке, как первообразные, так и производные, традиционно разграничиваются на переходные, допускающие прямое дополнение в основном или винительном падеже, и непереходные, которые не допускают такого оформления дополнения. Считается, что выбор падежа прямого дополнения обуславливается грамматической определенностью—неопределенностью дополнения—объекта⁴, хотя не менее существенно и различие дополнений по их позиции в предложении (контактное—отстоящее)⁵.

Исходные предложения (далее везде сокращенно — ИП) можно разделить на три группы в соответствии с актантичностью глаголов-сказуемых: одноактантные, двух- и трехактантные. В процессе синтаксической деривации каждая из этих групп характеризуется своими особенностями. Предложения с глаголами такой актантичности являются типичными для узбекского языка.

Одноактантную структуру можно записать по схеме⁶: I П(С) — Ск(с), соответственно двух- и трехактантные — II П(С) — Д₁(О₁) — Ск(с) и III П(С) — Д₁(О₁) — Д₂(О₂) — Ск(с).

3. Ниже будет рассмотрено такое преобразование указанных типовых ИП, в результате которого производные предложения приобретают одно общее свойство, а именно: в них нарушается соотношение «подлежащее — субъект ситуации», то есть субъект не может обозначаться подлежащим. Он может обозначаться другим членом предложения, либо вообще не обозначаться лексически на синтаксическом уровне специальным членом предложения⁷. В указанных ИП, как правило, сказуемое-глагол выступает в пассивной форме. Такие предложения мы будем считать пассивными, а преобразование ИП в соответствующие пассивные — пассивной деривацией. Цель настоящего сообщения заключается в описании соотношения исходных структур со структурами, возникающими в процессе пассивной деривации. Естественно, что ограниченный объем статьи позволяет остановиться лишь на основных вопросах и привести только минимум примеров в качестве иллюстраций данного феномена.

³ См.: В. С. Храковский. Типология пассивных конструкций. — В сб.: «Вопросы семантики». Тезисы докладов. М., 1971, стр. 202; Д. М. Насилов, В. С. Храковский. Указ. раб., стр. 28—29.

⁴ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 89—90, 94—96, 198—200, 359; А. Ф. Фуломов, М. А. Аскарлова. Хўозирги замон ўзбек тили. Синтаксис. Тошкент, 1961, стр. 95—103; В. Г. Гүзев, Д. М. Насилов. Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности—неопределенности. — «Советская тюркология», 1971, № 5, стр. 21—25.

⁵ Подробнее о глагольном управлении в узбекском языке см.: А. Абдуллаев. Глагольные словосочетания в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1959; А. А. Коклянова. Способы синтаксической связи слов в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. М., 1953; *её же*. Глагольные словосочетания в узбекском языке. — В сб.: «Исследования по синтаксису тюркских языков». М., 1962; К. Халиков. Глаголы движения в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс., Самарканд, 1967; К. Рахманбердиев. Глаголы зрительного восприятия в узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969; А. Азизов. Особенности глагола «килмоқ». — «Научные труды ТашГУ», новая серия, вып. 268, кн. 26. Ташкент, 1964, стр. 154—158; А. Фулом. Ўзбек тилида келишиклар. Тошкент, 1941.

⁶ Способы формальной записи синтаксических структур разъясняются в статьях: В. С. Храковский. Конструкции пассивного залога, стр. 27—41; *её же*. Типология пассивных конструкций, стр. 202—205; И. А. Мельчук, А. А. Холодович. К теории грамматического залога, стр. 113—124.

⁷ См.: В. С. Храковский. Типология пассивных конструкций, стр. 202.

4. Одноактантные структуры образуются переходными глаголами⁸. В ИП сказуемое-глагол может употребляться в любых временных формах различных наклонений. Например: I (1) u (II) ujga (Обст.) bu toš juldān (Обст.) tez (Обст.) boradi (Ск) 'домой (Обст.) по этому шоссе (Обст.) он (II) ходит (Ск) быстро ~ недолго (Обст.)'; (2) počtaga (Обст.) siz (II) kandaј borasiz (Ск)? 'как вы (II) пойдете (Ск) на почту (Обст.)?'; (3) u (II) bu sahnada (Обст.) ujnadi (Ск) 'он (II) играл (Ск) на этой сцене (Обст.)'.

В современном узбекском языке возможна реализация лишь одной пассивной структуры, а именно: I П(С) — Ск(с) $\rightarrow$ Ск(с). Позиция подлежащего остается свободной.

Пассивные дериваты приведенных выше ИП будут соответственно следующие: (1) $\rightarrow$ (1a) ujga (Обст.) bu toš juldān (Обст.) tez (Обст.) boriladi (Ск) 'до дому (Обст.) по этому шоссе (Обст.) идти (Ск) быстро ~ недолго (Обст.)'; (2) $\rightarrow$ (2a) počtaga (Обст.) kandaј boriladi (Ск.) 'как пройти (Ск) на почту (Обст.)?'; (3) $\rightarrow$ (3a) bu sahnada (Обст.) ujnaldi (Ск) 'играли (Ск) на этой сцене (Обст.)'; (1) $\rightarrow$ (1a') bu juldān (Обст.) borilmasin (Ск) 'по этой дороге (Обст.) не ездят [=не ездить!] (Ск)'.

Рассмотрим смысловую и синтаксическую структуру пассивных предложений. В них наблюдается генерализация субъекта: в данных предложениях отсутствует всякая конкретная информация о нем. Сказуемое-глагол обозначает два смысловых компонента ситуации: «состояние» и «генерализованный субъект ситуации». Формальным средством репрезентации субъекта на грамматическом уровне являются операторы пассивного преобразования $-(i)l \sim -(i)p$, введенные в глагол. На лексическом уровне субъект ситуации обозначен быть не может. Следует обратить внимание на то, что генерализованный субъект в предложениях данного типа всегда мыслится как человек.

На синтаксическом уровне центром предложения является сказуемое-глагол. Изучавший особенности употребления данных структур М. М. Муждабаев отмечает, что глаголы принимают обычно форму 3-го лица ед. числа настоящего времени изъявительного или условного (когда предложение является частью условного периода) наклонения, а также 3-го лица повелительного наклонения (чаще в отрицательной форме $-ma-sin$). Он указывает, что в них «могут употребляться только такие переходные глаголы, ... которые обозначают волевые, активные действия, т. е. такие действия, которые совершает человек сознательно, сообщаясь со своей волей»⁹.

5. Двухактантные структуры образуются как первообразными, так и второобразными переходными глаголами, в частности полученными с помощью операторов каузации от переходных глаголов типа $agalaštirmok$ 'смешивать' $\leq$ $agalašmok$ 'смешиваться'; $keltirmok$ 'привозить' $\leq$ $keltmok$ 'приходить'; $tuldirmok$ 'наполнять' $\leq$ $tulmok$ 'наполняться'. Например: II (4) kolhozči (II) polizni (Д₁) suqordi (Ск) 'колхозник (II) полил (Ск) огород (Д₁)'; (5) rais (II) bugungi kengašni (Д₁) utkazadi (Ск) 'председатель (II) проведет (Ск) сегодняшнее совещание

⁸ Авторы здесь и далее принимают традиционную трактовку переходных глаголов, хотя в окружение некоторых из них наряду с подлежащим входят и другие обязательные члены предложения (например, обстоятельства при глаголах движения).

⁹ М. М. Муждабаев. Безлично-страдательные предложения в современном узбекском языке. Ташкент, 1960, стр. 12; *его же*. Безлично-страдательные конструкции в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1963; ср.: А. Н. Кононов. Грамматика..., стр. 192.

(Д₁)'; (6) počtal'on (П) hat[ni] (Д₁) keltirdi (Ск) 'почтальон (П) принес (Ск) письмо (Д₁)'.

При пассивной деривации в узбекском литературном языке возможна реализация следующих трех структур: П П(С)—Д₁(О₁)—Ск(с) ⇨ а) П(О)—Ск(с), б) П(О)—Д(С)—Ск(с), в) Д(О)—Ск(с).

Примером преобразований типа «а» могут служить следующие цепочки: П (4) ⇨ (4а) poliz (П) suyorildi (Ск) 'огород (П) полили (Ск)'; (5) ⇨ (5а) bugungi kengash (П) utkaziladi (Ск) 'сегодняшнее совещание (П) будет (Ск) проводиться (Ск)'; (6) ⇨ (6а) hat (П) keltirildi (Ск) 'письмо (П) принесли (Ск)'.

В таких производных пассивных структурах субъекты состояния лексически не выражены, подлежащие репрезентируют объекты состояния (poliz, kengash, hat), в сказуемых-глаголах представлены смыслы «состояние» и «субъект состояния», причем последний формально обозначен оператором пассивности (suyor-il-di, utkaz-il-adi, keltir-il-di).

В структурах типа «б» дополнение субъекта (Д_{суб.}), передающее субъект ситуации, обозначается с помощью служебных имен топон 'сторона' и изредка taraf 'сторона', стоящих в форме исходного падежа и связанных с именем, которое обозначает субъект соответствующими аффиксами принадлежности¹⁰. Например: П (4) ⇨ (4б) poliz (П) kolhozchi tomonidan (Д_{суб.}) suyorildi (Ск) 'огород (П) полит (Ск) колхозником (Д_{суб.})'; (5) ⇨ (5б) bugungi kengash (П) rais tomonidan (Д_{суб.}) utkaziladi (Ск) 'сегодняшнее собрание (П) будет (Ск) проводиться (Ск) председателем (Д_{суб.})'; (6) ⇨ (6б) hat (П) počtal'on tomonidan (Д_{суб.}) keltirildi (Ск) 'письмо (П) принесено (Ск) почтальоном (Д_{суб.})'.

На смысловом уровне пассивные структуры «а» и «б» принципиально не различаются, их различие состоит лишь в способах информации о субъекте ситуации. В обеих структурах последний обозначен на грамматическом уровне в сказуемом (операторы пассивности), но во второй структуре он находит дополнительное выражение и на лексическом уровне в дополнении субъекта.

В узбекском языке синтаксические структуры типа «б» развились относительно поздно преимущественно в литературном письменном языке¹¹.

Особо следует остановиться на третьем типе «в» пассивных дериватов. Дело в том, что в узбекской грамматической литературе статус данных конструкций определяется по-разному: некоторые лингвисты рассматривают их как нарушение литературной языковой нормы или диалектальную особенность, другие — как смешение функций падежных показателей и т. п.¹² В рамках развиваемой здесь концепции такие узбекские предложения являются закономерными пассивными дериватами ИП с двухактантными глаголами¹³. Например: П (6) ⇨ (6в) hatni (Д₁) keltirildi (Ск) 'принесли (Ск) письмо (Д₁)'; (7) kolhoz (П) tehnikani (Д₁) tajjorlamokda (Ск) 'колхоз (П) готовит (Ск) технику (Д₁) ⇨ (7в) tehnikani (Д₁) tajjorlamokda (Ск) 'готовят (Ск) технику (Д₁)'.

На синтаксическом уровне при деривации выводится субъект, занимающий место подлежащего, и это место остается незанятым; статус до-

¹⁰ А. Н. Кононов. Грамматика..., стр. 193.

¹¹ См.: А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 167.

¹² Обзор точек зрения см.: М. М. Муждабаев. Безлично-страдательные предложения в современном узбекском языке, стр. 24—33.

¹³ См.: В. С. Храковский. Конструкции пассивного залога, стр. 32.

полнения не изменяется, и оно выражается, как и в ИП, именем в форме винительного падежа; сказуемое-глагол осложняется оператором пассивной деривации (здесь обычно употребляется форма 3-го лица простых прошедших времен изъявительного наклонения). Таким образом, переход объекта на позицию подлежащего не является при пассивной деривации обязательным ее условием.

К этому следует добавить, что при некоторых двухактантных глаголах дополнение объекта состояния ($D_{об.}$) обозначается формой не винительного, а других падежей, в частности дательно-направительного и исходного¹⁴: *işonmok* 'верить'; *karor kilmok* 'решить, постановить'; *boşçilik kilmok* 'возглавлять'; *ragvariş kilmok* 'ухаживать'; *keçmok* 'переходить'; *jetmok* 'хватать, доходить, достигать, догонять'; *kirişmok* 'браться, начинать, приступать' и др. В узбекском языке с участием таких глаголов ИП образуют пассивный дериват только по схеме II «в». Например: II (8) *men* (П) *itga* ($D_{об.}$) *maşina bilan* ($D_{инстр.}$) *jetib oldim* (Ск) 'я (П) догнал (Ск) собаку ($D_{об.}$) на машине ($D_{инстр.}$)' $\rightarrow$ (8в) *itga* ($D_{об.}$) *maşina bilan* ($D_{инстр.}$) *jetib olindi* (Ск) 'собаку ($D_{об.}$) догнали (Ск) на машине ($D_{инстр.}$)'; (9) *biz* (П) *bu habarga* ($D_{об.}$) *işondik* (Ск) 'мы (П) поверили (Ск) в эту новость ($D_{об.}$)' $\rightarrow$ (9в) *bu habarga* ($D_{об.}$) *işonildi* (Ск) 'в эту новость ($D_{об.}$) поверили (Ск)'; (10) *tong jorişi bilan* (Обст.) *kolhozçilar* (П) *işga* ($D_{об.}$) *kirişdilar* (Ск) 'с рассветом (Обст.) колхозники (П) приступили (Ск) к работе ($D_{об.}$)' $\rightarrow$ (10в) *tong jorişi bilan* (Обст.) *işga* ($D_{об.}$) *kirişildi* (Ск) 'с рассветом (Обст.) приступили (Ск) к работе ($D_{об.}$)'.

На смысловом уровне различие пассивных дериватов (6в), (7в) и (8в), (9в), (10в) не наблюдается, и приходится признать, что это суть аналогичные преобразования исходных структур. Интересно, что в тюркологической литературе толкование последних пассивных структур не вызывает разногласий и сомнений¹⁵. Действительно, пассивные преобразования ИП с косвенно-переходными глаголами в узбекском литературном языке могут происходить только по модели II «в». Сравнимая между собой указанные три типа преобразований, можно отметить, что первые два, то есть «а» и «б», возможны для ИП с так называемыми прямо-переходными глаголами, а тип «в» — преимущественно для ИП с косвенно-переходными, хотя он совершенно закономерно допустим и для ИП с прямо-переходными глаголами. Последнюю возможность реализуют не все тюркские языки, поэтому и в общетюркологическом плане узбекский язык представляет интерес¹⁶. В узбекском языке в дериваты типа «в» не могут быть введены дополнения субъекта, а потому в нем отсутствует четвертая из возможных структур пассивного преобразования: г) $D_1(O) - D_{суб.} - Ск(с)$.

6. Трехактантные структуры в узбекском языке образуются как первообразными глаголами, так и производными, в частности каузативными (в том числе и вдвойне каузативными) глаголами типа: *kajtartirmok* 'заставить кого-нибудь вернуть кого-либо' < *kajtarmok* 'воз-

¹⁴ Иногда такие глаголы называют косвенно-переходными; см.: А. Н. Кононов. Грамматика..., стр. 200; М. М. Муждабаев. Безлично-страдательные предложения..., стр. 21—23; А. А. Коклянова. Глагольные словосочетания в узбекском языке, стр. 54—85.

¹⁵ См.: А. А. Коклянова. Глагольные словосочетания..., стр. 90—91; Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 499—500.

¹⁶ О месте данной конструкции в истории узбекского языка см.: А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 178; Г. Ф. Благова. Формы пассива, представленные в «Бабур-наме», и особенности их синтактико-стилевого использования. — «Asian and African studies», I. Bratislava, 1965; *ее же*. К вопросу о подлинности текста «Бабур-наме» по Керовскому списку. — «Краткие сообщения Института народов Азии», XLIV. Литературоведение и изучение памятников. М., 1961.

вращать' < kajtmok 'возвращаться'; tomizdirmok 'заставить капать' < tomizmok 'капать, лить каплями' < tommok 'капать, падать каплями'; tuldirtirmok 'заставить наполнять' < tuldirmok 'наполнять' < tulumok 'наполняться'. Следует отметить, что реализация структур с вдвойне каузативными глаголами в узбекском языке, как, впрочем, и в других тюркских языках, из-за их грамматической громоздкости затруднена. Подобные образования допускаются обычно от глаголов, обозначающих производственную деятельность человека, где наличие второго деятеля-посредника очевидно¹⁷.

Примерами трехактантных структур могут служить: III (11) men (П) bu kitobni (Д₁) maktabga (Д₂) jubordim (Ск) 'я (П) направил ~ послал (Ск) эту книгу (Д₁) в школу (Д₂)'; (12) opa (П) bolasiga (Д₂) jangi dorini (Д₁) tomizdi (Ск) 'мать (П) накапала (Ск) своему ребенку (Д₂) новое лекарство (Д₁)'; (13) milicioner (П) otaga (Д₂) bolasini (Д₁) kaj-tartirdi (Ск) 'милиционер (П) заставил (Ск) отца (Д₂) вернуть (Ск) ребенка (Д₁)'.

При пассивном преобразовании в узбекском языке допустима реализация пассивных структур трех типов: III П(С) — Д₁(О₁) — Д₂(О₂) — Ск(с) $\rightarrow$ а) Д₁(О) — Д₂ — Ск(с); б) П(О) — Д₂ — Ск(с); в) П(О) — Д₂ — Д_{суб.} — Ск(с). Покажем это на преобразовании предложения (11), дериватами которого соответственно будут: III (11) $\rightarrow$ (11а) *bu kitobni (Д₁) maktabga (Д₂) juborildi (Ск) 'эту книгу (Д₁) направили ~ послали (Ск) в школу (Д₂)'; (11б) bu kitob (П) maktabga (Д₂) juborildi (Ск) 'эта книга (П) направлена ~ послана (Ск) в школу (Д₂)'; (11в) bu kitob (П) men tomonidan (Д_{суб.}) maktabga (Д₂) juborildi (Ск) 'эта книга (П) направлена (Ск) в школу (Д₂) мною (Д_{суб.})'. Аналогично преобразуется и предложение (12).

Как уже указывалось, пассивная структура типа III (11а), то есть с прямым дополнением объекта в винительном падеже, является для узбекского языка редкой и вызывает споры. Что же касается структур типа III (11в), то они характерны в основном для литературного языка. Преобразование ИП с вдвойне каузативными глаголами вообще затруднено. Допустимо, по-видимому, образование из ИП (13) пассивного деривата (13г) bola (П) kajtartirildi (Ск) 'ребенок (П) был (Ск) возвращен (Ск) [кем-то через кого-то]'. Непосредственное же преобразование исходной структуры по правилам пассивной деривации не может быть произведено, так как этому препятствует сложность смыслов, которые необходимо выразить грамматически в одном предложении. Язык в этом случае идет на упрощение грамматической структуры за счет перевода выражения некоторых смыслов на конкретный лексический уровень и преобразования части семантических связей. Так, с сохранением всего набора наименований участников ситуации ИП (13) возможно построение следующей пассивной конструкции: (13д) *bola (П) milicioner-ning (Д_{суб.}) topsiriyiga (~ iltimosiga, bujrukiga, izozatiga) muvofik (~ kura, asosan) otasi tomonidan (Д_{суб.}) kajtarildi (Ск) 'ребенок (П) был (Ск) возвращен (Ск) отцом (Д_{суб.2 ← об.2}) по поручению (~ просьбе, приказу, разрешению) милиционера (Д_{суб.1})'. В данном предложении описательно, на конкретном лексическом уровне представлен второй такт каузации, упрощена форма глагола-сказуемого, дополнение объекта переосмыслено как дополнение субъекта₂; вместе с тем по правилам

¹⁷ См.: Д. М. Насилов, В. С. Храковский. Применение принципа деривации, стр. 30.

пассивной деривации дополнение объекта₁ заняло место подлежащего, в глагол-сказуемое введен пассивный оператор.

7. Специального рассмотрения требует пассивное преобразование причастий, выступающих в определительной функции¹⁸. При описании определительных конструкций с причастиями наиболее рациональным представляется подход к ним как к трансформам самостоятельных предложений, благодаря чему удается описать эти конструкции однозначно с описанием деривации самостоятельных глагольных предложений¹⁹. В случаях применения в причастных конструкциях причастия от пассивного глагола на уровне смыслов также наблюдается генерализация субъекта состояния, перевод его с конкретного лексического уровня на грамматический. Эта особенность и объясняет возможность употребления активной или пассивной формы причастия. Так, С. Н. Иванов указывает, что «страдательное причастие (то есть с показателем -1~ -п. — Д. Н., В. Х.) употребляется при отсутствии указания на субъект действия, а причастие без показателя страдательного залога — при выявленном субъекте»²⁰. Он также подчеркивает, что «употребление страдательного варианта формы на *-ган* обязательно во всех тех случаях, когда субъект действия, выраженного глаголом в форме на *-ган*, не указан в данном предложении. ... Следовательно, если форма на *-ган* в действительном залоге всегда должна быть соотнесена с субъектом действия, то страдательный ее вариант выражает в сущности неопределенно-личное действие»²¹. Таким образом, в преобразованиях причастных конструкций отмечаются те же семантические особенности, что и при преобразовании самостоятельных предложений.

Пассивное преобразование причастных конструкций происходит по тем же правилам пассивной деривации, которые были изложены выше. В случае применения в данных конструкциях одноактантного глагола полностью исключается обозначение субъекта состояния на лексическом уровне, например: I (14) u[ning] (Cc) uɟa (Обст.) boradigan (c) jʉl(i) (Об.) 'дорога (Об.), по которой он (Cc) ходит (c) домой (Обст.)' → (14a) uɟa (Обст.) [tez (Обст.)] boriladigan (c) jʉl (Об.) 'дорога (Об.), по которой [быстро (Обст.)] ходят (c) домой (Обст.)' (в примерах указана и семантическая структура конструкции). В пассивном деривате наблюдается также закономерное преобразование, находящее отражение и на формальном уровне: член оборота, обозначающий субъект ситуации (в трактовке некоторых тюркологов он предстает как подлежащее данной конструкции), выводится из оборота, и его место остается незанятым.

Если центром причастной конструкции является двухактантный или трехактантный глагол, то допускается введение в пассивный дериват

¹⁸ См.: С. Н. Иванов. Категория залога в определительных сочетаниях с формой на *-ган* в узбекском языке. — «Вопросы языкознания», 1957, № 2; *его же*. Очерки по синтаксису узбекского языка. (Форма на *-ган* и ее производные). Л., 1959, стр. 60—81; *его же*. Категория залога в причастиях узбекского языка. — В сб.: «Исследования по истории культуры народов Востока», М.—Л., 1960.

¹⁹ Ср.: Е. А. Поцелуевский. Тюркский трехчлен. М., 1967; Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. Автореф. докт. дисс. М., 1970, стр. 30—40.

²⁰ С. Н. Иванов. Из истории узбекского языка. — «Вестник ЛГУ», 1967, 2, вып. I (История, язык, литература), стр. 119.

²¹ С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка, стр. 67; ср.: Е. А. Поцелуевский. Тюркский трехчлен, стр. 93; *его же*. Трехчленная определительная конструкция в туркменском языке и ее модификации. — В сб.: «Исследования по синтаксису тюркских языков». М., 1962, стр. 189—218.

дополнения субъекта с помощью уже описанных формальных средств. Например: II (15) kolhozçi suʻorgan poliz ‘огород, который полил колхозник’ $\rightarrow$ (15a) suʻorilgan poliz ‘политый огород’ || (15б) kolhozçi tomonidan suʻorilgan poliz ‘огород, политый колхозником’; (16) poʻchalʻon keltirilgan hat ‘письмо, которое принес почтальон’ $\rightarrow$ (16a) keltirilgan hat ‘принесенное письмо’ || (16б) poʻchalʻon tomonidan keltirilgan hat ‘письмо, принесенное почтальоном’; III (17) men maktabga juborgan kitob ‘книга, которую я направил в школу’ $\rightarrow$ (17б) maktabga juborilgan kitob ‘книга, которую направили в школу’ || (17в) maktabga men tomonimdan juborilgan kitob ‘книга, которая направлена в школу мною’.

С. Н. Иванов отметил факт независимости залогового оформления причастия от значения определяемого слова, которое может вступать с определением в самые различные субъектно-объектные отношения²². Таким образом, и для пассивной деривации в причастных конструкциях остается справедливым утверждение о периферийности синтаксического выражения отдельных компонентов ситуации, занимающих в последней различные ступени иерархии, за исключением нулевой²³.

Можно видеть, что на смысловом уровне пассивная деривация в синтаксических структурах с причастиями не отличается от таковой в самостоятельных предложениях и никоим образом не связана в этом плане с какими-либо особенностями узбекских причастий, этих функциональных форм глагола. Различие наблюдается лишь в синтаксических способах представления пассивной деривации, поскольку причастный оборот с зависимыми от причастия словами и связь причастия с определяемым имеют отличную от самостоятельного предложения синтаксическую организацию²⁴.

8. Выше были рассмотрены различные типы пассивной деривации, возможной в современном узбекском литературном языке и находящей свое регулярное обозначение в глагольной основе с помощью морфологических операторов $-p \sim -l$, а также в изменении синтаксической структуры на уровне членов предложения. Однако в узбекском языке отмечается и такая разновидность пассивной деривации, при которой не затрагивается уровень членов предложения. Примером ее может служить однотактная пассивно-каузативная деривация. На уровне смыслов суть ее заключается в усложнении семантических функций слов в ИП: в последнее непосредственно вводятся смыслы «генерализованный субъект ситуации», а также «каузация». Синтаксическая структура сохраняется, но наблюдается усложнение формальной организации членов предложения и в первую очередь сказуемого, которое обозначает самоё ситуацию $\sim$ состояние, а также компоненты — «генерализованный агент ситуации» и «каузация». Например: (18) bola (П) bu kitobni (Д₁) ukijapti (Ск) ‘ребенок (П) читает (Ск) эту книгу (Д₁)’ $\rightarrow$ (18a) bola (П) bu kitobni (Д₁) ukišga (Ск) mažbur (Ск) ‘ребенок (П) вынужден (Ск) читать (Ск) эту книгу (Д₁)’; (19) u (П) keladi (Ск) ‘он (П) придет (Ск)’ $\rightarrow$ (19a) u[ning] (П) keliši (Ск) kerak (Ск) ‘ему (П) нужно (Ск) прийти (Ск)’.

Предложения подобного типа и способы выражения в них сказуемых

²² См.: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка, стр. 64—66; его же. Категория залога, стр. 199; ср.: Е. А. Поцелуевский. Тюркский трехчлен, стр. 19—21.

²³ См.: В. С. Храковский. Проблема доминанции членов предложения и система абстрактных синтаксических структур. — В сб.: «Языковые универсалии и лингвистическая типология». М., 1969.

²⁴ См.: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка, стр. 79—90.

достаточно полно описаны для узбекского языка М. М. Муждабаевым²⁵, а их возможная интерпретация предложена нами²⁶. Подробное рассмотрение указанных структур, а также и других, так или иначе выражающих «пассивный смысл», в том числе и с помощью неморфологизированных в глаголе преобразований, выходит за рамки настоящей статьи.

9. Итак, исходные синтаксические структуры и производные от них пассивные структуры связаны в узбекском языке регулярными деривационными отношениями. Оба типа структур обозначают одну и ту же ситуацию. Однако они различаются характером информации о данной ситуации. В исходной структуре наиболее «естественным» образом обозначена ситуация, что выражается, видимо, в «прямом» соответствии компонентов ситуации и членов предложения. В пассивной структуре это соответствие нарушено. Та же ситуация представлена так, что в синтаксической структуре «конкретный лексически выраженный субъект не занимает позиции подлежащего»²⁷. Таким образом, в структуре, с одной стороны, отодвигается на периферию субъект, а с другой стороны, в центр перемещаются ситуация и объекты.

Актуализация в пассивной структуре именно ситуации позволяет по-иному представить соотношение последней с субъектом и объектом: выделить объект действия (он получает возможность занять позицию первого синтаксического актанта в предложении), а также разделить представление о субъекте состояния на конкретное (в трехактантной структуре и в двухактантной с дополнением субъекта) и абстрактное. Эти черты пассивной деривации и особенности пассивной синтаксической структуры объясняют своеобразие функционирования последней; из этого также следует, что пассивные структуры без дополнения субъекта ситуативно обусловлены. Как и в других тюркских языках, в узбекском языке такие структуры употребляются а) «... с целью избежать упоминания субъекта действия»; б) «...с целью придать высказыванию характер обобщения»²⁸. Желание избежать упоминания субъекта может быть обусловлено его совершенной очевидностью для участников акта коммуникации (сюда входят случаи почтительного отношения к субъекту и, наоборот, уничижительного), либо его полной неясностью, а также невозможностью конкретизировать субъект (учитывость, неотделимость его от коллектива и т. п.), либо целым комплексом стилистических заданий.

Возможность актуализировать ситуацию/состояние и в связи с этим по-иному отразить соотношение ситуация/состояние — объект появляется как раз за счет элиминирования выражения в структуре предложения субъекта состояния на лексическом уровне; такое преобразование трактуется как способ представления «страдательности», как состояние «навязанное объекту со стороны»²⁹. Для узбекского, а также и для некоторых других тюркских языков развитие конструкций с *topon* ~ *tarai*, активность которых все более возрастает, в значительной степени стиму-

²⁵ См.: М. М. Муждабаев. Безличия-модальные предложения в современном узбекском языке. — «Научные труды ТашГУ», новая серия, вып. 229. Ташкент, 1964, стр. 80—117.

²⁶ Д. М. Насилов, В. С. Храковский. Применение принципа деривации..., стр. 33—35. Об одноктантной пассивной деривации см.: В. С. Храковский. Некоторые проблемы синтаксической деривации. — «Народы Азии и Африки», 1971, № 6.

²⁷ В. С. Храковский. Пассивные конструкции. (Универсалии и типология). — «Универсалии и их место в типологических исследованиях. Тезисы докладов». М., 1971, стр. 16.

²⁸ Е. А. Поцелуевский. Тюркский трехчлен, стр. 74.

²⁹ Ср.: Э. В. Севорган. Аффиксы глаголообразования..., стр. 499—505; Е. А. Поцелуевский. Тюркский трехчлен, стр. 74—85.

лируется стремлением выработать грамматический аналог, передающий значение русской трехактантной страдательной конструкции³⁰.

В связи с изложенным требует специального исследования проблема соотношения рассмотренных выше пассивных структур и других способов выражения имперсональности в узбекском языке (так называемых обобщенно-личных и неопределенно-личных конструкций)*.

---

³⁰ Ср.: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка, стр. 70.

* Авторы пользуются случаем выразить благодарность Г. Ф. Благовой и Е. А. Поцелуевскому, которые ознакомились с рукописью статьи и своими критическими замечаниями способствовали уточнению отдельных ее положений.

З. Х. ТАГИ-ЗАДЕ, Р. К. ПОТАПОВА

АКУСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОГЛАСНЫХ СОВРЕМЕННОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Спектральная характеристика согласных звуков содержит информацию о способе и месте образования звука, а также об общей конфигурации речевого тракта в момент артикуляции согласного.

При исследовании согласных в начале слога необходимо расчленить спектральное изображение на сечения, соответствующие моментам начала (экскурсии) звука, выдержки (ядра) и перехода согласного к следующему гласному. Сегментация не утрачивает своего значения и в том случае, когда исследуется спектр согласного, следующего за гласным. Однако, как показали исследования последних лет, зависимость между спектральными характеристиками согласного и гласного в сочетании типа «гласный+согласный» выражена менее ярко, и влияние согласного на предшествующий гласный значительно слабее¹. Следовательно, роль переходных участков в этом типе сочетаний менее информативна для определения места образования согласного.

Известно, что по сравнению с относительно устойчивыми формантами гласных звуков форманты согласных отличаются крайней неустойчивостью. Поэтому для выявления спектральной характеристики согласных звуков особенно важным является определение спектральных модификаций на переходных участках от согласных к гласным и наоборот. Другими словами, при исследовании согласных особое значение приобретает решение проблемы сегментации звукового континуума и выявления константных и варьирующих признаков спектра. Так, например, если определить точку на частотной шкале спектра (Locus), от которой начинается сдвиг формант (F_1 , F_2) к относительно устойчивой формантной картине гласных, то по направлению и скорости изменения частот формант можно определить способ и место образования согласного². При этом изменение F_1 содержит информацию о способе, а изменение F_2 — о месте образования согласного. Определение же таких параметров, как скорость, величина и направление изменения частот формант на переходных участках, относится к описанию согласных в их динамике, что не входило в данном случае в нашу задачу. Нами исследовались спектраль-

¹ См.: Л. В. Бондарко. Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем. Автореф. докт. дисс. Л., 1969.

² См.: А. М. Liberman, P. C. Delattre, L. J. Gerstman, F. S. Cooper. Tempo of frequency change as a cue distinguishing classes of speech sounds. — «Journal of experimental psychology», 1956, 52, стр. 127—137; J. M. Heinz, B. E. F. Lindblom, J. Lindquist. Patterns of residual masking for sounds with speech-like characteristics. — «Conference on Speech Communication and Processing». Boston, Mass. DL, 1967, стр. 246—251.

ные признаки согласных современного азербайджанского языка на квазистационарных участках, то есть определялись относительно устойчивые спектральные признаки согласных независимо от фонетического контекста*. Изучение влияния фонетического контекста и определение релевантных признаков согласных на переходных участках составит следующий этап исследования.

Результаты целого ряда работ, выполненных на материале различных языков, показывают, что спектральная структура глухих согласных сильно отличается от формантной структуры гласных. Это различие заключается прежде всего в следующем: F_1 обычно не проявляется, F_2 обычно выражена слабо, область F_3 выше, чем F_3 соседнего гласного, что вызвано появлением более высоких частот в момент аспирации согласного. Это положение полностью подтвердилось на материале глухих согласных азербайджанского языка. Например, в слове *top* F_3 на переходе от /t/ к /o/ равна 3675 гц, что значительно превосходит F_3 последующего гласного /o/. F_1 и F_2 не проявляются. Кроме того, имеется полоса и более высоких частот (7415 гц). В слове *k'ol* F_3 на переходе от /k'/ к /o/ равна 5755 гц, что значительно превосходит F_3 последующего гласного. Подобное явление прослеживается на всем экспериментальном материале.

В азербайджанском языке имеются три смычных глухих согласных — /p, t, k/. На спектрограммах реализация смычного глухого согласного обычно выражается наличием четырех участков, соответствующих в артикуляционном плане смычке, раскрытию смычки, фрикции и аспирации. У смычных глухих согласных место сосредоточения основной энергии в момент перехода от фрикции к аспирации расположено в области частот 3675 гц и 5755—7415 гц. В данном случае правильнее, очевидно, говорить о смешанной фриктивно-аспирированной шумовой части звука, так как переход от фрикции к аспирации практически нерасчленим.

Методика определения полос частот, характерных для глухих щелевых согласных, принципиально не отличается от описанной выше. Данные ряда исследований показывают, что полосы усиления энергии частот фриктивных глухих согласных расположены в высоких областях, причем изменение места артикуляции фриктивных не оказывает существенного влияния на верхнюю частотную границу этих звуков.

Как показал предварительный анализ наших данных, для глухих фриктивных азербайджанского языка характерны определенные полосы усиления частотной энергии (см. таблицу 1).

Принципы определения полос усиления энергии частот для глухих аффрикат — те же, что и для глухих фриктивных. В фонетической си-

* Настоящее исследование выполнено в ЛЭФиПР МГПИИЯ им. М. Тореца с применением спектрографа С-48. Данный прибор представляет собой спектроанализатор параллельного типа с последовательной (покадровой) регистрацией результатов анализа исследуемого сигнала с помощью осциллографа (на киноплёнке). Предусмотрена также возможность наблюдения за изменением во времени текущей спектральной характеристики сигнала на экране осциллографа в координатах «амплитуда—частота». Частотный диапазон спектроанализатора — от 65 до 12500 гц. Динамический диапазон спектроанализатора при наблюдении и фотографировании спектральных сечений — 37 дб. В спектроанализаторе осуществляется частотная коррекция с помощью корректирующего фильтра с частотной характеристикой — горизонтальной до 1 кгц и имеющей подъем в сторону верхних частот с крутизной приблизительно 4 дб/окт. Электронный коммутатор спектроанализатора состоит из последовательно включенных Кипп-реле. Время наблюдения одного канала примерно 300 мсек. Время анализа всего диапазона частот около 15 мсек.

Методика проведения исследования подробно изложена в статье: З. Х. Таги-Заде, Р. К. Поганова. Акустический анализ гласных современного азербайджанского литературного языка. — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 60—69.

Таблица 1

Глухой фрикативный согласный	Полосы усиления энергии частот (в гц)			
s	—	8760	—	
	7415	8760	—	
	7415	8760	—	
	—	8760	9510	
	—	8760	9510	
	7415	8065	—	
š	5275	7415		
	—	7415		
	—	6260		
	5275	—		
	5755	6260		
	—	6260	8065	8065
f			8760	9510
			—	9510
			8760	
		7415	8760	
		7415	8760	
			8760	9510
x	6810	7415	—	
	5275	7415	—	
	5275	—	—	
			8065	
			—	9510
			8065	8065

стеме азербайджанского языка имеется одна глухая аффриката — /č/, для которой характерна основная полоса усиления энергии частот — 6260—8065 гц. Наши данные в основном совпадают с данными Г. Фанта для глухих фрикативных и аффрикат русского языка³. Таким образом, спектральные характеристики квазистационарных участков показывают, что между глухими фрикативными и аффрикатами азербайджанского и русского языков нет существенных различий*. Однако этот предварительный вывод можно сделать с некоторой оговоркой, так как информация

³ Г. Фант. Акустическая теория речеобразования. М., 1964, стр. 164—179.

* Указанные предварительные данные характеризуют верхние частотные границы глухих фрикативных и аффрикат. Более низкие частоты, характерные для некоторых фрикативных (например, /l/ отличаются низкие частоты в полосе 350—450 гц, 600—715 гц), фиксировались на спектрограммах недостаточно регулярно и с очень слабой интенсивностью.

об изменениях, например, места артикуляции связывается обычно со сдвигом нижних границ спектра, а это, к сожалению, не удалось зафиксировать на нашем материале с достаточной регулярностью и надежностью.

Таблица 2

Сонорные	Полосы усиления энергии частот (в гц)					
	Начальная позиция			Конечная позиция		
n	250—300	1088	—	250—300	—	2645
	250—300	1280	2500	250	450—550	1088
	250—350	1280	—	250	450	1280
	250	1280	—	250	400	2440
	300	1390	2865	250	400	2255
	250	1088	2645	250—300	450	2440
	250	1088	2645	200	600	1088
	250	—	2645	450	655	1088
	250	—	2645			
	250—350	1280	—			
m	350	—	2440	300	655	2255
	300	655	—	300	—	2440
	250	715	2085	250—350	600	—
	250	655	—	250	600	2255
	300	715	2085	250	655	2440
	250	600	—	300	655	2440
	250	450	2255	250	655	2255
				300	600	2440
				250	655	2440
				300	655	2440
l	350	655	2645—3675	250	655	—
	350	655	2440	300	—	2085
	250	—	3365	250	—	3365
	300	655	3100	300	—	2440
	300	655	3100	250	655	2085
	250—350	655	3100	300	—	3100
	450	1005	3100	300	655	2440
	450	1005	2865	250	655	2255
	400	1005	3365	200	655	3675
				200	655	3100
				250	655	3100
				250	655	2255
				200	655	3100
				250	655	3100
				200	655	2085
r	450—500	1510	2085	655	1280	—
	450—500	1088	2255	500	1180	—
	450	1510	2085—3130	550	1180	2085
	250	1510	2865	450	—	2440
	450	1088	2440	300	1510	2085
	450	1088	—	450	1510	2085
	450—500	1088	2645	450	1088	2645
	500—550	1088	2085	350	1088	2865
				300	1390	2440
				300	1088	2865

Систему звонких смычных согласных азербайджанского языка составляют фонемы /b, d, g, g'/, систему звонких фрикативных — /v, γ, ž, z/. Имеется также одна звонкая аффриката — /ʒ/. По спектральным характеристикам эти звуки отличаются от соответствующих глухих прежде всего участием голосового источника. Однако звонкие фрикативные и аффрикаты не являются беспорядочным смешением шума и голоса, а представляют собой шум, интенсивно модулированный периодическими вибрациями потока воздуха⁴. Например, для азербайджанского /d/ характерно наличие основного тона (200 гц) и шумового компонента, соответствующего моменту аспирации (7415 гц).

Особое место среди согласных по своим спектральным характеристикам занимают сонорные /m, n, l, r/. Области усиления энергии частот сонорных азербайджанского языка (см. таблицу 2) совпадают с областями усиления энергии частот соответствующих сонорных (твердых) русского языка. При сопоставлении были использованы данные Г. Фанта⁵ и результаты, полученные коллективом исследователей Лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ им. А. А. Жданова⁶.

В результате предварительного анализа материала было установлено, что принципиальных различий в спектре сонорных азербайджанского и русского языков не наблюдается.

Таким образом, в ходе исследования были определены спектральные характеристики квазистационарных участков согласных современного азербайджанского литературного языка и на основании полученных данных проведено предварительное сопоставление азербайджанских и русских согласных.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Спектральные характеристики азербайджанских глухих фрикативных и аффрикат (в пределах экспериментального материала) обнаружили принципиальное сходство с данными спектрального анализа соответствующих звуков русского языка.

2. Сонорные азербайджанского языка характеризуются в основном теми же формантами, что и соответствующие сонорные русского языка.

В заключение следует отметить, что данные акустического анализа, возможно, внесут некоторые уточнения в систему консонантизма азербайджанского языка. Существующая же классификация согласных, построенная с учетом акустических особенностей последних, даст возможность тюркологам проводить более дифференцированный сопоставительный анализ согласных на материале различных тюркских языков. Полученные данные (при их дальнейшем уточнении и углублении) могут быть использованы, в известной мере, и в прикладных целях: в области телефони, радиосвязи, автоматического распознавания звуковых образов и синтеза речи.

⁴ См.: R. Jakobson, G. Fant, M. Halle. Preliminaries to speech analysis: the distinctive features and their correlates. — «Massachusetts institute of technology. Technical report», 1955, № 13.

⁵ Г. Фант. Указ. раб., стр. 139—164.

⁶ См.: Отчет ЛЭФ ЛГУ им. А. А. Жданова, 1963.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Б. П. ТУКАН, Р. Я. УДЛЕР

МОЛДАВСКО-ГАГАУЗСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Изучение процессов развития старых литературных и младописьменных языков, их взаимовлияния и взаимообогащения в советскую эпоху — весьма важная и актуальная проблема советского языкознания.

Благодаря ленинской национальной политике Коммунистической партии и Советского Правительства многие отсталые в прошлом народы нашей страны получили письменность и за сравнительно короткий срок развили свои литературные языки. Одним из таких младописьменных языков является гагаузский. Гагаузы, носители гагаузского языка, живут в основном на территории Советского Союза (на юге Молдавской ССР и в Одесской области Украинской ССР — в Буджаке; см. карту № 1). Они переселились сюда в конце XVIII — начале XIX в. из северо-восточной Болгарии. Небольшие группы гагаузов проживают в Северном Казахстане и в Средней Азии, куда они переселились из Бессарабии в начале XX в. (после столыпинской аграрной реформы).

Численность гагаузского населения, проживающего на территории Советского Союза, по данным переписи 1970 г., составляет 157 тыс. человек. За пределами СССР в восточной Болгарии проживает еще около 10 тыс. гагаузов.

Отсутствие каких-либо археологических, исторических и других данных затрудняет разрешение вопроса о происхождении гагаузов, письменные сведения о них появляются лишь в начале XIX в.

Н. А. Баскаков, как и другие тюркологи, относит гагаузский язык к огузской подгруппе тюркских языков, отмечая при этом некоторое сходство его с языками болгарскими и особенно с кыпчакско-половецкими, в частности с современным караимским языком¹.

В формировании и развитии гагаузского языка на Балканах немалую роль сыграли болгарский, греческий и турецкий языки. Глубокий след в его лексике и синтаксисе, так же как в фонетике и морфологии, оставили контактировавшие с ним на протяжении почти двух столетий русский, украинский и молдавский языки. Все это способствовало формированию гагаузского языка как языка самостоятельного², хотя некоторые зарубежные тюркологи (Т. Ковальский, Г. Дёрфер и др.)³ в связи с

¹ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 259.

² См.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 251 (статья «Гагаузские этюды»).

³ Т. Kowalski. Les turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est. Kraków, 1933, стр. 18—25; G. Doerfer. Das Gagausische. — «Philologiae turcicae fundamenta», I. Wiesbaden, 1959, стр. 260—272.

большой близостью гагаузского языка с турецкими диалектами северо-восточной Болгарии и считают его одним из диалектов турецкого языка.

С введением в 1957 г. гагаузской письменности⁴ начался новый этап в развитии культуры небольшого по численности гагаузского народа. На гагаузском языке стали издаваться школьные учебники, произведения фольклора и художественной литературы. С развитием и обогащением гагаузского языка формируются и его литературные нормы⁵. Гагаузская художественная литература — самая молодая из литератур народов Советского Союза. Образцы гагаузского фольклора, стихотворных и прозаических произведений опубликованы в полутора десятках сборников. В учебниках для гагаузских начальных школ печатаются произведения других литератур в переводе на гагаузский язык. Республиканская и центральная печать помещает переводы произведений гагаузских писателей на русский и молдавский языки. В 1970 году издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» был выпущен на русском языке сборник стихотворений гагаузского писателя Д. Карачобана.

Пестрая этническая и языковая среда, в которой живут гагаузы в течение многих лет, наложила своеобразный отпечаток на все стороны их материальной и духовной культуры, в том числе и на их язык.

Известно, что развитие языка находится в тесной связи с историей его носителей. На протяжении почти двух веков гагаузы живут в Буджаке вместе с молдаванами, русскими, болгарями и украинцами. Совместная жизнь способствует взаимодействию и взаимобогащению языков. Это выражается в первую очередь в проникновении в гагаузский язык большого числа иноязычных слов, выражающих не только новые для гагаузов понятия, но и понятия, обозначения которых уже существовали в гагаузском языке.

Появление новых слов и терминов в связи с возникновением новых понятий и обозначений, относящихся к различным отраслям экономической, политической, социальной и научной жизни, является одним из важных языковых процессов в развитии лексики гагаузского языка. Обогащение лексики новыми словами шло двумя типичными для этого процесса путями: за счет собственных ресурсов гагаузского языка и за счет заимствований из других языков, прежде всего болгарского, молдавского, русского и украинского.

В данной статье мы остановимся на отдельных сторонах молдавско-гагаузских и гагаузско-молдавских языковых взаимоотношений.

Влияние молдавского языка на гагаузский наблюдается с начала XIX в. (со времени переселения гагаузов в Бессарабию), хотя, как писал В. А. Мошков, «судя по тому, что в языке гагаузов есть много молдавских слов, можно думать, что знакомство их с этим народом (т. е. молдавским) началось, как говорится, не со вчерашнего дня. Вероятно, еще за Дунаем, в Добрудже, они имели в числе своих близких соседей молдаван»⁶. По нашему мнению, многочисленные молдавские слова, заимствованные еще до переселения гагаузов в Бессарабию, могли быть усвоены частично непосредственно из речи молдаван, а частично — из речи бол-

⁴ 30 июня 1957 года был издан Указ Президиума Верховного Совета Молдавской ССР о введении гагаузской письменности. См.: газ. «Советская Молдавия» от 31 июня 1957 г.

⁵ См.: Л. А. Покровская. Гагаузский язык. — В кн.: «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху», т. II. Тюркские, монгольские, финно-угорские и тунгусо-маньчжурские языки. М., 1969, стр. 211—235.

⁶ В. А. Мошков. Гагаузы Бендерского уезда. — «Этнографическое обозрение», 1900, № 2, стр. 33.

гар, богатой словами романского происхождения. Это предположение подтверждает сопоставление словаря В. Зайончковского⁷ со словарем болгарского языка⁸, а также анализ «романского пласта гагаузской лексики»⁹. В современную эпоху усилению влияния молдавского языка на гагаузский в значительной степени содействовали такие постоянно действующие факторы, как школа, радио, печать, непосредственное общение, брачные связи и др. Процесс заимствования активизировался с развитием производительных сил и общественных форм ведения хозяйства, способствовавших усилению контактов между носителями различных языков.

Молдавско-гагаузские языковые взаимоотношения наиболее явственно проявились в области лексики и фонетики и в меньшей степени в области морфологии и синтаксиса. Молдавские лексические заимствования представлены в основном именами существительными и прилагательными, а также наречиями. Они проникли во все сферы жизни и могут быть классифицированы по следующим тематическим группам:

1. Термины родства: moș (молд. *мош*) 'дядя, старик', baēti (молд. *бэят*) 'мальчик', veġ (молд. *вэр*) 'двоюродный брат', verișóġa (молд. *верешоэра*) 'двоюродная сестра', núpa (молд. *нун*) 'посаженый стец' и др.

2. Названия профессий и занятий: bižár (молд. *биржэр*), 'извозчик, кучер', vizeti (молд. *визитэу*) 'кучер, возница', frizér (молд. *фризэр*) 'парикмахер', șobotár (молд. *шиботэр*) 'сапожник', markidán (молд. *маркидан*) 'мелкий коммерсант', paġinti (молд. *пэринте*) 'поп, священник', portár (молд. *портэр*) 'привратник' и др.

3. Названия предметов одежды и обуви: batista (молд. *батистэ*) 'кофты', paraġija (молд. *пэлэрие*) 'шляпа', bászca (молд. *бэскэ*) 'берет', fústa (молд. *фустэ*) 'юбка (нижняя белая)', fanéla (молд. *фланелэ*) 'свитер' 'фуфайка', keptár (молд. диал. *кептэр* 'безрукавка') 'коротенький жилет', ĩulár (молд. *фулар*) 'кашне', bóldur (молд. *бóлдур* — мн. число от *бóлд*) 'булавка с головкой', búngi (молд. диал. *бунгы* — мн. число от *бумб*) 'пуговица', 'крючок с петлей (на пальто)', tantéli (молд. *дантэлэ*) 'кружево', kalóș (молд. *галош*) 'галоша', sandáli (молд. *сандэлле* — мн. число от *сандэлэ*) 'сандалии', pantófi (молд. *пантофы* — мн. число от *пантоф*) 'туфли', șoșóni (молд. *шошонь* — мн. число от *шошон*) 'боты', șoșóti (молд. *шошэте* — мн. число от *шошэте*) 'носки'.

4. Названия блюд и продуктов питания: makaġóni (молд. *макароэне*) 'макароны' (> makaġina 'куски теста с маслом и брынзой'), fidá (молд. *фидя*) 'вермишель', síra (молд. *сунэ*) 'сун', olói (молд. диал. *олэй*) 'растительное масло', brynzca (молд. *брынэ*) 'овечий сыр', bombóni (молд. *бомбоэне* — мн. число от *бомбоэне*) 'конфеты', karaġéli (молд. *карамэле* — мн. число от *карамэле*) 'конфеты' и др.

5. Названия предметов домашнего обихода: puř (молд. *пуф*) 'пух', bastón (молд. *бастон*) 'трость', gaġafa (молд. *гагэфэ*) 'графин', kibriř (молд. *кибрит* < тур. *kibrít*) 'спичка', kyrlig (молд. *кырлиг*) 'крючок', pișamá (молд. *мушамэ* < тур. *muřamba*) 'клеенка', pař (молд. *пат* 'кровать') 'топчан', 'глиняная скамейка', portofél (молд. *портэфэл*) 'портмоне', moșúga (зотúġa) (молд. *мэчúгэ*) 'толстая палка, дубина', gușnica

⁷ W. Zajaczkowski. Vocabulaire gagaouze-français. — «Folia Orientalia», t. VII. Kraków, 1965—1966.

⁸ С. Б. Бернштейн. Болгарско-русский словарь. М., 1966.

⁹ См.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 279—281.

(молд. *рѣшницэ*) 'ручная мельница', *farfűgí* (молд. *фарфуріе*) 'блюдец, тарелка', *furkulíca* (молд. *фуркуліцэ*) 'вилка', *vǎpa* (молд. *вранэ*) 'отверстие в бочке, через которое наливается содержимое', *zǎnta* (молд. *жǎнтэ* < тур. *çanta*) 'сумка, портфель', *kóšnica* (молд. *кóшницэ*) 'корзина' и др.

6. Названия жилых и сельскохозяйственных строений и их частей: *oblón* (молд. *облón*) 'ставни', *vǎtra* (молд. *вǎтрэ*) 'место очага, где горит огонь', *príšba* (молд. *прішпэ*) 'завалинка', *báya* (молд. *бáе*) 'баня', *šorǒn* (молд. *шопрón*) 'место для скота', 'навес', *rǒta* (молд. *поǎртэ*) 'ворота', *kurte* (молд. *күрте*) 'усадебная постройка (помещичья)' и др.

7. Названия сельскохозяйственного инвентаря: *kósa* (молд. *коǎсэ*, болг. *коса*) 'коса', *kosǒg* (молд. *косóр*) 'садовый нож', *šugúr* (молд. *шурүб*) 'винт', *dǎlta* (молд. *дǎлтэ*) 'долото', *káda* (молд. *кǎдэ*) 'бочка с одним дном', *kotíga* (молд. *котігэ*) 'двухколесная телега', *obáda* (молд. *обǎдэ*) 'обод колеса', *t'áska* (молд. *тǎск*) 'пресс для выжимания винограда', *stúnžin* (молд. *стүнжен*) 'саженец'.

8. Названия животных, их клички и названия птиц: *lúpi* (молд. *луп*) 'волк', *skrófa* (молд. *скроǎфэ*) 'свиноматка', *sar* (молд. *цар*) 'козел', *purčel'* (молд. *пурчэл*) 'поросенок', *Balán* (молд. *бэлán*) 'белая масть' (кличка лошади или вола), *Vižǒg* (молд. *вижóр*) 'рыжая масть' (кличка лошади), *Gálbu* (молд. *гǎлбен*) 'желтая масть' (кличка лошади или вола), *korói* (молд. *копóй*) 'охотничья собака', *kotéj* (молд. *котéй*) 'собачка', *múška* (молд. *мүщэ*) 'кошечка', *garagáca* (молд. *гарагǎцэ*) 'сорока', *šorǒgla* (молд. *шопырлэ*) 'ящерица', *gása* (молд. *рǎцэ*) 'селезень', *gydagóla* (молд. *гыт гол* 'голая шея') 'голошейка (о курице)' и др.

9. Названия растений: *patrazél* (молд. *пэтрунжэл*) 'петрушка (огородное растение)', *paršǒj* (молд. *пэпушóй*) 'кукуруза', *mázare* (молд. *мǎзэре*) 'горох', *fasúlä* (молд. *фасóле*) 'фасоль', *leušt'án* (молд. *леуштǎн*) 'любистик', *láura* (молд. *лаур*) 'олеандр', *portokál* (молд. *портóкǎлэ*) 'апельсин'.

10. Названия местностей: *bálta* (молд. *бǎлтэ*) 'болото, низкое место (непригодное для земледелия)', *múnt'a* (молд. *мүнте*), 'гора', *kódru* (молд. *кóдру*) 'лесная местность', *tolóka* (молд. *толоǎкэ*) 'поле под паром, служащее пастбищем' и др.

11. Названия физических и моральных качеств и недостатков: *mútu* (молд. *мут*) 'немой, молчаливый', *ragún* (молд. *рǎгүн*) 'язычник, безбожник', *zgyrčít* (молд. *згырчйт*) 'скупой', *vazdraván* (молд. *вэдрэван*) 'необыкновенный, волшебный', *prost* (молд. *прост*) 'дурак, глупый', *kalík'* (молд. *калік*) 'калека, урод, бедный', *blastamát* (молд. *блестемǎт* 'преклятый') 'подлец, негодяй'.

12. Общественные и политические термины: *avég'ǎ* (молд. *авéре*) 'богатство, имущество', *kančelǎrija* (молд. *канчелǎрие*) 'канцелярия', *stat* (молд. *стат*) 'государство', *bánka* (молд. *бǎнкэ*) 'банк', *monimént* (молд. *монимéнт*) 'памятник'.

13. Прочие заимствования: *kodica* (молд. *кодйцэ*) 'косичка', *posisa-gija* (молд. *посесóр* 'арендатор') 'аренда', *zéstř'ǎ* (молд. *зэстрэ*) 'приданое', *kíla* (молд. *кйлэ*) 'килограмм', *lítra* (молд. *лйтрэ*) 'старая мера веса, равная 320 г' 'старая мера емкости', *mǎgšiga* (молд. *мǎрмурэ*) 'мармор', *inkínát* (молд. *ынкинэчүне*) 'поклон', *nevója* (молд. *невóе*) 'нужда, горе', *pravuťása* (молд. *преотǎсэ*) 'попадня', *koščúk* (молд. *кошчүг*)

'гроб', kúgčta (молд. *кырчумэ*) 'корчма', mártur (молд. *мартор*) 'свидетель', baláuru (молд. *балáур*) 'большой сказочный змей с одной или несколькими головами, часто крылатый', persunál (молд. *персонáл*) 'пассажирский поезд', pikét (молд. *пикét*) 'будка часовая', grínga (молд. *принде* 'ловит') 'мертвая петля', šapc (молд. *шанц*) 'канавка', šipítal (молд. диал. *шпитáл*) 'больница', váta (молд. *вámэ*) 'таможня', gága (молд. *гáрэ*) 'станция, вокзал', kágčega (молд. *карчерэ*) 'карцер', kasarija (молд. *кэсэпие* < тур. *kasár*) 'мясная лавка', kókopa (молд. *кукоáнэ*) 'барыня; хорошо одетая женщина', kóčopa (молд. *короáнэ*) 'венчик', kúča (молд. *крúче*) 'крест', otgáva (молд. *отráвэ*) 'яд', rófta (молд. *рофтэ*) 'аппетит', alfabet (молд. *алфáбét*) 'алфавит', karbópa (молд. *карбоáвэ* 'монета или банкнота достоинством в один рубль') 'рубль', bojár (молд. *боéр*) 'барин. богатый человек' (> *bojárka* 'барыня'), dižaba (молд. *дежаба*) 'напрасно, даром', divéč (молд. *девеч*) 'вечный', k'ag (молд. *кяр*) 'именно', ošabiti (молд. *осебит*) 'отдельно', ušig (молд. *ын шир*) 'подряд, один за другим' и др.

Почти двухсотлетний непосредственный контакт гагаузов с молдавским населением содействовал также обратному процессу — влиянию гагаузского языка на молдавский, хотя последнее носит несколько локальный характер.

Влияние гагаузского языка особенно заметно в юго-западных молдавских говорах. Гагаузские заимствования в молдавских говорах отражают особенности материальной культуры, быта и пр. На картах «Молдавского лингвистического атласа» (АЛМ)¹⁰ и в магнитофонных записях диалектных текстов зафиксированы следующие группы гагаузских заимствований:

1. Названия предметов быта: k'up — k'jup — k'jup⁹ 'глиняная банка' (гаг. *к'уп*); t'juč — t'juč⁹ 'сковорода без ручки' (гаг. *туч*); kazán — kazány — kžán — kžán⁹ 'ведро' (гаг. *казán*); lijan 'миска, таз' (гаг. *лиén*); tejkы 'кормушка для цыплят' (гаг. *текнй* 'корыто'); jélák — jalák 'кормушка для птиц, водопойка' (гаг. *йалák*); чеңг'áл — чеңг'él — и''иңг'áл 'крюк для мяса' (гаг. *чеңгél*); рендé — иринд'á — ириндé — јеринд'á 'терка' (гаг. *рендá*); ч'як'ýи — ч'як'ýи — чеáк'ýи — и''як'ýи 'перочинный нож' (гаг. *чак'ý*); сандык — сандык⁹ 'большой сундук' (гаг. *сандык*); чекмедж''é — к'етмедж''é — к'етмедж''já — к'етмедж''еá 'выдвижной ящик стола' (гаг. *чекмеджá*); пешк'ýр 'полотенце для лица, посуды, декоративное' (гаг. *пешк'ýр*); душ'эг 'матрас для шерсти' (гаг. *дöшék*)¹¹.

2. Названия одежды и обуви: ч'јумбér, чумбér 'платок головной' (гаг. *чембér*); бокч'á — бошч'á 'маленькое декоративное полотенце' (гаг. *бошчá* 'узелок'); минтán 'безрукавка' (гаг. *минтán*); дж''јуб'á —

¹⁰ См.: Атласул лингвистек молдовенеск, волумул I, партя I. «Фонетика» де Р. Удлер. Кишинэу, 1968; волумул I, партя II. «Фонетика» де Р. Удлер, «Морфология» де В. Мелник. Кишинэу, 1968. Примеры приведены в фонетической транскрипции «Молдавского лингвистического атласа».

¹¹ См.: АЛМ, карты №№ 1299, 1516, 2, 1302, 1303, 1337, 1356, 1261, 940—943, 1206, а также диалектные тексты.

дж"йубе́ 'меховая безрукавка' (гаг. *жубá*); *абá* 'полупальто из домотканной шерсти' (гаг. *абá* 'шерстяное сукно'); *астáр* — *астáр'* 'подкладка' (гаг. *астáр*); *кайш* — *кайш'* 'широкий ремень' (гаг. *кайбш* 'ремень'); *мешы́ни* 'брюки из овчины' (гаг. *мешын*); *иминёу́* — *имини́у* — *иминёй* 'крестьянский башмак с острым носком, тапочка' (гаг. *емени́*) (см. карту № 2)¹².

3. Названия различных строений, их частей и строительных материа-

лов: *душумé* — *душумја́* 'деревянный пол' (гаг. *дöшемá*); *бэж"ják* — *бэж"ják^у* — *бэж"ják^ч* — *бэж"ják* — *бэдж"éак* — *бэдж"jákы* — *бадж"ják* — *бадж"ják* 'дымоход, дымовая труба' (гаг. *бáжа* 'дымоход'); *макáз* — *макáз* — *макáс* 'стропило' (гаг. *макáз*); *танды́р* — *танды́р* 'глиняная зава-линка' (гаг. *танды́р*); *пармаклы́к* — *памаклы́к* — *бамаклы́к* — *пара-клы́к* 'перила' (гаг. *пармаклы́к*); *тýлы* 'кирпич' (гаг. *тýла*); *самалы́к* — *самалýк* — *самалы́к^ч* — *самалýк^ч* 'сарай для половы, початков' (гаг. *са-манны́к*); *сáйвáн* — *сáйвáн* — *сэивáн* — *саивáн* 'сарай с 2-3 стенами' (гаг. *сайвáн*); *дам* — *деам* — *дáм^ч* 'кухня, кладовая, конюшня' (гаг. *дам* 'летняя кухня, сарай'); *токáт* 'ворота' (гаг. *токáт*); *магáз* 'погреб' (гаг. *маазá*); *к'имéз* 'курятник' (гаг. *күмэс*); *э'јоз* 'отсек в амбаре' (гаг. *эöз*) (см. карту № 3)¹³.

4. Названия орудий производства: *бел* 'железная лопата' (гаг. *бел*); *тукма́к* 'цепь' (гаг. *токма́к* 'пестик'); *бештерма́к* 'деревян-ные вилы с 5-7 зубьями' (гаг. *бештырма́к* 'деревянные вилы с 5 зубья-ми'); *јетáк* — *јетáк^ч* — *јатáк* — *јертáк* — *јетáп* 'носилки для половы' (гаг. *јатáк*); *сындж"ýр* — *сындж"ýр^ч* 'цепь' (гаг. *синжýр*); *тербэ́ли* 'вожжи' (гаг. *тербá*); *зымба́*, *замба́* 'пробойник' (гаг. *зымба́*) (см. карту № 3)¹⁴.

5. Названия растений, животных и птиц: *э'јул* — *э'јул* — *э'јулы* 'роза, куст розы, желтая роза' (гаг. *гýл* 'роза'); *френк* 'красный помидор' (гаг. *френк*); *данáк* — *дэна́к* 'теленок 1-2 лет' (гаг. *данá* 'теленок, телка'); *јерк'эк* — *јерк'эк^ч* — *јерк'эк^ч* 'теленок' (гаг. *еркэг* 'теленок самец'); *гу-гýш* 'голубь' (гаг. *гугýш*) (см. карты № 2 и № 3)¹⁵.

6. Названия продуктов питания: *кэвэрма́* — *каварма́* — *кавырма́* 'ба-ранье мясо, зажаренное в собственном жиру' (гаг. *каурма́*); *пачé* 'сту-день' (гаг. *пачá*); *налаңгы́ты* 'пончик, жаренный в подсолнечном масле' (гаг. *ланангы́* 'оладьи'); *э'јозломéли* — *э'издомéли* — *э'изномéли* — *э'ер-зомéли* 'пирожки с брынзой, картофелем' (гаг. *эöзлемá*); *јаны́иш* — *јехнé* — *иһнé* 'мясное блюдо с луком и перцем' (гаг. *јахны́* — *јаанзы́* 'мясо'); *кайма́к* — *кайма́к^ч* — *кэйма́к^ч* 'сметана' (гаг. *кайма́к*) (см. кар-ту № 3)¹⁶.

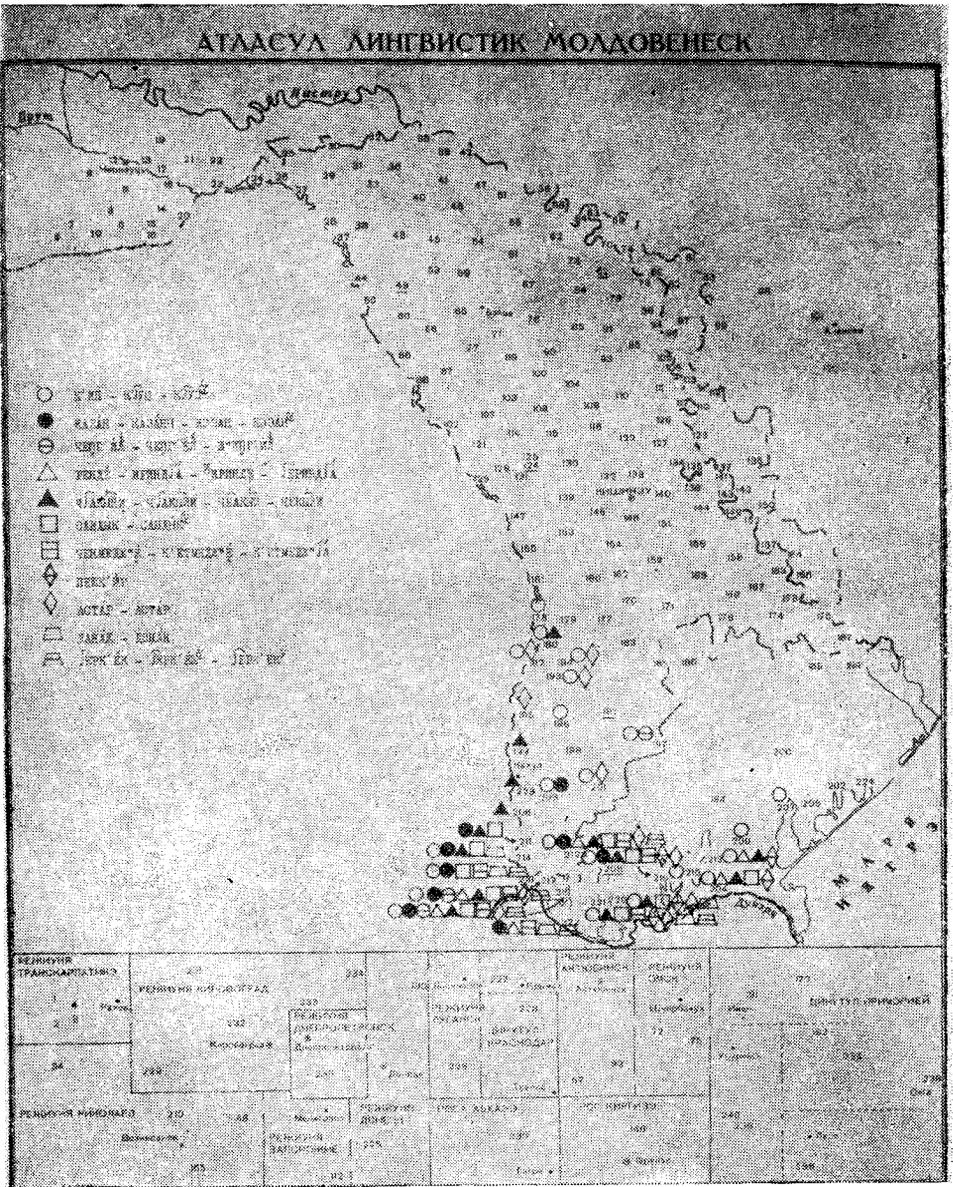
¹² См.: АЛМ, карты №№ 1114, 1117, 405, 1042, 1044, 1138, 1149, 275, 1168, 1082, 1074, 1163, а также диалектные тексты.

¹³ См.: АЛМ, карты №№ 1405, 454, 1231, 1420, 1239, 1454, 1455, 1436, 1432, 1433, 1439—1441, 647, 1426, 1427, 1490, 1447, а также диалектные тексты.

¹⁴ См.: АЛМ, карты №№ 457, 2304, 2331, 2322—2324, а также диалектные тексты.

¹⁵ См.: АЛМ, карты №№ 2127, 2088, 1587—1590, 1585, 1649, а также диалектные тексты.

¹⁶ См.: АЛМ, карты №№ 1378, 1379, 1377, 1365, а также диалектные тексты.

Карта № 2.

7. Термины родства: *дја́ду* 'дедушка, дядя' (гаг. *да́ду* 'дедушка'); *чју́чју́* 'дядя моложе отца' (гаг. *чу́чү́* 'дядя'); *бу́лја́* 'тетя моложе матери' (гаг. *бу́лү́* 'тетя'); *де́авур* — *де́авору* — *де́авэр* — *дја́вур* — *дја́вор* — *дја́выр* 'шафер' (гаг. *де́вер*); *тэти* — *теті́кы* — *теті́ку* 'отец' (гаг. *та́тү́*) (см. карту № 4)¹⁷.

8. Названия болезней и частей тела: *казамы́к* — *кызамы́к* — *кызамы́кы* — *казаму́к* — *казаму́кы* — *кызаму́к* — *кэзэму́к* 'корь' (гаг. *кызама́к*); *маңгафа́* 'сап (у лошадей)' (гаг. *мангафа́* 'глупый, неуклюжий');

шк'ембе́—*шк'ембја́* 'желудок' (гаг. *шкемба́* 'желудок, живот') (см. карту № 4)¹⁸.

9. Прочие заимствования: *сел* — *сэлү́* 'ручей' (гаг. *сел*); *чја́йр* — *чайр* — *че́йр* — *чи́йр* — *ш"ја́йр* 'равнина; выгон' (гаг. *чайы́р*); *тарла́* 'поле, пашня (20×480 м)' (гаг. *тарла́*); *кары́к* 'садовая грядка' (гаг. *кары́к*); *дерт* 'забота' (гаг. *дерт*); *топ* — *топы́* 'мяч' (гаг. *топ*); *бары́т* — *баро́т* 'порох' (гаг. *бару́т*) (см. карту № 4)¹⁹ и др.

Некоторые слова тюркского происхождения (например, *йорган*, *чоррап* и др.) имеют более широкий ареал, охватывающий не только территорию непосредственных языковых контактов, то есть юго-западные районы Молдавии и Одесской области, но и значительную часть Молдавской ССР (см. карту № 4)²⁰. Наличие этих слов также и в говорах Запрутской Молдовы, Валахии, Добруджи и других позволяет предположить, что они были заимствованы в более отдаленные времена и имели иные источники заимствования.

Отдельные слова известны и в более обширной зоне, но уже с другим значением. Например, слова из смежных гагаузских говоров — *каймак* 'сметана', *казан* 'ведро', *ренде* 'терка', *ја́так* 'носилки для половы'²¹ — употребляются почти на всей территории Молдавской ССР и Социалистической Республики Румынии, однако в том же значении, что и в турецком языке²²: *каймак* 'пенка на молоке', *казан* 'котел, куб', *рындя* 'рубанок', *ятак* 'спальня'.

В современном молдавском литературном языке количество заимствованных гагаузских слов ограничено. В словарях румынского языка их не выделяют из слов турецкого происхождения²³. В словарях говоров

¹⁷ См.: АЛМ, карты №№ 908, 712, 915, 918, 930, 470, а также диалектные тексты. Указанные выше термины родства болгарского происхождения, но в исследуемые молдавские говоры они проникли через посредство гагаузских говоров, в которых они употребляются в том же значении, о чем свидетельствует их звуковое оформление. См.: В. П. Тукан. Состав лексики вулканештского диалекта гагаузского языка. — В сб.: «Вопросы лексикологии и лексикографии». Кишинев, 1968, стр. 169—171.

¹⁸ См.: АЛМ, карты №№ 835, 838, 783, 784, а также диалектные тексты.

¹⁹ См.: АЛМ, карты №№ 597, 324, 234. Слова *сел*, *дерт*, *френк*, *ренде* и другие в гагаузских говорах являются арабо-персидскими заимствованиями. В молдавские же говоры они проникли непосредственно из гагаузского языка. См.: В. П. Тукан. Указ. раб., стр. 159—163.

²⁰ См.: АЛМ, I, карта № 386 и АЛМ, карта № 257; Micul Atlas lingvistic român, part. II, vol. I, Sibiu, 1940, карта № 358; там же, vol. III, карта № 1028; Атлас болгарских говоров в СССР. Вступительные статьи и комментарии к картам, под ред. С. Б. Бернштейна. М., 1958 (АБГ СССР), карта № 83.

²¹ См.: АЛМ, I, карта № 161; АЛМ, карты №№ 2, 1516, 1897, 302, 1337.

²² См.: «Русско-турецкий словарь». М., 1946.

²³ См.: «Dicționarul limbii române moderne». București, 1958; L. Șăineanu. Dicționar universal al limbii române. București, 1925.

болгарских сёл и в некоторых монографических исследованиях болгарских говоров Советского Союза многие гагаузские заимствованные слова не отделяются от болгарских (например, *аба, астар, барут, бел, дюшек, каварма, казан, каймак* и др.)²⁴. Возможно, эти слова тюркского происхождения проникли в говоры болгар до их переселения в Буджак.

В заимствованных гагаузских словах сохраняются специфические особенности гагаузских говоров: долгота гласных [*са́йн—са́йн—сэ́эне́л* 'тарелка, блюдо' (гаг. *сахан* > *са́йн*); *маала́* 'окраина, часть села' (гаг. *махалле* > *маала́*) и др.; в некоторых говорах -*аа-* > -*а-* — *мала́*], специфические гагаузские гласные переднего ряда *ÿ, ö* (*к'ÿун, дж"ÿубе, г'ÿул, г'ÿоз, г'ÿозломели* и др.), протетический *и* (*иринд'ја*), сочетание -*ÿы-* переходит в -*и-* (*кайк* < *кайык, кайш* < *кайыш, чайр* < *чайыр*) и др. Как и в гагаузских говорах, вместо *х* произносят *ф* в заимствованном слове *кÿфни* < *кухня*. Результатом влияния гагаузских говоров следует считать и появление эпентетических звуков *и, ы, у* в таких словах, как: *мэшик'ат—мэшык'ат'* 'крупный', *ÿмбыры — ÿмбуры* 'тень', *Ч'ыкыры* 'икра', *пÿдуры—пÿдуры* 'пудра', *капыры — капуры* 'коза' и др. (см. карту № 5)²⁵.

Следствием длительного контакта говоров двух языков с разными грамматическими структурами является не только заимствование отдельных слов, их некоторая звуковая адаптация и частичное переосмысление, но и образование лексических и синтаксических калек. Значительно реже встречаются заимствования словообразовательных форм, морфологические кальки и др.²⁶

Отмеченные выше фонетические особенности тюркских заимствований и их семантика позволяют сделать вывод о том, что указанные тюркские элементы в молдавских говорах представляют собой именно гагаузские заимствования, а не тюркизмы, перешедшие из говоров болгарского языка. К этому же выводу можно прийти на основе анализа карт молдавского и румынского лингвистических атласов, отражающих ареалы тюркизмов. Следует также учитывать и то, что гагаузы оказались в непосредственном контакте с молдаванами ранее болгар (см. карту № 1).

²⁴ См.: Т. В. Швецова. Материалы для словаря болгарских говоров СССР. Словарь говора села Твардицы. — «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР», вып. 2, 1952, стр. 85 и сл.; Э. И. Полтораднева-Зеленина. Словарь говора болгарского села Суворово Одесской области УССР. — «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР», вып. 5, 1954, стр. 65 и сл.; Э. И. Зеленина. Словарный состав Суворовского говора. — «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР», вып. 7, 1955, стр. 62 и сл.; вып. 8, 1958, стр. 86 и сл.

²⁵ См.: АЛМ, I, карты №№ 150, 99; АЛМ, карты №№ 461, 1272, 1042, 1044, 230, 2127, 302, 1337, 597.

²⁶ См.: Р. Бигаев, П. Данилов, Д. Танасоглу, М. Умаров. Некоторые фонетические особенности гагаузского языка. — «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1960, № 2, стр. 51—55; Е. Колца. Развитие и обогащение лексики гагаузского языка в советское время. — В сб.: «Вопросы лексикологии и лексикографии». Кишинев, 1968, стр. 178—184.

ТОПОНИМИКА

О. Т. МОЛЧАНОВА

К ВОПРОСУ О ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ТОПОНИМИИ ТЕРРИТОРИИ

(НА МАТЕРИАЛЕ ОБЩИХ ТОПОСНОВ ТЮРКСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
НАИМЕНОВАНИЙ ЮГА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР И СИБИРИ)

Прежде чем перейти к изложению основного материала статьи, хотелось бы сделать некоторые предварительные замечания.

1. Географическая терминология любой территории включает единицы, участвующие и не участвующие в топообразовании. Вероятно, в этом есть своя закономерность. Например, из 70 выявленных географических терминов алтайского языка только две трети встречается в составе топонимов. Мы имеем в виду не ситуативное отсутствие термина в эллиптированных наименованиях, а ту часть географической терминологии, которая вообще не участвует в образовании топонимов.

2. Среди терминов, относящихся к рельефу и почвогрунтам, легко выделить две основные группы: 1) географические термины, служащие для обозначения положительных форм рельефа (перевалов, отдельно стоящих гор, холмов, возвышений, частей горы); 2) географические термины, служащие для обозначения отрицательных форм рельефа (низменностей, котловин, западин и т. д.). Гидрографическая терминология выделяется в отдельную группу. По сей день среди топонимистов нет единого мнения по следующему вопросу: куда относить названия отрицательных форм рельефа — к *оронимам* или *гидронимам*. Наименования положительных форм рельефа принято называть оронимами. Трудность же заключается в том, что *гидрография* занимается изучением и описанием только водных объектов — таких, как реки, озера, болота, ледники, а *орография* — изучением отрицательных форм рельефа независимо от того, заполнены они водой или нет.

В нашей статье под гидронимами понимаются наименования отрицательных (часто весной и осенью заполняемых водой) форм рельефа + имена собственно гидрографических объектов, под оронимами же — наименования положительных форм рельефа.

Исходя из первого замечания можно решить вопрос о разграничении орографических и гидрографических терминов, с одной стороны, и оронимических и гидронимических — с другой. Гидронимические и оронимические термины — единицы, участвующие в образовании топонимов, — входят как составные части соответственно в гидрографическую и орографическую терминологию.

Рассмотрим тюркские географические термины *jaɣuk*, *karçal*, *kooby*, *jik*, их лингвистическую и территориальную распространенность, участие в образовании топонимов и географическое содержание. Данные

термины — члены одного семантического поля, покрывающего значения различных отрицательных форм рельефа.

Jaγuk (от глагола jaγ- 'рассекать, расщеплять', зафиксированного в древнетюркском языке) сохраняет в современных тюркских языках свое основное значение: «трещина в земле», «теснина», «ущелье», ср. алт. и башк. jaγuk 'щель, трещина, расщелина; расколотый, треснувший'; каз. žaγuk 'местность, изрезанная текущими водами; проток или рукав реки, трещина, щель'; к.-калп. žaγuk 'щель, трещина, расселина' (taıduŋ žaγuγu 'расселина горы'); кирг. žaγuk 'трещина, щель, треснувший'; тув. čaγuk 'щель, скважина, сторона, расщелина, ущелье'; хак. čaγux 'трещина, щель, разрез, надрез'; шор. čaγuk 'расселина, ущелье, пропасть, разрыв'.

Данный термин широко участвует в образовании географических названий на тюркоязычных территориях Западной Сибири, Казахстана, Средней Азии. В гидронимах он может приобретать дополнительное значение «проток, рукав реки». В Горном Алтае этим термином обозначают и реку с узкой, прорезанной в горах долиной (р. *Кара жарык*, р. *Ташту жарык*). Топонимы юга европейской части СССР — пос. *Ерик* (Краснодарский край), ст. *Ерик* (Куйбышевская область) представляют собой адаптированную русским языком западнотюркскую форму, ср. азерб. jaγug 'щель, рубец, расщелина, разрез, брешь, выруб'; тат. jaγuk 'щель, трещина, расщеп, расщелина'.

Ущелье в Большой Советской Энциклопедии определяется как «крутосклонная, обычно узкая и глубокая долина, часто с обрывистыми, скалистыми склонами... Очень узкое ущелье с отвесными, иногда нависшими склонами называется щелью, тесниной, глубокое, со ступенчато-отвесными склонами — каньоном». Понятие jaγuk относится к первой части этого определения, карčal — ко второй. Последний термин ограничен территориально и лингвистически. Он встречается лишь в отдельных восточных тюркских языках. В Горно-Алтайской автономной области этот термин зафиксирован в значении «ущелье, часто наполненное водой, с очень высокими отвесными склонами», ср. каз. karšagaγ, karšagaγ 'глубокое скалистое ущелье в горах, по которому течет река'; кирг. карčал 'скалистое ущелье', карčugaγ 'горное ущелье, проход, узкая и длинная горная долина'; монг. хавсал 'ущелье, теснина, горный проход, глубокое ущелье у подножия горы, балка'. В других тюркских языках значения карčал могут передаваться следующим образом: 1) описательно, например: ног. tav aγalyγu или tavda tar sokpak; хак. tereŋ özen; 2) производным существительным с именной основой tar- 'узкий, тесный'; тат. tarlavuk; башк. tarlauuk; 3) обособленными словами, приобретенными не на тюркско-монгольской основе, ср. азерб. dāğbānd; тур. boğaz, derbent. Термин карčал во всех случаях образует наименование самостоятельно, без дополнительной разъясняющей атрибутивной части, что, видимо, обусловлено крупным масштабом соотносимых с ним объектов, их уникальностью в топонимической микро- и даже макросистеме, ср. р. *Капчал* (Горно-Алтайская автономная область), населенные пункты *Капчалы* (Хакасская автономная область), *Капчагайтуй* (Читинская область) и др. За пределами Киргизии, Казахстана, Сибири термин карčал не встречается, поэтому в указанное семантическое поле западных тюркских языков для данного референта введены свои единицы.

Географический термин кообу имеет более широкое лингвистическое распространение, нежели предыдущий, ср. азерб. gobu 'глубокий арык, озеро, глубокое место реки, впадина эрозионного происхождения';

каз. *koby* 'горная долина'; кирг. *коо* 'ложбина, покрытая растительностью'; тув. *хову* 'степь'; хак. *коор* 'канава'; монг. *го* 'ров, канава'; алт. *кообу* 'небольшая ложина, отделяющаяся от озера; глубокий лог, ложбина'. Анализ значений данного термина, развившихся в отдельных тюркских языках в связи с географическими особенностями территорий их распространения, показывает, что *кообу* продолжает использоваться для обозначения небольших географических объектов, а его присутствие в наименованиях ограничивается микропонимией, не отраженной на мелкомасштабных картах. Из топонимов с указанным компонентом можно отметить *Чочко кообызы*, *Чичке кообы*, *Сары кообы* (Горно-Алтайская автономная область); *Хову-Аксы*, *Каък ховузу* (Тувинская АССР); *Данильча-Коба*, *Киък-Коба*, *Килса-Коба*, *Кош-Коба*, *Мурзак-Коба* (Украинская ССР)¹. В субстратной топонимии Украины сохранилась форма термина, имеющая что-то общее с подобной в современных алтайском и казахском языках. В татарском и башкирском языках выражение указанных значений специфично для них: тат. *ozup çokug syza*, *çisulyk*, *kiñ çokug*; башк. *sokog*.

Термин *jik* имеет наибольшую лингвистическую распространенность по сравнению с предыдущими: алт. *juk* 'небольшой лог (в два-три раза меньше *кообу*)'; азерб. *çökäk* 'яма, углубление, ложбина; падь, падина'; башк. *sik* 'граница, край, межа, предел, конец'; каз. *zier* 'берег реки, озера'; к.-калп. *zik* 'шов, грань, граница'; кирг. *zik* 'шов, щель, трещина'; ног. *çik* 'граница'; тат. *çik* 'граница, грань; межа, конец'; тув. *çik* 'впадина, ложбина, низина'; хак. и шор. *çik* 'граница'; монг. *zijx* 'вытягивать, протягивать, расправлять (ноги)'. Однако участие этого термина в образовании географических наименований ограничено. Даже в микропонимии зафиксированы лишь единичные примеры с указанным компонентом, ср. р. *Чик* (Тувинская АССР), населенный пункт *Чик* (Новосибирская область). По-видимому, ограниченная способность к топообразованию в данном случае обусловлена слишком малой величиной объектов, определяемых афеллятивом *jik*.

Таким образом, анализ географических терминов, входящих в одно семантическое поле с референтом «отрицательные формы рельефа», показывает, что «топонимичность» термина зависит не от его лингвистической распространенности или употребляемости в речи, а от характера соотносимых с ним объектов, от их значения для человека.

Другое семантическое поле с референтом «проток, устье, река» охватывает значительное число тюркских терминов, из которых мы рассмотрим только три: *özöp*, *oos*, *jul*. Первый из них характерен почти для всей тюркоязычной территории. В составе названий этот термин сохраняется и в славянских языках в областях, заселенных в далеком прошлом тюркоязычными племенами. Интересно его участие в топонимических образованиях в современных тюркских ареалах.

Термин *özöp*, зафиксированный в словарях алтайского языка со значением «проток», в топонимии Горно-Алтайской автономной области существует лишь как составная часть названий гор: *Аралу өзөн* и *Ташту өзөн*. Можно предположить и наличие одноименных речек, однако само слово встречается только в северных диалектах алтайского языка, южным алтайцам оно незнакомо. Г. Е. Корнилов² возводит современное *üzep* (*özöp*) к причастной форме *vaḡap*, рассматривая его как причастие

¹ «Українсько-російський словник географічних назв Української РСР». Київ, 1964.

² Г. Е. Корнилов. Опыт исследования по чувашской диалектологии и булгаро-чувашской топонимике. Канд. дисс. Чебоксары, 1964, стр. 47.

от глагола *üz-(öz-): башк. üdän 'долина'; каз. и кирг. özöp 'река', ögöop 'долина'; ног. özen 'ущелье, долина'; хак. özen 'долина', tigeñ özen 'ущелье'; уйг. özen 'приток'; якут. үгөх 'река'. К этому списку добавим чул.-тюрк. özöp, özönnär 'лог'. В. Н. Попова³ указывает, что и в Казахстане özen как общее название реки в составе гидронимов употребляется редко. На территории левобережья среднего Днепра А. С. Стрижак⁴ фиксирует р. *Озницю* (правый приток р. Хорол), на которой расположены село *Озниця* и хутор *Озницький*. Эти топонимы он соотносит с тюркским özen, отмечая тот же апеллятив в названиях *Таракли-озень* (приток Каспийского моря), *Узень* (приток Красной в бассейне Роси), *Узень Большой* и *Малый* в бывшей Самарской губернии и *Узень-Улу* (Украинская ССР). А. С. Стрижак считает, что, «судя как по приведенным апеллятивам, так и по топонимическому окружению (*Озниця* начинается на Лохвице, богатой древней тюркской топонимией) и аффиксации, этот гидроним, очевидно, возник тут же еще до появления в этом районе татар». Заслуживает внимания тот факт, что анализируемый термин довольно «пассивно» используется в топонимии восточных тюркских языков и в то же время сохраняется на юге европейской части СССР, на территориях с русским и украинским населением, где многовековое существование термина никак не могло быть поддержано живой тюркской речью. Тюркская топонимия восточных областей, видимо, с течением времени приобрела новые, соответствующие структуре современного языка формы географических терминов. Например, в настоящее время в Горно-Алтайской автономной области наиболее продуктивными в топообразовании являются термины oј, oјuk, aјy, kaғası, suı и др. Судя по топонимии юга европейской части СССР, сохранившей термин özöp, последний был гораздо продуктивнее в топонимии древнего тюркоязычного (возможно, куманского) населения.

Эту же мысль подтверждает анализ еще одного тюркского термина — özök, выявленного на юге европейской части СССР. Обозначая пересыхающую небольшую реку (значение, близкое к казахскому) или лог, этот термин встречается на Алтае лишь в шести названиях рек. В других тюркских языках он имеет следующую форму: башк. öde 'топкое русло реки'; к.-калп. özek 'сердцевина, стержень; пищевод'; тат. üzäk 'сердцевина, стержень; русло реки'; тув. özek 'сердцевина, ось'. А. С. Стрижак отмечает на территории Украинской ССР р. *Озак* (левый приток р. Терну), село *Озакъ*, село *Курган-Озак*, переименованное в *Курган* (Лебединский район Сумской области), считая ozak заимствованием из тюркских языков (özök)⁵. Интересно свидетельство Иорданиса о том, что река Днепр по-тюркски называлась Özü или Uzü⁶. Кстати, на Алтае нами зафиксированы два названия рек, где указанный термин имеет форму ösö, ср. следующие топонимы на территории Горно-Алтайской автономной области: *Ак öзö*, *Кара öзö* (левый приток р. Башкауc), *Бөрү öзök* (населенный пункт Ело), *Јаан öзök* (населенный пункт Кырлык), *Јарлу öзök* (левый приток р. Јалағаш), *Кök öзök* (населенный пункт Кош-Ағач) и др.

Формы özö и özök, встречающиеся в алтайской топонимии и сходные с ними, зафиксированные на европейской территории, можно счи-

³ В. Н. Попова. Гидронимы Павлодарской области. Автореф. канд. дисс. Томск, 1966, стр. 27.

⁴ А. С. Стрижак. Гидронимия сердньонаддніпряньского Лівобережжя. Дніпропетровськ—Київ. Канд. дисс., 1965, стр. 258—259.

⁵ Там же, стр. 258.

⁶ Г. Е. Корнилов. Указ. дисс., стр. 46.

тать двумя разновремененно возникшими формами одного и того же термина. Причем первая из них — древнее, а вторая — является более поздним образованием.

Оос (ooyz) 'рот; отверстие; устье' входит как составная часть в названия алтайских населенных пунктов, отдельных мест, урочищ, стоянок, реке — рек, ср. у В. В. Радлова: оос (кирг.) = *ауыз, ауз* 'рот'; чул.-тюрк. *ās, аксым, ауыс*, яч. *агыз* 'рот; ворота'; а также у Г. Рамстедта: «Тюркское слово аууз 'рот' (осм. аууз, койб. ās, кирг. օз, якут. uos < օs < ауус), как я понимаю это, развилось из более раннего *ауагі или ауигі. ...Это слово ауигі, корень аг, ак, означало, как и монгольское аг «отверстие» в общем смысле, и, вероятно, по этой причине предки чувашей использовали его для понятия «рот», так же как и *jeg агур

«верхнее отверстие», тогда как в настоящее время *səvɑr < ʃi—əvɑr...»*⁷. В топонимии Горного Алтая оос отмечен в следующих названиях: р. *Анос* (оп+оос), р. *Яныс оос*; *Ара көл оозы, Кара төш оозы, Туралу оозы*. На наш взгляд, наименования *Старый Оскол* и *Осколец* в Белгородской области содержат тот же термин.

Формант јул зафиксирован на Алтае в названиях: р. *Балыкту-јул*, р. *Ярыюл* (населенный пункт Ак-кем), *Куру-јул* (населенный пункт Язулу), *Теректү-јул* (населенный пункт Кош-Агач), *Коп-јул* (населенный пункт Кумжула). Существует несколько точек зрения относительно этого термина. А. П. Дульзон пишет: «В качестве самостоятельного слова в значении «река, речка» или собственного имени отдельной реки слово *чул* встречается только на тюркской территории, а именно: на территории чулымских тюрков, шорцев, хакасов и алтайцев в следующих вариантах: *юл* (нижнечулымский, древнетюркский), *јул* (алтайский), *чул* (среднечулымский, шорский, хакасский), *шул* (кызыльский), то есть *ч* здесь входит в ряд чередований: *й, т', ч', ш'»*⁸.

Несмотря на широкое распространение данного слова в тюркоязычных местностях Азии, ученые сомневались в его тюркском происхождении. А. П. Дульзон в названной работе реконструирует тюркскую форму јул из ассанской hi-ul'.

Д. Синор⁹ также обсуждает вопрос о том, действительно ли слово јул является тюркским. В древнетюркском языке оно зафиксировано Махмудом Кашгарским (јул, јулақ), встречается это слово и в ряде современных тюркских языков северной группы. Однако всего этого недостаточно, чтобы считать јул общетюркским. Д. Синор отмечает его в эвенском *čul* 'водопад', эвенкийском *jūktu* 'ручей' (здесь оно заимствовано), не считая его при этом тунгусским. В этой же работе Д. Синор сообщает любопытную деталь: мордовское название Волги *Jäl* в западном диалекте и *Jul* — в восточном постулируется Я. Микколой¹⁰ как древнемордовское *julʏ < *julʏa и приравнивается к башкирскому јулʏa. По Я. Микколе, развитие *julʏa < јулʏ < јул было удовлетворительно объяснено Х. Паасоненом и К. Доннером, предположившим связь между мордовским јул и некоторыми остяцкими формами *jätpä, jälpä*. Окон-

⁷ G. I. Ramstedt. Studies in korean etymology, II. Helsinki, 1953, Suomalais-Ugrilainen Seura, стр. 10.

⁸ А. П. Дульзон. Этнический состав древнего населения Сибири по данным топонимики. — «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. III. М., 1960, стр. 291.

⁹ D. Sinor. Yul. — «Indiana University, Studia Orientalia Edidit Societas Orientalis Fennica», XXVIII, 7. Helsinki, 1964, стр. 3—7.

¹⁰ Y. J. Mikkola. Der Name Wolga. — «Finnisch-ugrische Forschungen», XX, стр. 125—128; *его же*. Nochmals der Name Wolga. — Там же, XXI, 1933, стр. 162—163.

чанию *p* в остяцких словах, вероятно, можно найти объяснение. Однако труднее объяснить переход остяцкого *a* в тюркское *u*. Это заставляет Д. Синора быть особенно внимательным к чувашской форме *šal* и высказать предположение, что у чувашей она сложилась на территории их прежнего жительства, где *jul* было автохтонным.

Итак, налицо два мнения. А. П. Дульзон считает *jul* кетским словом, Д. Синор — самодийским. Топонимический же материал не позволяет вынести окончательного решения по данному вопросу. Несомненным остается только одно: анализируемый компонент существует в топонимии территорий Сибири с тюркским населением (в прошлом или настоящем) со значением «река, проток», хотя в некоторых тюркских языках, например в алтайском, данное слово сохранилось только в географических названиях.

Вопрос осложняется тем, что наименования с указанным компонентом рассеяны по обширной территории, ср. населенные пункты *Биркиул* (Красноярский край), *Караджуль* (Хакасская автономная область), *Изыкчуль* (Красноярский край), р. *Каратуль* (левый приток р. Трубеж на Украине) и р. *Каратюль* (левый приток р. Чолышман на Алтае), отмеченная А. В. Адриановым, а также реки *Янчул*, *Гайчул* на Украине.

Однако, каково бы ни было происхождение форманта *jul*, топонимы с указанным компонентом были оставлены в Сибири и на юге европейской части СССР древними тюркоязычными племенами (возможно, куманами).

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ф. Р. ЗЕЙНАЛОВ

ОБ ОДНОМ «ДРЕВНЕМ ТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ» В СРЕДНЕМ ИРАНЕ

Проблема классификации тюркских языков с древних времен привлекала внимание ученых. Еще Махмуд Кашгари в своем «Дивану лугат-ит-тюрк» представил довольно интересную классификацию тюркских языков, которые он, исходя из исторических и фонетических особенностей¹, разделил на четыре группы.

Впоследствии языковеды выдвигали различные гипотезы, предлагали новые принципы классификации. При этом большинство тюркологов брало за основу географический фактор².

Были также попытки классифицировать тюркские языки в зависимости от их фонетико-морфологических особенностей. Из последних заслуживает внимания классификация, предложенная А. Н. Самойловичем³. Существуют также классификации других отечественных тюркологов — И. Н. Березина, Н. И. Ильминского, Н. А. Аристова, В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова, Ф. Е. Корша, С. Е. Малова и др. Опираясь на опыт русских и советских ученых, зарубежные тюркологи, среди которых заслуживают быть отмеченными Х. Винклер, К. Фой, Г. Рахмати, Л. Лигети, Г. Рамстедт, М. Ряснен и другие, создали свои классификации⁴.

Однако все эти классификации не свободны от недостатков, главным из которых является то, что учеными не учитывалась органическая связь развития тюркских языков с историей их носителей — тюркоязычных народов. Только классификация Н. А. Баскакова свободна от этого недостатка, к тому же ученый опирается в своих выводах и на особенности структуры языков⁵.

В последние годы интерес зарубежных языковедов к проблеме классификации заметно возрос. Заслуживает внимания, например, ряд классификаций, приведенных в «*Philologiae Turcicae Fundamenta*»⁶, особенно принадлежащие И. Бенцигу, К. Менгесу и редакционной коллегии этого издания.

¹ См.: *Ahmet Caferoğlu. Kaşgarlı Mâhmut. İstanbul, 1970.*

² *Philipp von Strahlenberg. Das Nord und östlicher Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730; Ф. Е. Корш. Классификация турецких племен по языкам. — «Этнографическое обозрение». М., 1910; В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. М., 1951 и др.*

³ А. Н. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922.

⁴ См.: Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.

⁵ См.: там же.

⁶ «*Philologiae Turcicae Fundamenta*», I, Wiesbaden, 1959.

Своеобразную классификацию, отличающуюся от всех прежних, предложил немецкий тюрколог-монголист Г. Дёрфер. Он выделил, например, особую группу тюркских языков (самую древнюю, по мнению автора), что до сих пор не делалось никем из исследователей⁷.

Г. Дёрфер разделил тюркские языки на семь нижеследующих групп: 1) чувашскую; 2) юго-западную, или огузскую; 3) северо-западную, или кыпчакскую; 4) юго-восточную, или уйгурскую; 5) северо-восточную, или сибирскую; 6) якутскую; 7) халаджскую.

В данной статье мы хотим выразить свое отношение к попытке Г. Дёрфера выделить в особую группу «халаджский язык», который, как утверждает немецкий ученый, является самостоятельным и самым древним из тюркских языков.

Соответствующие источники указывают, что на территории современного Ирана живут четыре тюркоязычных народа: азербайджанцы, эйналы, кашкайцы и туркмены. Поскольку эйналы и кашкайцы говорят на диалектах и говорах азербайджанского языка, то они, естественно, не могут составлять отдельную языковую группу.

Известно также, что в Иране проживают и другие носители тюркских языков: кыпчаки, сельджуки, чагатайцы и народность, говорящая на так называемом «берберском языке», также относящемся к тюркской системе⁸. Только непосредственное и самое близкое знакомство с указанными языками может позволить уверенно и правильно их классифицировать. Несомненно, однако, одно: живущим на этой территории азербайджанцам удалось сохранить древнейшие элементы языка, в том числе огузо-сельджукские и кыпчакские. В речи же жителей селений, отдаленных от больших городских центров, эти элементы распространены столь широко, что создается иллюзия существования самостоятельного языка.

Например, в местности Халадж, расположенной в 200 км от Тегерана, в глубине страны, живет народность, в речи которой древние элементы сохранились особенно хорошо.

В работах В. Минорского⁹ и М. Мугеддема¹⁰ содержатся некоторые сведения о халаджах. Оба ученых считают население Халаджа азербайджанским, а его язык — диалектом азербайджанского языка. Да и сам Г. Дёрфер в недавнем прошлом придерживался этой же точки зрения¹¹. Однако позднее он пришел к выводу, что Халадж населяет самый древний тюркоязычный народ, говорящий на своем собственном «халаджском» языке, что позволяет выделить последний в семействе тюркских языков в особую группу — халаджскую¹².

По мнению О. Гаррода, халаджское население имеется и среди кашкайцев Ирана. В. Минорский указывает, что самые ранние сведения об иранских халаджах содержатся в источнике, относящемся к 1403 году, то есть к эпохе Тимуридов. Г. Дёрфер же предполагает, что

⁷ Gerhard Doerfer. Iran'daki türk dilleri. — «Türk dili araştırmaları yılığı. Belleten». Ankara, 1969.

⁸ Там же, стр. 3—6.

⁹ V. Minorsky. The Turkish dialect of the Khalaj. — «Bulletin of the School of Oriental Studies». University of London, 1940. стр. 417—437.

¹⁰ ۱۹۴۰، مقلّم محمد. گوشیحای وفس و آشتیان و تفرش. تهران.

¹¹ G. Doerfer. Zum Vokabular eines aserbaidshanischen Dialektes in Zentralpersien. — В сб.: «Вопросы тюркологии». Баку, 1971, стр. 33.

¹² Г. Дёрфер. О состоянии исследования халаджской группы языков. — «Вопросы языкознания», 1972, № 1.

халаджи на этой территории поселились в эпоху нашествия монголов, а возможно, и еще раньше.

Почему же Г. Дёрфер считает жителей Халаджа древним тюркоязычным народом, а их язык — древнейшим тюркским языком? Видимо, главной причиной, побудившей ученого сделать этот вывод, было то, что в языке халаджей содержится ряд слов, не встречающихся ни в азербайджанском, ни в других языках огузской группы, например: *küdüp* 'свадьба', *bege* 'волк', *äppe* 'губа', *ängir* 'вчера', *um* 'брюки', *hügün* 'белый', 'сверкающий', *äömlä* 'яблоко'.

Г. Дёрфер к числу подобных слов относит и слово *guş*, имеющее в речи халаджей значение «воробей», тогда как в других тюркских языках, в том числе и в азербайджанском, это слово включает в себе широкое родовое понятие, обозначая все разновидности пернатых. Можно привести еще ряд слов из «древнего халаджского языка», не встречающихся в азербайджанском языке: *ege* 'коза', *kükärçik* 'голубь', *sybu* 'утро', *eşik* 'дверь', *käsik* 'одежда', *buz* 'холод', *epe* 'вниз', *ilg'är* 'перед', *hikmäk* 'хлеб' и т. д.

Несколько десятков оригинальных слов не может, конечно, служить основанием для выделения самостоятельной языковой группы. Не совсем точным является также и утверждение, что указанные слова якобы не встречаются в других тюркских языках, ибо большинство этих слов зафиксировано в ряде древних и современных тюркских языков, хотя и в фонетически измененном виде. Например, слово *bege* 'волк' и по сей день употребляется в языках кыпчакской группы в форме *böge/borı/borju*. Встречается оно и в некоторых памятниках. Слова типа *epe* 'вниз', *eşik* 'дверь', *ilg'är* 'перед' и т. д. также отмечены в ряде тюркских языков¹³.

Г. Дёрфер считает, что о самостоятельности халаджского «языка» свидетельствуют его фонетические особенности, однако последние (за редким исключением) легко обнаруживаются в диалектах и говорах азербайджанского языка (так же, как и в других современных тюркских языках).

Каковы же эти фонетические особенности? Прежде всего, считает автор, это наличие согласного *h* в начале слов. Например: *huşak* 'коштер', *henliş* 'широкий', *hugak* 'серп', *hadak* 'нога', *hot* 'огонь', *haj* 'луна', *hüzüm* 'виноград', *haşac* 'дерево' и т. д.

Как известно, в дошедших до нас древнейших тюркских памятниках нет ни одного слова, начинающегося с *h*. В тюркских языках этот согласный в начале слов появился позднее, что обычно объясняется влиянием арабского, персидского, монгольского и тунгусо-манчжурских языков. Г. Дёрфер исключает всякую возможность влияния извне и предполагает, что некогда исчезнувший и не зафиксированный в орхон-енисейских памятниках согласный *h* сохранился только в халаджском «языке».

Однако указанное положение Г. Дёрфера не подтверждается фактическими данными, а его рассуждения в этой связи довольно противоречивы. С одной стороны, он считает, что «халаджский язык» является дошедшей до нас ветвью языка аргу — объекта исследования Махмуда Кашгари¹⁴. Если это так, то не понятно, почему же Махмуд Кашгари не заметил согласного *h*? Ведь ни один источник не подтверждает того, что эта фонетическая особенность исторически существовала и только

¹³ См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 118.

¹⁴ *Gerhard Doerfer. Halaçça — Orta İranda arkaik bir Türk dili. — «Türk dilî araştırmaları yillığı. Belleten». Ankara, 1970.*

впоследствии исчезла. Думается поэтому, что наличие согласного *h* в начале слов еще не может служить основанием для определения древности того или иного языка.

Небезынтересно, что и в азербайджанском языке часто встречаются исконно тюркские слова, начинающиеся с согласного *h*, например: *hüg-mäk* 'лаять', *him* 'намег, знак', *högmäk* 'ткать, плести', *haşan* 'когда', *hükkäk* 'пугливый', *haj-huj* 'шум, гам', *hönkürtü* 'рыдание', *hönkür-hönkür* 'навзрыд' и т. д.

Эта особенность наблюдается и в современном узбекском языке, например: *hul* 'сырой', *hullik* 'сырость', *hoj-hoj* 'шум, гам', *hogün* 'утомленный', *hukiz* 'бык', *hungramok* 'рыдать' и т. д.

В диалектах и говорах азербайджанского языка (как и других тюркских языков) начальный согласный *h* встречается довольно часто в словах самого различного происхождения, например: *hasand* 'легкий, несложный', *hindi* 'сейчас', *hålbåt* 'конечно', *hål-hålbåt* 'непреречно', *haftobuz* 'автобус', *hålä* 'пока', *helä* 'так, ничего себе'¹⁵, *haftomobil* 'автомобиль', *häftek* 'аптека', *haşar* 'ключ'¹⁶, *hasan||hasant* 'несложный', *hagaba* 'повозка', *hakuška* 'окно' и т. д.¹⁷ В закатальско-кахском диалекте азербайджанского языка согласный *h* отмечается в начале указательного местоимения *o*, например: *hona* 'ему', *honi* 'его', *honda* 'у него', *hondan* 'от него, через него'.

В современном турецком языке отсутствует согласная фонема *x*. Поэтому согласный *x* в начале заимствованных слов заменяется согласным *h*. Следует отметить, что подобное явление характерно и для нус-пусского говора ордубадского диалекта азербайджанского языка, например: *hügün* 'переметная сума', *hijar* 'огурец', *hästä* 'больной', *hålbir* 'решето', *häbär* 'известия', *hain* 'предатель', *halk* 'народ', *hazäl* 'опавшие сухие листья', *hala* 'тетя', *Hurşid* 'Хуршид' (собственное имя) и т. д.

В современном гагаузском языке некоторые слова также начинаются с согласного *h*, например: *hadet* 'обычай', *hajyug* 'жеребец', *hambar* 'склад', *harab* 'араб', *harmud* 'груша', *haşca* 'деньги', *haşkana* 'столовая' и т. д.¹⁸

В современном туркменском языке, напротив, ввиду отсутствия согласного *h* в словах, которые в других тюркских языках имеют этот согласный, *h* заменяется согласным *x*, например: *xäkim* 'врач', *xiş* 'сознание', *xişsuz* 'рассеянный' и т. д. Однако в диалектах и говорах туркменского языка встречается много слов, начинающихся и с согласного *h*: *heginmek*, *höjle*, *hövinmek*, *hürkmek*, *hövez*, *hömür* и т. д.

Г. Дёрфер полагает, что наличие согласного *h* в начале слов в современных тюркских языках связано с влиянием монгольского языка в эпоху монголо-татарского нашествия. Однако сравнение, да и сами примеры, приведенные Г. Дёрфером, свидетельствуют о противоположном. Так, слова, отнесенные им к монгольским заимствованиям, в самом монгольском языке употребляются без согласного *h*.

Другой характерной чертой халалджского «языка», якобы свидетельствующей о его древности, по Дёрферу, является сохранение согласного *d* в середине слова (на месте *j*). При этом он ссылается на примеры: *hadak* 'нога' (вместо *ajak*), *gudrug* 'хвост' (вместо *gujrug*).

¹⁵ См.: М. А. Ширэлиев. Баки диалекти. Баки, 1957, стр. 22.

¹⁶ См.: «Азербайжан дилинин Муған групу шивэлэри». Баки, 1955, стр. 64.

¹⁷ См.: «Нахчыван МССР-ин диалект вэ шивэлэри». Баки, 1962, стр. 55.

¹⁸ См.: Н. К. Дмитриев. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I. М., 1955, стр. 286.

Как известно, большинство классификаций тюркских языков (начиная с известной классификации Махмуда Кашгари) основывается на фонетических различиях и, в частности, на соответствии $j \sim d \sim t \sim z$ (*ajak* ~ *adək* ~ *atak* ~ *azək*). На фонетические различия опирается и Н. А. Баскаков при выделении огузской, кыпчакской, карлукской, булгарской и киргизско-кыпчакской групп тюркских языков.

Однако наличие согласного *d* в середине слова еще не может служить достаточным основанием для выделения халаджского говора азербайджанского языка в отдельную древнюю языковую группу, ибо во многих современных тюркских языках, так же как и в диалектах и говорах азербайджанского языка, эта особенность наблюдается довольно часто. Так, согласный *d* в середине слов сохранился в тувинском и тофаларском языках, относящихся к уйгуро-тукуюской подгруппе тюркских языков, например: *adək*, *adyulmaz*, *adyū*, *kudruk* и т. д. Слово *adək* в значении «первые шаги ребенка» встречается в говорах Агдамского¹⁹, Дашкесанского, Физулинского²⁰ районов Азербайджанской ССР, а также в южной группе диалектов и говоров азербайджанского языка (Борчалинский район, Сабиркенд)²¹, например: *Ona arvatdar dijār*: «Ušag a da γ atər» 'Ему женщины говорят: «Ребенок делает первые шаги»; *Nāvām javaš-javaš a da x le j* 'Мой внук осторожно делает первые шаги'; *Ora bax ej, Sadyx a da x l y r* 'Взгляни-ка туда: Садых делает первые шаги' и т. д.

Среди прочих фонетических особенностей халаджского говора заслуживают быть отмеченными следующие:

1. Согласный *k* сохранился и не перешел в *g'*, например: *kālin*, *kūni*, *köz*, *kün*, *kečä* и т. д. Эта фонетическая особенность наблюдается во всех тюркских языках, за исключением азербайджанского. Согласный *k* в азербайджанском языке может переходить в мягкий *k'*, а также в *g*, например: *k'üčä*, *goltuk*, *gol*, *gonšu*, *gorxak*, *guduz* и т. д.

2. В начале слов согласный *t*, в отличие от этого же звука в азербайджанском языке, не перешел в *d*, например: *til*, *tiš*, *töš*, *talag*, *taγ*, *tiz*, *tavušgan*, *tolu*, *tämür*, *tar* и т. д.

Однако в диалектах и говорах азербайджанского языка (как и других современных тюркских языков) эта особенность проявляется весьма заметно, например: *tiš*, *tüşmäk*, *tüşmän*, *tütek*, *tükan*²², *tüş*, *tusah*, *tiši*²³, *tüfar*²⁴ и т. д.

В языках же кыпчакской группы начальный *t* — явление обычное, например: каз. *til*, *tau*, *tas*, *tis*, *tize*; кирг. *til*, *tiš*, *taš*, *tize*; тат. *teš*, *tau*, *tel*, *taš*, *tez* (*diz*) и т. д. То же наблюдается и в языках огузской группы, например: тур. *taz*, *taš*, *tašymak*, *taš*, *tavšan* и т. д.

3. В середине и конце слов сохранился древний элемент *g*, например: *sičgan*, *tavušgan*, *gazgan*, *gysga*, *gurgug* (*gugu*) и т. д.

В некоторых современных тюркских языках также отмечается древний *g*, например: узб. *ong*, *tong*, *sung*, *ming*, *kengaš*, *manglaj*, *šuning*, *boγining* и т. д.

4. В начале слов сохранился согласный *j*, например: *jil*, *jiplik*, *jiti*, *jirag* и т. д.

¹⁹ См.: «Азербайжан дилинин диалектоложи лугәти». Бақы, 1964, стр. 22.

²⁰ См.: «Азербайжан дилинин гәрб группу диалект вә шивәләри», I. Бақы, 1967, стр. 47.

²¹ См.: Р. Рүстәмов. Азербайжан дили диалект вә шивәләриндә фе'л. Бақы, 1965, стр. 48.

²² См.: М. А. Ширәлијев. Указ. раб., стр. 28.

²³ См.: «Азербайжан дилинин Муған группу шивәләри», стр. 47.

²⁴ См.: «Нахчыван МССР-ин диалект вә шивәләри», стр. 46.

Г. САДВАКАСОВ

ИМЕЕТСЯ ЛИ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ ФОНЕТИЧЕСКИЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ?

Следует отметить, что авторы немногочисленных работ, в той или иной степени касающихся способов словообразования в агглютинативных языках, высказывают различные мнения по поводу образования новых слов при помощи фонетических средств. Так, например, А. Г. Гулямов под фонетическим способом понимает «образование слов посредством изменения места ударения»¹. Э. В. Севортыан писал: «Помимо морфологического и синтаксического словообразования..., в тюркских языках намечается третий, фонетический способ словообразования посредством перемещения главного ударения слова с конца его к началу»².

Ф. А. Ганиев, рассматривая фонетический способ словообразования в татарском языке, фактически отрицает роль ударения в образовании новых слов и устанавливает ряд других приемов, например, «прием опущения звука или отдельных звуков», «прием прибавления звука или отдельных звуков» и т. д.³

По мнению Г. Д. Санжеева, гармония гласных и отчасти согласных в алтайских языках выступала как «лексико-фонологическая система», которая была присуща раннему периоду и в некоторых случаях соответствовала современным аффиксальным приемам словотворчества. «Но когда в речи агглютинация уже прочно занимает отведенное ей историей монопольное место, — пишет Г. Д. Санжеев, — то сингармонизм звуков как лексико-фонологическая система постепенно отмирает, превратившись ... лишь в формально-фонетическую систему»⁴.

Итак, можно видеть, что не только в тюркологии, но и в алтаистике в целом не установлены пределы фонетического способа словообразования и не дается его конкретного определения.

В современном уйгурском языке, как и в других тюркских языках, нередко то или иное звуковое изменение в слове влечет за собой изменение и его семантики. Речь идет о таких фонетически деформированных и приобретших новое значение словах, как *aripñä* 'друг, приятель',

¹ А. Г. Гулямов. К некоторым вопросам аффиксации в узбекском языке. — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому». М., 1953, стр. 100.

² Э. В. Севортыан. Словообразование в тюркских языках. — В сб.: «Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков», II. Морфология. М., 1956, стр. 328.

³ Ф. А. Ганиев. Некоторые вопросы фонетического способа словообразования в татарском языке в историческом освещении. — «Советская тюркология», 1971, № 2, стр. 93—97.

⁴ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, I. М., 1953, стр. 118.

sāga 'деревня', mājnät 'нечистоты' и других, которые этимологически восходят к существующим параллельно с ними словам aya-ini 'братья', sāhga 'пустыня, степь', mehnät 'труд'.

Ср. также: adak 'конец' — adakki 'конечный, последний' — ajak 'нога'; bajaki 'давнишний, давний' — bajiki 'недавний, давешний'; dala 'пустырь, степь, поле' — tala 'двор, улица'; jok 'нет, отсутствует' — jak 'нет (отрицательный ответ на вопрос)'; jārlik' 'местный' — jālik 'могила'; koḡa 'двор' — ḡoḡu 'загон, скотный двор'; koḡuḡumak 'загородить, отгородить' — koḡumak 'защищать, оборонять'; šoḡra 'суп' — šova 'бульон'; oḡuapmak 'пробуждаться (о политическом сознании)' — oḡapmak 'просыпаться, проснуться'; halak' bolmak 'погибнуть, потерпеть крушение' — hālāk' bolmak 'измучиться, замаяться'; kedimk'i 'древний' — kādimk'i 'обычный, обыкновенный' и т. д.

На первый взгляд подобное явление можно принять за самостоятельный способ словообразования в уйгурском языке, поскольку фонетическое изменение слова иногда приводит к семантической дифференциации, то есть распаду одного слова на два. Этот процесс продолжается в языке и в настоящее время. Однако указанное изменение не является средством словообразования, так как возникновение новых слов в данном случае носит случайный, стихийный характер. Более того, при этом отсутствуют типы или модели образования новых слов, то есть главная черта, присущая категории словообразования как исторически сложившейся системе. Поэтому невозможно образовать новое слово по тому «образцу», посредством которого уже было «образовано», скажем, слово sāga от sāhga, aḡijnä от aya-ini, ajak от adak и т. д. Этим объясняется также то, что возникшие таким образом новые лексические единицы не поддаются классификации ни по семантическим признакам, ни по типу образования. Вполне понятно, что те или иные звуковые изменения в слове происходят в соответствии с действующими в языке законами фонетики. Эти изменения иногда могут лишь способствовать семантической дифференциации слов. Однако они ни в коей мере не служат целям создания новых словарных единиц.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что употребление многозначных слов связано с определенными трудностями. Чтобы правильно воспринять смысл предложения Asim turdi, следует вначале выяснить, идет ли речь о том, что Асим встал, скажем, с постели или с места, или же о том, что Асим стал, скажем, у окна, — так как глагол tur- может передавать и то, и другое значение. Для различения указанных значений происходит и формальная дифференциация: слово tur- закрепило за собой значение «встать, вставать, подниматься, принять вертикальное положение», а форма tū- стала употребляться в значении «стать, остановиться, стоять, продолжать занимать вертикальное положение». Ср. Asim ornidin turdi 'Асим встал с места', но Asim üstälniḡ kešida tūdi 'Асим стал около стола'.

Другой пример. В современном уйгурском языке слово tor употребляется в основном в двух значениях: «сеть» и «паутина». Во втором значении данное слово, хотя и пишется как tor, но произносится, в отличие от формы с первым значением, только как tō, то есть без конечного r.

Эти и другие аналогичные примеры показывают, что в процессе употребления в языке слово может приобрести несколько значений независимо от фонетических факторов. Но каждое значение полисемантического слова стремится найти для себя соответствующую форму (фо-

нетическую оболочку), отличающуюся от формы того же слова с другим значением. Благодаря этой внутренней закономерности появилось определенное количество новых слов, не связанных, однако, с категорией словообразования.

Особо следует отметить, что в результате семантических сдвигов слово может приобрести несколько значений, а иногда и распаться на омонимы, не претерпевая при этом никаких фонетических изменений. Такое явление многие ученые квалифицируют как результат семантического способа словообразования. Например, слово *ак* в уйгурском языке обозначает и «белый», и «бельмо», и «белок яйца», и «всякого рода молочные продукты» и т. д. Строго говоря, новые слова здесь не образуются, морфологических изменений слово не претерпевает. Однако словарный состав языка пополняется новыми семантическими единицами.

Вместе с тем одно и то же слово может встречаться в нескольких фонетических вариантах, но употребляться только в одном определенном значении. Таких орфографически не унифицированных слов очень много даже в литературном языке.

Все это говорит о том, что фонетика не служит средством словообразования.

Кроме того, в необходимых случаях новое слово образуется по готовым, веками выработанным словообразовательным моделям (типам, способам). Такими способами являются аффиксация и словосложение. Но возможно ли сознательное обращение к каким бы то ни было средствам фонетики для образования новых слов? Безусловно, нет. И это опять-таки свидетельство того, что в уйгурском языке не существует фонетического способа словообразования.

При всем этом следует признать, однако, что, с точки зрения современного уйгурского языка приведенные выше слова (например, *sähga—säga*, *aqa—ini—aqijnä*, *adak—ajak*, *dala—tala*, *jok—jak* и т. д.) представляют собой не фонетические варианты одного и того же слова, а отдельные лексические единицы. В силу каких же лингвистических законов возникли в языке новые лексические единицы, не являющиеся результатом словообразования? На данный вопрос можно ответить следующим образом: в ходе исторического развития уйгурского языка его словарный состав пополняется или обновляется не только за счет словообразовательных средств и заимствований; параллельно происходит обогащение лексики новыми словами, возникающими в результате семантических сдвигов в существующих словах.

Таким образом, лексические единицы, появившиеся вследствие расширения или переосмысления значений слов, с одной стороны, и фонетического изменения слов — с другой, являются, по нашему мнению, разновидностями одного и того же способа пополнения лексики как уйгурского, так и других тюркских языков, а именно — изменения значения слов, действующего наряду со словообразованием и заимствованием.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

К. А. ХАДЖИОЛОВА

ГЛАГОЛЬНАЯ ФОРМА НА $^{-\circ}p$ В ТУРЕЦКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ XIII—XVI ВЕКОВ

I. Изображение на письме. В литературных памятниках арабского письма показатель $^{-\circ}p$ выражен буквой ب — *b*. Ученые считают, что это объясняется влиянием уйгурской письменной традиции. Учитывая эту графическую закономерность, мы условно транскрибируем соответствующие формы через *p*: كلوب *gelüp*. В исследуемых текстах XIII—XVI вв., как в древнейших рукописях, так и в более поздних, встречаются также деепричастные формы, выраженные в арабской графике буквой پ — *p*. Так, в «Ребабнаме» Султана Веледа имеется пять форм на $^{-\circ}p$: *jalvaḡur*, *kuḡur*, *berkišürdür*, *vaḡur* и *dijur*. В наиболее древней из исследованных нами семи рукописей этого произведения [1300 г. (M2143)] через букву پ передаются формы: برکشپر SV II 121, وارپ SV II 134 и ديپ SV II 134, а в самой новой [1591 г. (M2137)] — يالوارپ SV II 10, قلپ SV II 10 и ديپ SV II 134. *Jalvaḡur* написано через پ в четырех рукописях, *kuḡur* и *berkišür* — в трех, *vaḡur* — только в одной, а *dijur* — во всех¹. В дрезденской рукописи «Китаби-Деде Коркут» форма на $^{-\circ}p$, обозначенная буквой پ , встречается спорадически, а в ватиканской, считающейся более поздней, — весьма часто. Столь же частое употребление буквы پ отмечено и в KB, в UE и Vh — единичное. В остальных текстах эта форма вообще отсутствует. Все это говорит о том, что при переписке буква پ не считалась обязательной формой для данного деепричастия. Этот вывод подтверждается еще одним фактом: в экземпляре В рукописи 'Ah есть написание قوبوب *kobub* 'Ah-B 19, а в экземпляре С — قوپوپ *korub* 'Ah-C 18.

Деепричастный показатель بان передается в транскрипции чаще всего как *-ban*. Однако по К. Брокельману формой деепричастного аффикса является *-pan*, *-pen*, хотя в K, QB, Rbg и 'Ah употребляется буква ب ².

Формы на $^{-\circ}p$, изображенные на письме через پ — *p*, встречаются в следующих памятниках: اولپ SV I 35 (M2138, M2131), KB 273-13 в,

¹ М. Mansuroğlu. Sultan Veled'in turkçe manzumeleri. İstanbul, 1958. Faksimileler.

² С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der Islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.

5a, Arz 20, 32, YE 62a; KB6-8в; طرف SV I 59 (M2138, M2141); قلب SV II 10 (M2137, M2142, M2144); اولپ SV I 2 (M2140), DK-D 125; وارپ SV II 134 (M2143); يالوارپ SV II 10 (M2137, M2142, M2144, U 1375); قايئپ SV I 59 (M2138); برکشپدر SV II (M2137, M142, M2144, U 1375); چالوپ DK-V4; الوپ YE 56a; کوئرپ YE 55в; اولپدر KB 369-14a, YE 9a, 43a, 89a, 167a; کلپدر KB 56-12a; دوکپدر DK-D 125; ورپدر YE 126a; قلبدر KB 294-2a; کورپدر YE 166в.

Аффикс $^{\circ}p$ непосредственно к основе, оканчивающейся на гласный, присоединяется в ограниченном числе примеров и только в текстах XIII—XIV вв.: اقيب D 6-2; كچكلب SH 1в; اغلب Bh 24; اغلاب QJ §58; اويب YE 20в; ديب YE 11в; Bh 24; ara-p AA 19; kükre-p QJ § 60. В рукописи Bh дееспричастие dijür встречается как в форме ديب dip, так и ديب dijür с даммой (юстюном). С. Булуч допускает существование обеих форм. Возможно также, что дамма в первом случае опущена или же во втором добавлена позднее переписчиком.

Соединительный гласный звук $-u/-ü$ передается буквой و, однако чаще отмечается даммой: كلوب YE 6в, 164a, SN 3-10a, DK-D 10, Arz 136; كلب (с даммой) KB 56-12a, DK-D 17 и т. д.

Соединительный гласный $-y/-i$ обозначается диакритическим знаком кесра и только в двух примерах — буквой ی — i: كيريب C 19; ويرپیدی SN 111-9в; الب KB 312-14a; كيرپدر KB 600-6 и т. д.

Соединительный согласный j обозначается на письме буквой ی: ديپ SV II 134; اقويب YE 78в; ايليوب YE 140в, KB 44-2a, F 43-1a; طورميب DK-D 42; بلميوب YE 60в и т. д.

Первый звук аффикса $^{\circ}ban$, в отличие от показателя $^{\circ}p$ передается только буквой ب. Гласный звук a/e часто отмечается диакритическим знаком фетха, за исключением рукописи Bh, в которой он выражен буквой алиф: قلوبان Bh 31. Звук n передается буквой ن, а в Bh он выражен по арабской традиции знаком —: برلبا Bh 30 (ср. اندأصره и др.). Аффикс $^{\circ}ban$ присоединяется непосредственно к основам на гласный только в Bh: ديبа di-bep Bh 175-14. В остальных случаях появляется соединительный согласный звук i : ديبين YE 205a; اياهيبين KB 161-14a; قويبين KB 14-2a и قويبن YE 114в; كورميين KB 297-5; امتايوبن YE 195 и امتيوبن YE 127в.

Соединительный гласный $-u/-ü$ передается буквой و и даммой: چاغروبين YE 142в, DK-D 140, 205; ايدوبين YE 156a, KB 162-2в, YZ 25-3, Arz 67; الوبنی YE 109в, DK-D 29, 30 и т. д.

Соединительный гласный $-y/-i$ обозначается буквой ی и кесрой. Он встречается главным образом в KB, где из 100 примеров более чем

как *gelib*. В цитированной работе А. Н. Кононова фонетические варианты деэпричастного показателя *-п ~ -б* и *-°бан* приведены и для памятников уйгурского и арабского письма. Уйгурские памятники передавали тюркский звук *p* знаком, соответствующим *b*. Эта письменная традиция сохранялась в литературных произведениях, издававшихся арабским шрифтом вплоть до XX в. (см., например, у Решата Нури Гюнтекина и др.). «Так как в уйгурской графике знак *Рё*, который в звуковом отношении был равноценен *f*, употреблялся для написания *v*, то для звуков *p* и *b* пришлось довольствоваться одним знаком»⁷. При транскрибировании турецких письменных памятников рассматриваемый аффикс следует передавать через *p*; что же касается других памятников, то сказать что-либо определенное затруднительно.

Известно очень мало примеров отсутствия озвончения аффикса *-p* в интервокальной позиции: *alup al-* (но *aluv al-* у Г. Ярринга и др.), *veripidi* ويرپیدی SN 111-9в; ср. *kälin äpimiz* Oa 2.

В анатолийских памятниках можно найти случаи присоединения аффикса *-p* непосредственно к основе на гласный: *güčekle-p* SH IV 1; *oku-p* D 6; *di-p* UE 11в; AP-G 160, Bh 24; *jöyü-p* Arz 54; *aga-p* AA 19; *ayla-p* Bh 24. Спорадически это наблюдается и в более поздних текстах, например в Arz. Отметим, что в памятниках XIII—XVI вв. встречаются примеры присоединения к основе на гласный показателя 2-го лица императива: *koñ* SV 111 10; *dinleñüz* VN 6:8. Без соединительного гласного присоединяется также аффикс *-ş* в формах *oxša-ş* KB 196-9; *jöyü-ş* DK-D, Arz 54.

После основы на согласный встречается соединительный гласный почти исключительно из группы *u ~ ü*: *alup*, *gelüp*. Гласные *y ~ i* используются в единичных случаях. Исключение составляет KB, в котором соединительный гласный представлен группой *y ~ i*. В 156 рассмотренных примерах из орхонских памятников в качестве соединительного гласного выступает только группа *y ~ i*: *олурып* Мог. 2, *тутып*, *тутыпан* КТб 11, КТб 7, *əlin* КТб 53, *əlyrın* Мог. Ха 7 и т. д. Группа *u ~ ü* представлена в формах *қодуп* Тон. 2, Тон. 3 и *калјуруп* Oa 3. Исключение составляет памятник Моюн-Чуру, в котором соединительный гласный подчиняется лабиальной ассимиляции. Дальнейшее развитие соединительного гласного иллюстрируется следующими примерами из разных письменных памятников, в которых наблюдается закономерная ассимиляция: *اليب* QB-F 45-3в, Rbğ 50г, NF 133; *كليپ* QB-F 48-12а, Rbğ 50г; *كوروب* QB-F 49-7а, CC 143-66; *بيليب* K III 233; *كيريپ* QB-F 46-11а, NF 135-13 и т. д. Возникшая под влиянием лабиальной ассимиляции группа *u ~ ü* смешалась и уравнилась с группой *y ~ i*, в результате чего соединительный гласный стал четырехвариантным: *y ~ i ~ u ~ ü* (ср. *a ~ e, o ~ ö*)⁸.

В турецких письменных памятниках сильно выражена тенденция лабиализации соединительного гласного, который, вероятно, превращаясь в составную часть аффикса *-p*, испытывал влияние лабиального *p*. Этот процесс сопровождался появлением соединительного согласного *j*: *dijur*, *okujur*, *jöyüjur* и т. д. Появление же соединительного согласного свидетельствует о том, что аффикс *-p* начинает включать в свой состав гласный звук, приняв в современном турецком языке форму *-(j)up/- (j)ip/- (j)up/- (j)ür*. М. Мансуроглу, считая это явление харак-

⁷ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 20.

⁸ По записям лекции Ю. Немета (1956 г.).

терным для языка памятников XIII—XVI вв., писал: «Анатолийско-турецкий язык является переходным от древнетюркского к османскому в отношении соединительного гласного деепричастий на -р, все еще не превратившегося в составную часть аффикса»⁹.

Интерес представляет выдвинутая А. Н. Кононовым гипотеза о составе аффикса -р, согласно которой глагол *бо(л) присоединялся к вокальным деепричастиям, образуя аналитическую форму и далее грамматикализируясь: *ал-а/-ы+*бо(л)-+^он > ал-а/-ы+-бан 'взяв'. «В истории и в современном состоянии тюркских языков реконструируемая форма представлена в трех видах: 1) -п ~ -б; 2) -^оп ~ -^об; 3) -^јп, -^јб. Исходной формой — на основании изложенного выше... — является форма -^јп ~ -^јб (<-^ј — деепричастие+п ~ -б <-пан ~ -бан), сохранившаяся в азербайджанском и турецком языках. Постоянная грамматикализация разрушила исконную связь (деепричастие+пол ~ бол-); в результате заднеязычный звонкий спирант *j* редуцировался и выпал; произошло фонетическое преобразование аффикса; аффикс с начальным гласным -^оп ~ -^об стал присоединяться к согласным основам, аффикс -п ~ -б — к гласным основам»¹⁰.

Таким образом, состав аффикса -(*j*)^ор в анатолийских памятниках является архаизмом, сохранившимся и в современном турецком языке. Как нам кажется, для М. Мансуроглу отправной точкой служит диахрония орхоно-енисейских памятников, а для А. Н. Кононова — алтайская гипотеза с обращением к более древним языковым слоям.

III. Морфологические особенности. Функции. В исследуемых текстах XIII—XVI вв. не встречаются следующие формы деепричастных показателей:

1) -*prak*, -*pyrak*. Форма -*arak* отмечена в ДК шесть раз (в том числе три формы *giderek*), в Арз — четыре раза, а в ранних текстах отсутствует вообще. Аффикс -*rak*, выражающий сравнение, в древних рукописях все еще продуктивен: *aşayarak* КВ 325-2а; *İtrakdur ilün gider misin sen AN 484в* и т. д.;

2) -*plar*. Мы рассматриваем данное образование как показатель 3-го лица мн. ч. спрягаемой формы на -р, в которой аффикс множественности часто опускается: *Bitüpdır(ler) pergisler semenler AN 664*;

3) -*pdan*, -*pda*. Эти формы, вероятно, являются в диалектах вторичными, как, например: -*erekten*, -*eliden*. Форма -*pda*, где -*da* — усилительная частица, также не зафиксирована;

4) -*p ok*, -*p kyua*.

Форма -*ban* встречается во всех текстах, в том числе и в прозе, исключая КД (XIV в.) и Арз (XV в.). Форму -*bany* находим в УЕ, КВ и ДК; в последнем она встречается 45 раз, причем 25 — в клише: *kalkubany*. Отметим, что Л. Базен считает форму -*bany* аналогичной форме *ekenı* в туркменском языке, выступающей в предикативной функции со значением, близким к -*myš*¹¹. В обеих формах -*i* — усилительная частица. Форма -*bany* встречается довольно редко и только в SV, SN, КВ и VN. Отрицательные формы: -*tajur* (не -*tap*) употребляется в УЕ, КВ и АН; -*tajuban* встречается весьма редко: *کورميين* КВ 297-5; а -*madyn* имеется у всех авторов.

В исследованных произведениях более тридцати авторов (577 стра-

⁹ М. Mansuroğlu. Das Altosmanische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», I. Wiesbaden, 1959, § 232.

¹⁰ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 111.

¹¹ L. Bazın. Le Türkmen. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», стр. 315; ср.: К. Hacılova. Türkçe'de iken'in durumu ve fonksiyonu. — TDED, с. XVIII. İstanbul, 1970.

ниц прозы и 11665 двустийши) зафиксировано 1500 с лишним употреблений формы на *-p*.

Частота различных форм деепричастного показателя в ряде литературных памятников представлена в следующей таблице:

Памятник \ Показатель	Памятник																
	Bц 100*	CR 35	С 83	SV 379	D 94	SN 250	YE 2874	SH 50	KD 53	KB 3000	DK 304	AH 816	VN 908	F 400	Arz 120	Orx.	
<i>-p</i>	97	—	7	12	12	25	210	6	30	98	335	99	60	59	100	147	
<i>-ban</i>	25	—	—	8	4	11	52	2	—	69	62	30	13	7	—	9	
<i>-majur</i>	7	—	—	—	—	—	3	—	—	2	—	2	2	2	2	—	
<i>-madun</i>	—	—	2	2	2	—	27	—	4	111	34	2	4	3	23	—	

* Цифры под сиглями указывают число страниц или двустийши (бейтов).

Относительная частота форм на *-p* и *-ban* (отношение их количества к общему числу слов в текстах) равна 0,9%, в том числе — 0,7% для *-p* и 0,2% для *-ban*, то есть последний аффикс встречается в четыре раза реже.

Относительная частота указанных аффиксов по разным текстам составила для *-p*: DK-D — 1%, YE — 1,4%, Bh — 0,4%, KB — 0,2%, SV — 0,3%, D — 0,9%, AH — 1,5%, С — 0,8%; для *-ban*: DK-D — 0,2%, YE — 0,3%, Bh — 0,1%, KB — 0,1%, SV — 0,2%, D — 0,3%, AH — 0,5%.

В орхонских памятниках распределение аффиксов *-p* и *-ban* еще более неравномерно:

Памятник \ Показатель	Памятник						
	0	Тон.	КТ6	КТм	Мог.	КЧ	МЧ
<i>-p</i>	3	21	41	7	30	21	24
<i>-rap</i>	—	—	7	—	1	—	1

В анатолийских памятниках XIII—XVI вв. форма на *-p*, принимая личные аффиксы, входит в систему временных форм изъявительного наклонения: *-p dururat*, *-p durur sen*, *-p dur(ur)*, *-p dururuz*, *-p durursiz*, *-p dur(ular)*. Среди других встречающихся форм *-p ben*, *-p sen*, *-p (ol, dur)*, *-p biz*, *-p siz*, *-pdur(lar)* наиболее употребительны формы 2-го лица ед. ч. Обе формы 3-го лица контаминированы в виде *-pdur* или *-p*.

Примеры: Gezeden bir kuzu pişirüp dururam... gel jijelüm DK-D 49 'Я ночью зажарил барашка... приходи, закусим'; Her bir jerde derüp dururam DK-D 121 'Я собрал всех в одном месте'; Fikir ihtisar edüp dururim Arz 20 'Я сократил свои размышления'; Dün gelip(sen) SN 92-11 'Ты вчера пришел'; Eyer girip(sen) sin içude jatasen С 19 'Если ты вошел в могилу, будешь там лежать'; Dünlügi altun ban evlerümi getürüp durursin ...kayçuk anamy getürüp durursin anamy vergil maja DK-D 58 'Ночью ты шатры мои, украшенные золотом, похитил ...матушку мою похитил, мать мою верни!'; Biz hazur olup dururuz Arz 20 'Мы готовы'; İman getürüp durur siz PK § 5в 'Вы приняли веру'; Olup bülbül u kumru nadim u ham хоş alhany D 1-12 'Соловей был его наперсником и дру-

гом'; Zihan zennet olup durur D 1-18 'Мир сделался раем'; $\text{Çu dost anuñ olupdur her nefesde UE 43a}$ 'Так как он ему другом стал на каждом дыхании'; $\text{Karşu jatan ...taýlar karýjurdur, kanlu kanlu urmaklary karýjurdur DK-D 59}$ 'Лежащие напротив ...горы состарились, их кровавые реки состарились'.

Данная форма имеет значение перфекта. Она не выражает действие как процесс, протекавший в определенный момент в прошлом, а констатирует результат прошлого действия в настоящем. Компонент *dur-* не воспринимается в качестве полнозначного глагола *dur-* 'стоять' и не передает дуративного значения.

Форма $-\text{}^{\circ}\text{p}$ в сочетании с глаголом *i- $\langle$ är-* в форме прошедшего категорического времени (*-p idi, -pdi*) или с глаголом *dururdi* изменяется по всем лицам и выражает действие, совершившееся до определенного момента в прошлом (плюсквамперфект).

Примеры: $\text{Menüm ayzuma sögüp durur idün dojamadum DK-D 100}$ 'Ты для меня (тогда) кебаб приготовила, не мог насытиться'; $\text{Emrile verip idi bize žanu UE 203a}$ 'Приказом нам он души дал'; $\text{Turak edirdiler AH 38a}$ 'Они остановились'; $\text{Şehriñ halky göle avlataya çykamaz olup dururdy Apz 32}$ 'Население города не могло ходить на озеро рыбачить'; $\text{Evvelden atlar hazur edüp dururlardy Apz 97}$ 'Еще раньше кони были готовы'.

В текстах встречаются также формы $-\text{}^{\circ}\text{psa}$ и (чаще) $-\text{}^{\circ}\text{p durursa}$.

Функциональное назначение формы на $-\text{}^{\circ}\text{p}$ позволяет отнести ее к глагольным (ср. форму на $-\text{a} \sim -\text{y} \sim -\text{u}$). Пример *kälin äptimiz* из Онгинского памятника свидетельствует о том, что еще тогда она включалась в систему времен.

В заключение отметим, что анатолийские памятники содержат богатейший материал по истории развития и становления системы времен и наклонений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

KT Тон.	}	— С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951 (1. Памятник в честь Кюль-тегина, <i>м</i> — малая надпись, <i>б</i> — большая надпись; 2. Памятник в честь Тоньюкука).
О Мог. КЧ МЧ		— С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959 (1. Онгинский памятник; 2. Памятник хану Могилян; 3. Памятник хану Кули-чуру; 4. Памятник хану Моюн-чуру).
AA		— С. Brockelmann. Altosmanische Studien, I. Die Sprache 'Äşyqpāšā's und Ahmedi's. — ZDMG, LXXIII, 1919, стр. 1—29.
AH		— Onay Talât. Dastan-i Ahmet Harami. İstanbul, 1946, Transkripsion, стр. 1—126.
Apz		— Fr. Giese. Die Altosmanische Chronik des Aşıqpaşazade. Leipzig, 1929.
Bh		— Behcetü'l-Hadâyik. J. Ertaylan yayınlaması. İstanbul, 1960, Faksimile, стр. 1—353.
CR		— M. Mansuroğlu. Zehn türkische oder türkisch-persische Gedichte Calâlad-din Rumi's. — UAJb, XXIV, 1952.
C		— M. Mansuroğlu. Ahmed Fakih. Çarhname. İstanbul, 1956, Faksimile, стр. 1—4.
D		— M. Mansuroğlu. Anadolu türkçesi (XIII asır). Dehhanî ve manzumeleri. İstanbul, 1947, Transkripsion.
DK		— M. Ergin. Dede Korkut Kitabı. Ankara, 1958 (D — Дрезденская рукопись, Faksimile, стр. 1—304, V — Ватиканская рукопись, Faksimile, стр. 1—97).
F		— K. Unsel. Fâtih'in şiirleri. Ankara, 1946, Faksimile, стр. 1—47.
KB		— Kadı Burhaneddin Divanı. İstanbul, 1944, Faksimile, стр. 1—608.

- KD* — *A. Zajaczkowski*. Studia nad językiem staroosmanskim, I. Calila et Dīmna. Kraków, 1934.
- KP* — *A. Zajaczkowski*. Studia nad językiem staroosmanskim, II. Koran. Kraków, 1937.
- SN* — *J. H. Mordtmann*. Süheil und Nevbahar. Romantisches Gedicht des Mes'üd bin Ahmed. Hannover, 1925, Faksimile, стр. 1—376.
- SV* — *M. Mansuroğlu*. Sultan Veled'in türkçe manzumeleri. İstanbul, 1958.
- SH* — *M. Mansuroğlu*. Şeyyad Hamza'nın Doğu türkçesine yaklaşan manzumesi. — TDAY, 1956.
- VN* — *A. Ateş*. Süleyman Çelebi. Vesiletü'n Necat-Mevlid. Ankara, 1954.
- YE* — *A. Gölpınarlı*. Yunus Emre. İstanbul, 1965, Faksimile, стр. 1—210.
- YZ* — *D. Dilçin*. Şayyad Hamzas Mathnawi Yusuf und Zulayha. İstanbul, 1946.
- Ah* — *R. R. Arat*. Edib Ahmet b. Mahmud Yükeki. Atebetü'l-Hakayık. İstanbul, 1951, Faksimile B, стр. 1—53; Faksimile C, стр. 1—49.
- CC* — Codex Cumanicus.
- K* — كتاب ديوان لغات الترك (издание Ахмеда Рифата. Стамбул, тт. I—III, 1915—1917).
- NF* — Nehcü'l-Feradis. Ankara, 1956, Faksimile, стр. 1—444.
- QB—F* — Kutadgu Bilig. Fergana nüshası. İstanbul, 1943, Faksimile, стр. 1—447.
- QJ* — *C. Brokelmann*. 'Ali's Qissa'i Jusuf, der alteste Verlauffer der osmanischen Literatur. Berlin, 1917.
- Rbğ* — *K. Gronbech*. Rabghuzi Narrationes de prophetis. Kopenhagen, 1948, Faksimile — British Museum.

К. М. МЕЛIEВ

О РЕДУКЦИИ ШИРОКИХ ГЛАСНЫХ В УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

В современных уйгурских грамматиках¹ обычно отмечается, что широкие звуки *a/ä* в открытых безударных слогах редуцируются и переходят в узкий *i*, а в отдельных случаях (в зависимости от состава гласных основы) — в *u/ü*, например: *kälmidi* (<*käl+mä+di*) 'не пришел', *balilar* (<*bala+lar*) 'дети', *baliliri* (<*bala+lar+i*) 'их дети', *beridu* (<*bär+ä+du*) 'он даст'; *anisi* (<*ana+si*) 'его мать', *harvusi* (*harva+si*) 'его телега', *kollunudu* (<*kol+la+n+a+du*) 'применяется, употребляется' и т. д.

Однако наблюдения показывают, что в современном уйгурском языке редукция широких гласных *a/ä* имеет место не только в открытых, но и в закрытых безударных слогах. Это явление отмечается также в узбекском и, частично, в казахском и каракалпакском языках в основном в следующих случаях:

1. В современных узбекском и уйгурском языках редукция широкого гласного *a/ä* в закрытых безударных слогах наблюдается при употреблении модальных вопросительных форм настоящего времени (узб. *kelajaptimi ekan* > *kelajaptimikin?*, уйг. *kelivatamdu ekän* > *kelivatamdikin?*); настояще-будущего времени (уйг. *kelämdu ekän* > *kelämdikin?*); настоящего времени данного момента (узб. *kelajotganmi ekan* > *kelajotganmikin?*, уйг. *kelivatkanmu ekän* > *kelivatkanmikin?*); будущего времени (узб. *kelarmi ekan* > *kelarmikin?*, уйг. *kelärmu ekän* > *kelärmikin?*, *kälmäsmikin?*), прошедшего определенного времени (узб. *keldimi ekan* > *keldimikin?*, *kandaj keldi ekan* > *kandaj keldijkin?*, уйг. *käldimu ekän* > *käldimikin?*), прошедшего исторического времени (узб. *kelganmi ekan* > *kelganmikin?*, уйг. *kälgänmu ekän* > *kälgänmikin?* глаголов модальности на *ekän*). В вышеприведенных примерах широкий гласный *a/ä* конечного или предпоследнего закрытого слога многосложной глагольной формы, оказавшись в безударном положении, редуцируется и переходит в узкий гласный *i*.

Указанные вопросительные формы глагола характерны для разговорной речи и современных фольклорных произведений на узбекском и уйгурском языках. Вопросительные формы глагола модальности на *ekän*, в отличие от невопросительных², выражают предположение говорящего

¹ См.: Н. А. Баскаков. Очерк грамматики уйгурского языка. — В кн.: Н. А. Баскаков, В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь. М., 1939; Э. Н. Наджиб. Современный уйгурский язык. М., 1960; В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940; А. Кайдаров, Ф. Садвақасов, Т. Талипов. Газирқи заман уйгур тили. Алмута, 1963.

² Невопросительная форма на *ekän* выражает главным образом отношение говорящего к факту, о котором ему стало известно позже: *algän ekan* 'оказывается, он взял', *aläg ekan* 'оказывается, будет брат' и т. д. (Об этом см.: А. Хожиев. Тўлиқсиз феъл. Тошкент, 1970, стр. 166).

относительно какого-либо события или его логическое умозаключение о предполагаемом действии или состоянии вообще. Например:

уйг. *Немә билән тирикчилик қилиши вати дедкин?* (З. Қадирый) 'Интересно, чем они живут?'; *У кели ватам дикин?* 'Не идет ли он?'; *Ким билиду, у илгирики пикридин қайтип қалмиған микин?* — *деди у* (З. Сәмәдий) 'Кто знает, возможно, он отказался от своих слов?, — сказал он'; ... *бовайни бундақ кечидә келишкә немә мәжбур қилдикин?* '...интересно, что заставило старика прийти в такой поздний час?'; *Нурумниң биздин көңли агрип қалдимикин, сәл өзини чәткә тартишкә башилидиғу* (З. Қадирый) 'Может быть, Нурима что-то обидело, что он начал нас избегать?'; *Анам жиқилмастин кели ватқан микин?* — *берип көргинә, — дәп ялвурди* (Босақов) 'Пойди посмотри-ка, — умоляя он, — идет ли моя мать не падая?'; *Буни у данишмәнләр биләм дикин, йә билмәм дикин?* (Чиниқиш) 'Об этом знают, или не знают эти мудрецы?'; ... *бәзиси балиси баркән, балами патқузмас мекин, өгәйлик болар мекин дәп унимай қоятти* (З. Қадирый) '...некоторые не соглашались, думая, что у нее есть свой ребенок, и поэтому она, может быть, будет дурно относиться к пасынку';

узб. *Нафиса эса «фақат шу учунгина» мени олиб чиқиб келәйтсан микин сиз? деган хаёлга келди* (Шухрат) 'А Нафиса подумала: «„Только из-за этого“ вы приводите меня»; *Қайдам, эпләй олар микин ман?* — *деди Зироат. Эри пианиста, Анвар акамга бирон зиён-захмат етказмас микин?* (А. Қаҳҳор) 'Не знаю, справлюсь ли я, — сказала Зироат. — Ее муж пьяница, не причинит ли он какой-нибудь вред моему брату Анвару'; *Кенжа Хонобод йўлида бирданига қаердан пайдо бўлиб қолдикин?* (И. Султонов) 'Интересно, откуда вдруг появился Кенжа на Ханабадской дороге?'; *У уйига кетмоқчи эмас микин?* 'Не намерен ли он поехать домой?'

2. В современных казахском и каракалпакском языках редукция широкого гласного *a/ä* в закрытых безударных слогах имеет место в формах причастия настоящего-будущего времени: к.-калп. *alatuγun, keletuγun* (<*keletuγan*<*keletuγan*); каз. *keletin, alatuγun* (<*alatuγun*<*alatuγan*). В приведенных примерах широкий гласный *a* конечно-го закрытого слога многосложной причастной формы, оказавшись в безударной позиции, редуцируется и переходит в узкий гласный звук *i/u*.

При дальнейшем наращивании аффиксов редуцированный гласный не изменяется. Например:

каз. *siz oқитындай кітап* 'подходящая вам для чтения книга'; *Мұны біз де сауда орындары қурылысына қалай көңіл бөлінетіндігінен де байқауға болады* (Газ. «Социалистік қазақстан») 'Это у нас можно заметить хотя бы потому, какое уделяют внимание строительству торговых предприятий';

к.-калп. *Мениң атызда ислейтуғынлығыма иренжип жүрген шығар* (И. Юсупов) 'Наверно, он недоволен потому, что я работаю в поле'; *Адам баласында ушырасатуғындай кемшилик көп* (Т. Нажимов) 'Много недостатков, встречающихся у всех людей'.

Таким образом, редукция широкого гласного *a/ä* в современном уйгурском языке происходит не только в открытых безударных слогах, но и закрытых безударных; явление редукции широкого гласного *a/ä*, характерное для современного уйгурского языка, может иметь место и в современных узбекском, казахском, каракалпакском языках.

Б. ЧАРЫЯРОВ

О РАЗВИТИИ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Становление и развитие туркменского языкознания началось в годы Советской власти. Туркмения была одной из отсталых окраин царской России, грамотность ее населения составляла всего 0,7%, и поэтому в первые годы Советской власти необходимо было создать письменность, отражающую фонетические особенности туркменского языка, разработать орфографические, грамматические и лексические нормы, обеспечить школы учебниками и т. д.

В начале 20-х годов открылась широкая сеть начальных туркменских школ и курсов по ликвидации неграмотности, туркменские языковеды в этот период создали ряд букварей и учебников по родному языку. В конце 20-х годов были изданы учебники для неполных средних и средних туркменских школ.

До Октябрьской революции и ряд лет после нее туркмены, как и другие тюркские народы, пользовались традиционным арабским алфавитом, фонетически не отвечавшим требованиям туркменского языка (отсутствовали обозначения туркменских гласных и некоторых согласных звуков и т. д.). В результате двух реформ в традиционный арабский алфавит были внесены значительные изменения, и все же он оставался малопригодным для туркменского языка. Поэтому в 1928 году был принят новый алфавит, созданный на основе латинской графики.

Вопросам туркменской орфографии была посвящена Первая туркменская научная конференция, состоявшаяся в 1930 году. Конференция приняла решение об основных нормах туркменской орфографии, которые в дальнейшем уточнялись и дорабатывались.

В 1940 г. Верховным Советом Туркменской ССР был принят закон о переходе на новый алфавит, созданный на основе русской графики. В этот период подготавливаются учебники и учебные пособия для вузов, среди которых следует отметить книгу Х. Байлиева «Краткий курс грамматики туркменского языка, ч. I. Морфология» (1948), сыгравшую значительную роль в развитии туркменского советского языкознания.

Для решения практических вопросов туркменского языкознания большое значение имели состоявшиеся в 1936 и 1954 гг. лингвистические съезды, посвященные вопросам орфографии и терминологии туркменского языка. На втором лингвистическом съезде впервые были установлены правила пунктуации туркменского языка. Проведению лингвистических съездов предшествовала развернувшаяся в периодической печати широкая дискуссия, посвященная проблемам туркменской орфографии, терминологии и пунктуации.

В последующем были в основном разработаны орфоэпические нормы туркменского языка, а также осуществлен ряд мероприятий с целью их практического внедрения.

Систематическое научное изучение фонетического строя туркменского языка начинается в тридцатые годы. Пионером его является проф. А. П. Поцелуевский. В 1936 году вышла его книга «Фонетика туркменского языка», в основу которой были положены материалы многочисленных экспедиций, проводившихся с участием ученого или под его руководством. Эта книга до сих пор не утратила своего научного значения.

С конца 40-х и особенно в 50-е годы туркменское языкознание переживает период интенсивного развития. Появляется значительное число серьезных монографических исследований, пишутся десятки кандидатских и докторских диссертаций, посвященных различным проблемам туркменского языка. В эти и последующие годы были опубликованы многочисленные статьи и отдельные книги по фонетике, среди которых следует отметить работы М. Н. Хыдырова и К. Бегенджова «Фонетика туркменского языка» (1948), А. Аннанурова «Фонетика — раздел языкознания» (1959), Т. Тачмурадова и М. Худайкулиева «Фонетика современного туркменского литературного языка» (1970).

С 1960 г. в Институте языка и литературы им. Махтумкули Академии наук ТССР функционирует экспериментально-фонетическая лаборатория, оснащенная современной электро-акустической аппаратурой. Молодой научный коллектив продолжает начатое А. П. Поцелуевским экспериментальное исследование фонетической системы и интонации современного туркменского языка. Экспериментально-фонетически исследуются гласные и согласные звуки, ударение, интонация повествовательного и вопросительного предложений.

В книге С. Куренова «Долгие и краткие гласные в туркменском языке (экспериментально-фонетический очерк)» (1971) подробно освещается вопрос о составе туркменских гласных и их семантико-дифференциальных признаках, описываются физико-акустическая структура, оттенки, физиолого-артикуляционные особенности каждой долгой и краткой гласной фонемы. Автор выявляет возможности употребления долгих и кратких гласных и их временные характеристики в различных позициях.

Наиболее разработанной областью является грамматический строй туркменского языка, особенно его морфология. Все основные части речи изучены и описаны в кандидатских диссертациях или отдельных монографических исследованиях.

В 60-е годы коллектив кафедры туркменского языка Туркменского государственного университета подготовил и выпустил курс современного туркменского языка (часть I. Морфология — 1960; часть II. Синтаксис — 1962). Были опубликованы многочисленные монографии и отдельные научные статьи, в том числе: А. П. Поцелуевского «Происхождение личных и указательных местоимений» (1947); М. Пенжиева «Имя числительное в современном туркменском языке» (1962); Х. Гафуровой «Наречие в современном туркменском языке» (1959); М. Худайкулиева «Подражательные слова в современном туркменском языке» (1962); А. М. Хосрови «Деепричастие в туркменском языке» (1957) и многие другие. В этих трудах использован богатый фактический материал, позволивший выявить грамматические особенности имен существительных, прилагательных, числительных, местоимений, наречий, глагола, подра-

жательных слов, междометий и вспомогательных частей речи. Особо следует отметить разработанность раздела глагола. Специальные монографические исследования посвящены изучению категорий глагола, таких, например, как время, залог, условная форма, вид.

Издан ряд работ по словообразованию и словоизменению. Вопросы словообразования обстоятельно анализируются в монографии П. Азимова «Туркменский язык (словообразовательные аффиксы)» (1950). Исследованию словоизменительных форм посвящены работы М. Хамзаева, К. Атаева, Т. Тачмурадова и других туркменских лингвистов.

Институтом языка и литературы Академии наук ТССР в 1970 г. выпущена «Грамматика туркменского языка, ч. I. Фонетика. Морфология» (на русском языке). Этот коллективный труд отличается от ранее изданных работ значительным объемом (более 40 п. л.), глубиной исследования, широтой охвата материала. Это первая академическая грамматика туркменского языка. Таким образом, лингвисты нетуркмены впервые получили возможность полнее ознакомиться с фонетико-морфологической структурой туркменского языка.

Начало научному изучению синтаксиса туркменского языка было положено трудами А. П. Поцелуевского. Его работа «Основы синтаксиса туркменского литературного языка» (1943) является первым научным исследованием, охватывающим основные вопросы синтаксического строя туркменского языка. Большой интерес представляет работа М. Хамзаева «Вопросы морфологии и синтаксиса туркменского языка» (1969), подводящая итог многолетним исследованиям автора в области сложного предложения. Теоретическое и практическое значение имеет книга А. Аннанурова «Вопросы синтаксиса в плане перевода с русского на туркменский язык» (1956).

Вопросы синтаксиса словосочетаний разработаны в монографических исследованиях Г. Ачиловой «Определительные словосочетания в современном туркменском языке» (1951) и Г. Сарыева «Словосочетания в туркменском литературном языке» (1972).

Таким образом, туркменскими лингвистами создана основа для сравнительного изучения родственных языков. Одной из первых таких работ является монография Б. Чарырова «Времена глагола в тюркских языках юго-западной группы» (1970), в которой исследуются временные формы глагола в туркменском, азербайджанском, турецком и гагаузском языках с привлечением сравнительных материалов из других тюркских языков.

В Туркмении издан ряд учебных пособий для вузов, в их числе следует отметить книгу А. Ибраимова «Пособие по сравнительной грамматике тюркских языков (именительный, родительный и дательный падежи)» (1972). В настоящее время группой ученых Института языка и литературы Академии наук ТССР изучается глагол в тюркских языках юго-западной группы.

Подобные исследования позволят в дальнейшем перейти к сравнительному изучению тюркских языков в более широком масштабе, не ограничиваясь только юго-западным ареалом.

Особо важное значение имеет исследование туркменских диалектов. Диалектные материалы, как известно, представляют собой ценный источник для изучения истории языка, тем более такого языка, как туркменский, на котором сохранилось мало письменных памятников. Необходимость ускоренного сбора диалектологического материала дик-

гуется и тем, что в связи с развитием литературного языка происходит нивелирование диалектных особенностей, которые, как принято говорить, поглощаются литературным языком. Изучение многочисленных туркменских диалектов и говоров должно способствовать установлению норм литературного языка.

Туркменские диалекты начали изучаться с конца 20-х годов. Первичные материалы, собранные этнографо-лингвистическими экспедициями в 1927—1932 гг., были систематизированы и обобщены в работе А. П. Поцелуевского «Диалекты туркменского языка» (1936). В этой книге впервые проанализированы фонетические и грамматические особенности туркменских диалектов, указаны их характерные различия и дана классификация. Этот труд А. П. Поцелуевского сохраняет свою научную ценность по сей день.

Систематическое исследование диалектов и говоров, распространенных на территории Туркменской ССР, началось с конца 40-х годов. Были изучены такие основные туркменские диалекты и говоры, как текинский, йомудский, гокленский, эрсаринский, сарыкский, салырский, човдурский, сакарский, манышский, алилинский, нохурский, оламский, хасарли и др. Изучались также туркменские диалекты, бытующие за пределами Туркменской ССР. Исследованию языковых особенностей ставропольских туркмен и туркменских племен, населяющих территорию Каракалпакской АССР, посвящены работы Н. А. Баскакова и ряда туркменских диалектологов. В этих работах исследуются фонетические, грамматические и лексические особенности отдельных туркменских диалектов и говоров в сопоставлении с фактами литературного языка и другими близкими диалектами.

В последние годы туркменскими диалектологами созданы обобщающие труды по диалектологии. Коллективом Института языка и литературы Академии наук ТССР подготовлен «Очерк диалектов туркменского языка» (1970), Дж. Амансарыевым написано учебное пособие для филологических факультетов «Туркменская диалектология» (1970). В этих трудах дан сравнительный анализ характерных языковых особенностей основных туркменских диалектов и с привлечением данных и материалов ранее написанных исследований сделаны соответствующие выводы и обобщения.

С середины 60-х годов диалектологи Института языка и литературы Академии наук ТССР приступили к созданию диалектологического атласа туркменского языка. К настоящему времени составлены диалектологические карты западных и северных районов Туркменистана. Картографирование этих районов наглядно выявило фонетические и морфологические особенности отдельных говоров туркменского языка и установило границы распространения того или иного языкового факта. Диалектологами составлен «Диалектологический словарь туркменского языка», охватывающий главным образом пласт лексических единиц как не употребляющихся в литературном языке, так и отличающихся по значению от литературной нормы.

В настоящее время ведется работа по созданию диалектологического атласа восточных, южных и юго-восточных районов республики. Помимо региональных атласов составляется общий (сводный) атлас туркменских диалектов.

История туркменского языка — малоизученная область туркменского языкознания. Первые исследования в этом направлении принадлежат А. Н. Самойловичу и А. П. Поцелуевскому. Такие работы

А. П. Поцелуевского, как «Происхождение личных и указательных местоимений» (1947), «К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы» (1948), «Предложения посессивного строя и проблема генезиса личных форм имперфекта» (1943) и другие, представляют собой ценный вклад в изучение истории туркменского языка.

Интересные сведения по истории туркменского языка мы находим и в работах Н. А. Баскакова «Тюркские языки» (1960), «Огузский язык» (БСЭ, т. 30, 1954), «Туркменский язык» (БСЭ, т. 43, 1956) и др.

Систематическое изучение истории туркменского языка было начато с 50-х годов. М. Н. Хыдыров издал учебное пособие «Материалы по истории туркменского языка» (1958, 1962). Институтом языка и литературы Академии наук ТССР были подготовлены «Очерки по истории туркменского языка», З. Б. Мухамедовой защищена докторская диссертация на тему «Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. (по данным арабоязычных филологических сочинений)» (1969).

Созданные за последние годы работы по истории туркменского языка можно подразделить на несколько групп. В одной группе работ исследуются вопросы исторической грамматики. К их числу относятся монографии, посвященные отдельным грамматическим категориям: прошедшему времени, причастиям, недостаточным глаголам, аффиксальному образованию имен и т. д. Другая группа работ посвящена изучению языковых особенностей отдельных письменных памятников, таких, как дестаны «Шасенем и Гариб», «Саятлы Хемра». «Лейли и Меджнун» и др.

Группа историков языка с 1965 г. работает над созданием исторической грамматики туркменского языка. Написаны разделы об именных частях речи и некоторые разделы о глаголе (условное и желательное наклонения, деепричастия и т. д.).

Следует отметить, что если ученые ранее исследовали историю туркменского языка в основном по литературным памятникам XVIII—XIX вв., то в настоящее время они стремятся охватить своими работами письменные памятники начиная с XII в.

Лексикографическая работа в Туркменской ССР прошла следующие этапы: создание русско-туркменских и туркменско-русских словарей, затем русско-туркменских терминологических и отраслевых словарей и, наконец, толкового словаря туркменского языка.

До Октябрьской революции в Туркмении был издан только один «Русско-туркменский словарь» И. А. Беляева (1913), содержащий около 3000 заглавных слов.

Важное место в туркменской лексикографии заняло составление общих двуязычных словарей. В 1929 году был издан небольшой «Русско-туркменский словарь» А. Алиева и К. Бориева. В 1948 г. был опубликован более полный «Русско-туркменский словарь» Ш. Батырова и Г. И. Карпова. Однако эти издания не могли удовлетворить возросших требований широкого круга читателей.

Словарем, отражающим основную, наиболее употребительную часть лексики русского литературного языка (50 тыс. заглавных слов) и содержащим богатый иллюстративный материал, явился «Русско-туркменский словарь», подготовленный Институтом языка и литературы Академии наук ТССР и выпущенный в Москве Издательством иностранных и национальных словарей (1956).

В 1940 году был издан «Туркменско-русский словарь» Х. Байлиева и Б. Каррыева, представляющий собой первый практический словарь подобного рода. Этот словарь не охватывал в полной мере активной лексики современного туркменского языка и недостаточно использовал его фразеологию. Большим достижением туркменской лексикографии следует признать издание фундаментального «Туркменско-русского словаря» (М., 1968), составленного коллективом лексикографов Института языка и литературы Академии наук ТССР. Этот словарь включает основную общеупотребительную лексику современного туркменского литературного языка и достаточно полно отражает его богатую фразеологию.

Туркменские лингвисты уделяют в последнее время много внимания подготовке двуязычных терминологических словарей по различным отраслям знания. Изданы русско-туркменские терминологические словари по астрономии, ботанике, географии, геологии, лингвистике, математике, физике, химии, сельскому хозяйству, «Латино-русско-туркменский словарь медицинских терминов», «Русско-туркменский словарь строительных терминов», «Словарь литературоведческих терминов» и др.

Терминологические словари играют большую роль в формировании и стабилизации лексических норм туркменского литературного языка.

В последние годы Институтом языка и литературы Академии наук ТССР изданы «Словарь по ковроткачеству и рукоделию» (1967), «Топонимический словарь Туркменистана» (1971). Выход в свет этих словарей имеет большое значение для изучения профессиональной лексики туркменского языка.

В 1962 г. был издан первый толковый «Словарь туркменского языка» в одном томе, включающий лишь активную часть лексики современного туркменского языка.

Несколько раз издавался орфографический словарь туркменского языка (1947, 1957, 1962, 1963). Только последнее издание является достаточно полным и содержит ряд справочных материалов (свод орфографических правил, перечень словообразовательных аффиксов, географические названия, туркменские имена, аббревиатуры и т. д.).

В ближайшее время должен выйти из печати «Фразеологический словарь туркменского языка».

В настоящее время Институтом языка и литературы им. Махтумкули Академии наук ТССР завершено составление двухтомного «Русско-туркменского словаря». Новый «Русско-туркменский словарь» содержит 70 тысяч реестровых слов и имеет ряд преимуществ перед ранее изданными. В него вошло много русских слов, не включенных в «Русско-туркменский словарь» 1956 года.

Значительным событием в культурной жизни Туркмении является создание двухтомного толкового «Словаря туркменского языка». Он охватывает активную лексику современного туркменского языка, отражающую различные стороны жизни и быта туркменского народа. В словаре широко представлена советско-интернациональная лексика, а также термины, вошедшие в туркменский язык посредством русского и получившие широкое распространение в туркменской прессе. Богато представлена профессиональная лексика важнейших отраслей народного хозяйства Туркмении: скотоводства, виноградарства, садоводства, хлопководства, рыболовства, ковроделия и др.

Материалы словаря щедро иллюстрируются туркменскими фразеологизмами, пословицами и поговорками.

Толковый «Словарь туркменского языка» представляет собой капитальный лексикографический труд, имеющий большое значение для туркменского языкознания и тюркологии в целом.

Авторам толкового «Словаря туркменского языка» и однотомного «Туркменско-русского словаря» была присуждена Государственная премия Туркменской ССР в области науки и техники.

Туркменскими языковедами ведутся и лексикологические исследования, начатые еще в 40-х годах А. П. Попелуевским. Первым серьезным исследованием в этой области является его «Лексикология и семасиология» (1946). Из обобщающих трудов, используемых в качестве учебников и учебных пособий для филологических факультетов вузов, следует отметить книги П. Азимова «Современный туркменский язык. Введение. Лексика» (1959) и Я. Чунгаева «Лексикология современного туркменского языка» (1972).

В последние годы написан ряд кандидатских диссертаций и опубликованы многочисленные статьи, посвященные отдельным вопросам лексики туркменского языка, изданы монографические исследования: «Эвфемизмы в туркменском языке» (1958), «Сложные слова в современном туркменском языке» (1958) и др.

В настоящее время лексикологами изучаются устойчивые словосочетания в туркменском языке, развитие лексики современного туркменского языка в советскую эпоху, профессиональная лексика туркменского языка и др.

Исследование вопросов культуры речи — сравнительно новая отрасль туркменского языкознания. Данной проблемой систематически стали заниматься в Туркмении с 60-х годов. Некоторые ее аспекты нашли освещение в монографических исследованиях П. Азимова «Вопросы туркменского языка» (1969), М. Худайкулиева и Б. Ходжаева «Некоторые вопросы развития туркменского литературного языка в советскую эпоху» (1967), посвященных актуальным проблемам развития туркменского языка.

Большое внимание проблемам культуры речи уделяет Научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций», созданный при Отделении литературы и языка Академии наук СССР и возглавляемый проф. Ю. Д. Дешериевым. Этим Советом совместно с Институтом языкознания Академии наук СССР и Институтом языка и литературы им. Махтумкули Академии наук ТССР были проведены в г. Ашхабаде две конференции (в 1966 и 1969 гг.), на которых были приняты соответствующие рекомендации и в области культуры речи.

С целью интенсификации научных исследований в этом направлении возникла необходимость в создании специального сектора культуры речи в составе Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук ТССР.

Усилия туркменских языковедов были направлены также на решение задач нормализации туркменского литературного языка. В 1967 г. вышла в свет «Орфоэпия туркменского литературного языка и краткий орфоэпический словарь». В настоящее время завершено составление однотомного «Орфоэпического словаря туркменского языка». Вышли из

печати монографии Т. Тачмурадова «Нормализация лексики туркменского литературного языка в советскую эпоху» (1971) и «Нормализация грамматического строя туркменского литературного языка в советскую эпоху» (1972), в которых прослеживается развитие туркменского литературного языка с двадцатых годов до наших дней, выявляются отдельные факторы, влияющие на нормализацию лексики и грамматического строя литературного языка, даются практические рекомендации по некоторым спорным вопросам словоупотребления, терминотворчества и т. д. Особое внимание уделяется освещению политики Советского государства в области языкового строительства.

Разработка и совершенствование норм туркменского литературного языка имеет исключительно важное значение в связи с наличием множества диалектов.

В последние годы увеличилось число работ по изучению туркменского языка в сопоставлении его с русским и другими неродственными языками. Наряду со множеством статей, посвященных сопоставительному изучению туркменского и русского языков, были созданы и обобщающие труды, например, книга М. Незифи «Некоторые вопросы сопоставительной грамматики русского и туркменского языков» (1961). Автор в этой работе специально останавливается на сложных разделах грамматики русского и туркменского языков.

Институтом языка и литературы Академии наук ТССР издана «Сравнительная грамматика русского и туркменского языков» (часть I. Фонетика и морфология, 1963), отличающаяся широким охватом материала сопоставляемых языков и углубленной разработкой основных разделов. Подробно описываются авторами способы и средства выражения различных грамматических категорий русского языка в туркменском и наоборот. Анализируются грамматические категории туркменского языка, отсутствующие в русском, например, местный и исходный падежи, категория принадлежности и др. В настоящее время подготовлена к изданию вторая часть указанного труда, посвященная синтаксису.

Развитие туркменского языкознания непосредственно связано с подготовкой кадров языковедов. В первые годы Советской власти в Туркмении не было ученых со специальным лингвистическим образованием. В настоящее же время в республике работает целая плеяда высококвалифицированных лингвистов, успешно решающих в содружестве с другими советскими тюркологами многие актуальные проблемы не только туркменского языкознания, но и тюркологии в целом.

П. И. КУЗНЕЦОВ

ИЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ
«ТУРЕЦКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА»
(1971 ГОД)

Турецкое лингвистическое общество, созданное по инициативе Ата-тюрка и финансируемое за счет процентов с его личного капитала¹, ведет весьма интенсивную и продуктивную деятельность, о чем свидетельствуют разнообразные издания, выходящие в свет под его титулом. К их числу относятся ежемесячный журнал «Türk Dili» (далее — ТД), «Ежегодники исследований турецкого языка» («Türk Dili Araştırmaları Yıllığı» — TDAY), всевозможные словари и научные монографии.

Журнал ТД, уже рецензированный на страницах советских лингвистических журналов, в том числе и в «Советской тюркологии»², представляет собой популярное издание, не ставящее своей целью решение узко научных вопросов. Собственно лингвистические статьи составляют лишь незначительную часть материалов, помещаемых на страницах этого журнала. К тому же авторы, ориентируясь на широкого читателя, обычно обходятся без серьезного научного аппарата.

В номерах ТД за 1971 и первую половину 1972 г.³ заслуживает внимания лишь статья «О функциях имен в исходном падеже», принадлежащая перу Кевсер Аджарлар⁴.

Наиболее интересны в этой статье замечания автора о близких по содержанию конструкциях *tahta ev*, *altın madalya*, с одной стороны, и *tahtadan ev*, *altından madalya* — с другой. Когда мы употребляем оборот *tahtadan ev*, говорит автор, имеются в виду все дома, сделанные из дерева (по-русски — *все деревянные дома*); когда же требуется сузить границы обобщения, и речь идет лишь об одном или нескольких такого рода домах, то чаще употребляют сочетание *tahta ev*.

Это замечание как будто противоречит следующему: «Когда говорят *Ona... altından bir madalya verdiler* 'Ему вручили золотую медаль (медаль из золота)', то этим как бы хотят подчеркнуть ценность этой врученной медали». Как видим, сужение границ обобщения, позволяющее сосредоточить внимание на одной, особенной медали («из золота»), достигается здесь как раз употреблением исходного, а не основного падежа.

¹ См.: Н. Г. Куреев. Анкара. М., 1972, стр. 64—67.

² См.: П. И. Кузнецов. «Türk Dili», 1970. — «Советская тюркология», 1971, № 6.

³ Автору обзора не удалось ознакомиться с №№ 232—234 (январь—март 1971 г.).

⁴ *Keveser Acarlar. Çıkma Durumunda («-den» halinde) Sözcüklerin Tümcede Türlü Kullanılışları.* — TD, № 235, стр. 34—37.

Другие работы, помещенные в ТД, носят характер рецензий или научных информаций. Издатель журнала А. С. Левенд в статье «Исторический словарь турецкого языка»⁵ излагает принципы работы над этим словарем (возникновение каждого нового слова и любого из новых значений уже известных слов будет, по его словам, строго документировано материалами староосманского языка).

О. А. Аксой критикует двухтомное издание турецких пословиц и поговорок⁶, а Хикмет Диздароглу дает высокую оценку первой книге много томного труда А. Джафероглу «История тюркских языков»⁷, изданной в 1970 г. Стамбульским университетом. Э. Оздемир перечисляет слова, образованные посредством аффикса -таç/-теç⁸, который, благодаря деятельности активных членов Турецкого лингвистического общества, стал в последние годы весьма продуктивным.

Журнал из номера в номер продолжает публикацию списков слов, призванных вытеснить из сферы употребления лексические заимствования из западноевропейских языков. В связи с этим хочется сделать одно замечание. Сами по себе нахождение и рекомендация турецких эквивалентов заимствованной лексики, пожалуй, вряд ли дадут желаемый эффект, поскольку для усвоения содержания такого рода слов требуется достаточно высокий образовательный уровень; в то же время может возникнуть опасность ошибочного словоупотребления со стороны недостаточно грамотных людей. Например, прилагательное *yabancı* (= *egzotik* 'экзотический') может ошибочно употребляться в значении *yabancı* 'иностранный' и так далее (так называемая гетерофемия).

Указанной выше цели служат и терминологические словари, выпускаемые Турецким лингвистическим обществом. За последнее время вышли словари терминов велоспорта⁹, фехтования¹⁰, геологии¹¹, промышленной собственности¹² и др. Выпущен также «Словарь лингвистических терминов»¹³, однако значительно менее полный, чем аналогичный словарь, изданный двадцать три года назад¹⁴.

В серии книг, предназначенных для массового читателя, за последние два года вышла лишь одна языковедческая работа: видная исследовательница лексики и грамматики турецкого языка проф. Веджихе Хатибоглу опубликовала небольшую монографию «Парные сочетания»¹⁵. К сочинению приложен библиографический список, включаю-

⁵ *Agâh Sırrı Levend. Türkiye Türkçesinin Tarihsel Sözlüğü.* — TD, № 236, стр. 182—189.

⁶ *Omer Asım Aksoy. «...Türk Atasözleri ve Deyimleri».* — TD, стр. 236, стр. 102—114.

⁷ *Hikmet Dizdaroglu. «Türk Dili Tarihi» üzerine.* — TD, № 237, стр. 182—189. Термин *türk dili* мы трактуем в соответствии с традицией, принятой в советской лингвистической литературе, переводя его в данном и аналогичных случаях как *тюркские языки*. Турецкие лингвисты это последнее понятие, как правило, обозначают термином *türk lehçeleri* 'тюркские диалекты', что, на наш взгляд, не отражает реальной действительности: ныне не существует одного (единого) «тюркского» языка, так же как не существует, например, одного «славянского» или одного «романского».

⁸ *Emin Özdemir. -Maç, -Meç Eki.* — TD, № 239, стр. 382, 383.

⁹ *Hakkı Bekensir. Çiftteker Terimleri Sözlüğü.* — Türk Dil Kurumu (TDK) yayınları, № 308. Ankara Üniversitesi Basımevi, 1970.

¹⁰ *Sait Tayla. Kılıçoyunu Terimleri Sözlüğü.* — TDK yayınları, № 314, 1970.

¹¹ *Hamit Nafiz Ramir ve Önder Öztunalı. Yerbilim Terimleri Sözlüğü.* — TDK yayınları, № 320, 1971.

¹² *Muzaffer Uyguner. Yapım İyeliği Terimleri Sözlüğü.* — TDK yayınları, № 324, 1971.

¹³ *Prof. Dr. Vecihe Hatiboğlu. Dilbilgisi Terimleri Sözlüğü.* — TDK yayınları, № 300, 1969.

¹⁴ «Dilbilim Terimleri Sözlüğü». Ankara, 1949.

¹⁵ *Prof. Dr. Vecihe Hatiboğlu. İkilime.* — TDK yayınları, № 328, 1971.

щий восемь-девять наименований, в который, однако, не попала известная монография Р. А. Аганина «Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке» (М., 1959). В работе проф. Хатибоглу последовательно рассматриваются фонетические, конструктивные, лексико-грамматические, функциональные и семантические особенности парных сочетаний турецкого языка, приводятся соответствующие примеры из некоторых памятников тюркской письменности, начиная с орхоно-енисейских. К работе (стр. 85—119) приложен список наиболее употребительных в современном турецком языке парных сочетаний.

Важнейшие научные изыскания турецких и некоторых зарубежных тюркологов публикует «Ежегодник исследований турецкого языка», или, точнее, «Ежегодник тюркологических исследований». В двух его последних выпусках помещено около пятнадцати собственно языковедческих работ. Значительная их часть касается вопросов исторической морфологии, фонетики, диалектологии и этимологии.

Две статьи принадлежат перу А. Джафероглу. В статье «От чайки до шайки»¹⁶ он рассматривает вопрос об этимологии турецкого имени *şayka* (историч. 'боевой корабль, предназначавшийся для использования на реках', 'поселения, в которых проживали команды «чаек», <*şay* 'река' + аффикс *-ka*) и восходящего к нему (но переосмысленного) русского слова *шайка*. В предлагаемой трактовке слова *şayka/şayka*, опирающейся на ряд источников и документов, не вполне убедительной представляется нам этимология второго компонента — аффикса *-ka*, в котором некоторые грамматисты усматривают уменьшительно-ласкательное значение. Однако, присоединяя уменьшительный аффикс к существительному *şay* 'река', мы должны были бы получить имя со значением «речка». К тому же по речным масштабам *şayka* была достаточно крупным кораблем (до 10 пушек и 100 человек команды). По-видимому, этот вопрос требует дальнейших разысканий.

В статье «Императивная форма *-ğil, -gil* в тюркских языках»¹⁷ тот же автор, опираясь на работы, помещенные в «*Philologiae Turcicae Fundamenta*» (vol. I, Wiesbaden, 1959), в многотомнике «Языки народов СССР» (т. II, 1966), а также на многие другие источники, подробно освещает, начиная с орхоно-енисейских памятников, историю употребления и морфологического развития названного аффикса, давшего в различных тюркских языках и диалектах многочисленные разветвления: *-ğil, -gil* → *-ğıla, -ğıla* → *-gıla, -gele* → *-gilan, -gilen* ||

$\begin{array}{l} \searrow \\ \text{-kıl, -kil} \end{array}$

-ğın, -gin → *-gın, -gin/gun, -gün* → *-gınan, -ginen* || *-ğır, -gir*.

$\begin{array}{l} \searrow \\ \text{-kin/-kın, -kin/-kın, -kün} \end{array}$

Что касается звука *n*, появляющегося в азербайджанских формах *-gilen, -ginen*, то автор, отходя от своей прежней точки зрения, трактует его как случайный (эпентетический).

Интересное топонимическое исследование («О названиях турецких деревень») опубликовал Озджан Башкан¹⁸. 40000 населенных пунктов разбиты им на 3000 групп, в каждую из которых вошло от 2 до 2500 деревень с одинаковым названием. Приведем 20 наиболее «вместитель-

¹⁶ А. Caferoğlu. Çayka'dan Şayka'ya. — TDAY, Belleten 1970, TDK yayınları, № 319, 1971, стр. 1—12.

¹⁷ А. Caferoğlu. Türkçemizdeki -Gil ve -Gil Emir Eki. — TDAY, Belleten 1971, TDK yayınları, № 338, 1971, стр. 1—10.

¹⁸ Özcan Başkan. Türkiye Köy Adları Üzerine bir Deneme. — TDAY, Belleten 1970, стр. 237—251.

ных» групп: *Kara* — 2500 названий; *Köy* — 1500; *Ak, Dere, Kaya, Pınar* — по 800; *Aşağı, Baş, Bey, Taş, Tepe, Yukarı* — по 500; *Hacı, Kızıl, Ören, Sarı, Su, Yeni, Alan, Büyük* — по 400 названий.

Далее автор группирует наименования по выражаемым ими значениям на: а) связанные с природой и физико-географическими понятиями (пространственные отношения, цвета, рельеф, названия минералов, растений, животных и проч.); б) связанные с человеком и общественными отношениями (части тела, занятие, положение в обществе и т. д.).

Частично касается вопросов топонимики и автор статьи «Хазарский язык» П. Гольден¹⁹. Хазары, как известно, не оставили после себя каких-либо языковых памятников, и современным исследователям остается анализировать в филологическом аспекте лишь хазарские имена собственные (а также кое-какие географические названия), значительная часть которых — тюркского происхождения.

Интересна статья З. Коркмаз «Проблема связи анатолийских говоров с этнической структурой населения»²⁰. Автор указывает, что в завоевании и заселении Анатолии (XI—XIV вв.) принимали участие 23 (из 24) племенных союза (*boy*) турок-огузов, а также отдельные кыпчакские племена, языковые особенности которых — $n > y$ (*kimsiy/kimsin*), $g > v$ (*dav/dağ*), $s > h$ (*hen/sen*), $y > c$ (*çukı/yıkı*) — можно наблюдать кое-где в Анатолии.

Далее З. Коркмаз исследует специфические черты, характеризующие говоры трех крупных племенных союзов турок-огузов — кыныков, авшаров и салуров, — прослеживаемые и в наше время.

Как явствует из статьи, общими особенностями являются: а) для всех трех говоров — наличие звука $\tilde{n}$, который, в частности, в парадигмах спряжения является показателем 2-го лица ед. числа, а также (регулярное или спорадическое) падение плавных r и l в конце слога и слова; б) для кыныков и авшаров — явление $q > g$ в анлауте (*ğız/kız* 'девочка'); в) для кыныков и салуров — наличие долгих гласных в первом слоге (*ālmak* 'брать'); г) для авшаров и салуров — переход $q > h$ (*bahdı/baktı* 'посмотрел'), а также аффикс $-h$, $-k$ в качестве показателя 1-го лица мн. числа (во всех спрягаемых формах).

Характерными особенностями говора кыныков, расселившихся главным образом в западной и, частично, центральной Анатолии, являются: 1) десингармонизация; 2) переход $m > n$ в аффиксе 1-го лица ед. числа; 3) утрата начального гласного формой будущего времени (*bulcen/bulacağım* 'я найду'); 4) транспозиция вопросительной частицы (*geli miyoñ?/geliyor musun?* 'идешь?').

Говор авшаров, расселившихся в южных (Чукурова), центральных и западных вилайетах Анатолии, характеризуется следующими особенностями: 1) падение согласных $\tilde{n}$, $\tilde{g}$, y в интервокальной позиции (*saa/sana* 'тебе', *köşē/köşeye* 'в угол'); 2) сохранение исконного i в первом слоге; 3) переход $r > l$ (*āliyalak/ağlayarak* 'плача'); 4) форма 1-го лица наст.-буд. времени: *almazım/altmam* 'не беру'; 5) сохранение союза *kine* (*dimiş-kine/demiş ki* 'сказал, что'); 6) наличие деепричастных форм $-ışın$, $-ışın$ и $-ıncıh$, $-ıncık$ (*alışın* и *alıncıh/alınca* 'взяв'); 7) особенности спряжения настоящего и будущего времен: *geliyim/geliyorum* 'прихожу',

¹⁹ Peter B. Golden. *Hazar Dili*. — TDAY. Belleten 1970, стр. 147—157.

²⁰ Zeynep Korkmaz. *Anadolu Ağzlarının Etnik Yapı ile İlişkisi Sorunu*. — Там же, стр. 21—32; та же статья на немецком языке, стр. 33—46.

geliyiñ, geliy, geliyik, geliyiñiz, geliyler; bilecīm/bileceğim 'узнаю'. *bilecīk/bileceğiz* 'узнаём'.

Для говора салуров, расселившихся главным образом в центральной Анатолии, характерны следующие особенности: переходы в начале слова — 1) *b > p* *riçah/bıçak* 'нож'; 2) *ķ > ç* (*çiz/kız*); 3) гуттурализация нёбных гласных под влиянием *g, k, ğ* (*ğuz'/güz* 'осень'); 4) смещение ударения к началу слова (*çekmiş* 'тянул'); 5) наличие формы *-dan, -den* (<*tegin*): *şindiyeden/şimdiye kadar* (или *dek*) 'до настоящего времени'; 6) использование вариантов *-yoru(r)* и кое-где *yörür* в качестве формы 3-го лица настоящего времени: *geliyorur* 'идет'²¹. Параллельно существуют редуцированные варианты: *aliya/aliyor* 'берет', *niruyā/ne-yariyorsun* 'что делаешь?', *görüyom/görüyorum* 'вижу'.

Думается, что наблюдения и выводы автора, хотя они, возможно, в дальнейшем будут уточнены и дополнены, заслуживают внимания специалистов, а сама идея, выраженная в заглавии статьи, представляется плодотворной. Однако выявление этнического состава населения, с одной стороны, и диалектальных особенностей языка — с другой, желательно вести хотя и параллельно, но независимо одно от другого, с тем чтобы путем последующего сличения результатов добиться абсолютной надежности выводов.

Проблемный характер носит статья Д. Аксана «О семантическом поле, связях внутри лексического гнезда и древности тюркской письменности»²². Автор приходит к двум заключениям: 1. «Если какие-то относящиеся к определенному семантическому полю и входящие в данное лексическое гнездо слова, могущие появиться в языке лишь после некоторых других членов (этого же гнезда), зафиксированы в древнейших памятниках данного языка, то этот факт может способствовать определению древности этого языка и времени его перехода в разряд письменных языков»; 2. Появление конкретных понятий предшествует появлению абстрактных.

Второй тезис представляет собой одну из аксиом языкознания. В принципе верен и первый постулат, однако пока нам еще не известен тот «уровень сложности», при достижении которого язык уже не может не быть письменным.

Автор иллюстрирует свои соображения рядом примеров. Если, например, в древнейших памятниках тюркской письменности зафиксированы производные имена и глаголы *adin-, adir-, adra, adril-* и другие, то гораздо раньше должно было появиться и существовать «ядерное» (корневое) слово *ad(-)*, к которому восходят все перечисленные дериваты. Все это представляется бесспорным, однако следовало сделать оговорку, что еще задолго до создания названных памятников глагол *ad-*²³ мог быть мертвым.

Статья Г. Хазай «Турецкие транскрипционные тексты Якаб Харшани-Надь»²⁴ посвящена вопросам исторической фонетики. Автор разби-

²¹ Эта интересная особенность некоторых турецких диалектов впервые была отмечена свыше ста лет тому назад. См.: В. Максимов. Опыт исследования тюркских диалектов в Худавендгаре и Карамани. СПб., 1867, стр. 69 и сл.

²² Doğan Aksan. Kavram Alanı — Kelime Aylesi İlişkileri ve Türk Yazı Dilinin Eskiliği Üzerine. — TDAY. Belleten 1971, стр. 253—262.

²³ Этот глагол, по-видимому, имел значение «шагать», «ступать». См.: Э. В. Севортян. Пробные статьи к «Этимологическому словарю тюркских языков». М., 1956, стр. 33.

²⁴ G. Hazai. Yakab Harsanyi-Nagy'ın Latin Harfleriyle Yazılmış Türkçe Metinleri. — TDAY. Belleten 1971, стр. 47—59.

вает шесть гласных, фигурирующих во втором и последующих слогах турецкого слова, на три группы [1) *a, e*; 2) *i, i*; 3) *u, ü*] и стремится, используя статистический метод, установить степень становления в турецком языке палатальной и лабиальной аттракции в корневых морфемах и в аффиксах на 1672 год, когда был написан «Разговорник» («*Colloquia Familiaria Turcico-Latina*») упомянутого автора. Данные, приводимые Хазаи, говорят о том, что принцип нёбного притяжения в XVII веке в основном выдерживался; лабиальная же аттракция еще не являлась нормой, о чем свидетельствует процент ассимилированных грамматических форм в группах *i* и *u* (32 и 34%).

Отметим, что читать названную статью нелегко, так как автор, по-видимому, в целях экономии места не дал некоторых важных разъяснений: далеко не всегда ясно, почему один аффикс попадает в группу *I*, а другой — в *U*; омонимичные аффиксы (*dür* и *dür*, *ErÜ||Er*, *Er|Ür*, *(E)r/(Ü)r||Ø*, *(E)r/(Ü)r* и т. д.) никак не дифференцированы. Вслед за утверждением, что лабиальная и иллабиальная аттракция (в период, когда писалась книга) постепенно пробивает себе дорогу, приводится следующая табличка: $I \text{ sinifı: } i/i \rightarrow i/i+u/ü = i/u/i/ü$ (и, *mutatis mutandis*, то же по группе *U*)²⁵. По-видимому, высказанную мысль можно было «символизировать» следующим образом: $I \text{ sinifı: } i/i \rightarrow i/u||i/ü - u/ü = i/i$. Или так: $(C)\dot{I}(C)^4 \rightarrow (C)\dot{I}(C)^2$. (У автора цифры имеют обратную последовательность, что мало понятно, поскольку становление лабиальной (и иллабиальной) аттракции вело к уменьшению, а не к увеличению числа позиционных вариантов).

Во второй статье²⁶ Г. Хазаи дает подробную информацию о хранящихся в Берлинском университете им. А. Гумбольдта коллекциях тюркских, иранских и китайских рукописей, вывезенных в свое время из Турфана, и о подготовке их к опубликованию. (До сих пор опубликовано лишь около 20%, правда, наиболее сохранившихся турецких манускриптов).

Две статьи опубликовал и А. Дильчар. В первой он излагает одну из глав истории тюркологии. Речь идет о первой печатной грамматике турецкого языка, изданной в 1612 г. в Лейпциге²⁷, и об ее авторе — крупном полиглоте И. Мегизере, который первым среди европейских ученых стал профессиональным лингвистом-тюркологом и в этом качестве занимал профессорскую кафедру в Лейпцигском университете.

Вторая статья А. Дильчара вполне могла бы увидеть свет и в виде отдельной монографии. Она называется «Грамматика»²⁸ и содержит исчерпывающие сведения, касающиеся этого предмета. В заключение автор перечисляет основные работы (на разных языках) по грамматике турецкого языка.

Упомянутые ниже статьи также носят в основном информационно-описательный характер. Превосходный библиографический список, включающий 368 работ по вопросам турецкой диалектологии, предлагает статья К. Эримера²⁹. Г. Кут дает подробное описание ряда турец-

²⁵ См. стр. 51.

²⁶ G. Hazai. Berlin'de Turfan Yazmaları Üzerinde Çalışmalar. — TDAY. Belleten 1971, стр. 11—20.

²⁷ A. Dilâçar. 1612'de Avrupa'da Yayımlanan İlk Türkçe Gramerinin Özellikleri. — TDAY. Belleten 1970, стр. 197—210.

²⁸ A. Dilâçar. Gramer. — TDAY. Belleten 1971, стр. 83—145.

²⁹ Kayahan Erimer. Anadolu ve Rumeli Ağzıları Üzerinde bir Bibliografya Denemesi. — TDAY. Belleten 1970, стр. 211—236.

ких рукописей, хранящихся в Британском музее³⁰, а Т. Гюленсой рассказывает о рукописях, хранящихся в Вилайетской народной библиотеке г. Бурсы (коллекция Хараçчыоглу)³¹.

Заканчивая обзор, хотелось бы выразить пожелание, чтобы журнал «Советская тюркология» публиковал рецензии на крупные тюркологические и общезыковедческие работы, издающиеся в Турции, в том числе на грамматики турецкого языка М. Эргина, Х. Эдискуна, Т. Н. Генджана³², монографии А. Дильячара «Общий взгляд на тюркские языки» и «Язык, языки и языкознание»³³, «Словарь древнеуйгурского языка» А. Джафероглу³⁴ и первый том его упоминавшегося выше труда «История тюркских языков».

³⁰ *Güney Kut (Alpay)*. British Museum'daki Bazı Önemli Türkçe Yazmalar. — TDAY. Belleten 1971, стр. 209—230.

³¹ *Dr. Tuncer Gülensoy*. Bursa Haraççıoğlu Kitaplığında Bulunan Türkçe Yazmalar Üzerine Notlar. — Там же, стр. 231—246.

³² *Muharrem Ergin*. Türk Dil Bilgisi, İstanbul, 1962; *Haydar Ediskun*. Yeni Türk Dilbilgisi, İstanbul, 1963; *Tahir Nejat Gencan*. Dilbilgisi, İstanbul, 1966.

³³ *A. Dilâçar*. Türk Diline Genel bir Bakış. TDK yayınları, № 227, 1964; *его же*. Dil, Diller ve Dilcilik. TDK yayınları, № 263, 1968.

³⁴ *Ahmet Caferoğlu*. Eski Uygur Türkçesi Sözlüğü. İstanbul, 1968.

РЕЦЕНЗИИ

SIR GERARD CLAUSON. AN ETYMOLOGICAL DICTIONARY OF PRE-THIRTEENTH-CENTURY TURKISH*

Словарь, составленный Дж. Клосоном, содержит лексические материалы и фразеологию примерно тех же источников, что и словарь, подготовленный и изданный в 1969 г. группой ленинградских тюркологов¹. Однако словарь Дж. Клосона существенно отличается от последнего по типу, структуре словарных статей, расположению слов.

Дж. Клосон называет свой словарь этимологическим и включает в него слова, существовавшие в тюркских языках приблизительно до XIII в., то есть до того периода, когда начался мощный приток главным образом иранских, арабских и монгольских заимствований.

Главнейшие задачи словаря: раскрытие морфологической структуры производных слов, установление первоначальных значений и, по мере возможности, прослеживание их эволюции на приводимых в хронологическом порядке цитатах из источников.

Сложной и несколько громоздкой, на первый взгляд, представляется система расположения слов. Однако она вполне соответствует основному замыслу составителя — ввести в рамки обычного исторического словаря элементы этимологической разработки. И поэтому эта система довольно легко усваивается, так что даже при отсутствии индекса (издание которого, впрочем, весьма желательно) пользование словарем не представляет больших трудностей.

Поскольку данная заметка является скорее информационным сообщением о словаре, нежели рецензией, мы считаем необходимым описать систему расположения слов более подробно.

Все слова, вошедшие в словарь, разбиты на 14 групп, различающихся начальными звуками. Каждая из этих групп разделена на подгруппы: первая подгруппа любой группы состоит из односложных слов, оканчивающихся на гласный; расположение остальных подгрупп находится в зависимо-

сти от характера согласных, последовательность которых устанавливается Дж. Клосоном. Для классификации используются наиболее существенные или важные звуки (significant sounds), например, гласные учитываются в начале и в конце слов, другие гласные влияют лишь на порядок слов в подгруппах.

Подгруппы зашифрованы одной, двумя или тремя кодовыми буквами, обозначающими соответственно следующие звуки:

- A) гласные (E, если один из звуков постпалатальный² *g* или *k*)
- B) лабиальные *b, p, v, (f), (w)*
- C) дентально-палатальные аффрикаты *c, ʃ, (j)*
- D) дентальные *d, ḍ, t*
- G) велярные *ǰ, k, x*
- G) постпалатальные *g, k, (h)*
- L) *l*
- M) *m*
- N) *n, ŋ, ñ*
- R) *r*
- S) *s*
- ʃ) *ʃ*
- Y) *y*
- Z) *z*.

Внутри подгрупп выделены разделы, обозначаемые сокращенно:

- 1) Mon. — monosyllables (односложные слова);
  - 2) Mon. V. — monosyllabic verbs (односложные глаголы);
  - 3) Dis. — disyllables (двухсложные слова);
  - 4) Dis. V. — disyllabic verbs (двухсложные глаголы);
  - 5) Tris. — более протяженные слова;
  - 6) Tris. V. — более протяженные глаголы.
- Приведем примеры, иллюстрирующие различные варианты использования кодовых обозначений и помет в корпусе словаря: Mon. A. — односложное слово, состоящее

* Oxford, 1972, 989 стр. + XLVII.

¹ «Древнетюркский словарь». Л., 1969.

² Здесь и ниже воспроизводятся термины составителя.

из одного гласного, например, *u*:³ 'сон'; Моп. V. A- — односложный глагол, состоящий из одного гласного, ср. *u*:- 'мочь', 'быть в состоянии'; Dis. BLN — двухсложное слово с тремя согласными, которые зашифрованы буквами B, L и N, например: *beliñ* 'страх', 'ужас'.

Что касается структуры словарных статей, то здесь обращают на себя внимание дополнительные обозначения перед некоторыми словами:

C — compound (сложное или составное слово);

D — derived (производное слово);

F — foreign (заимствование);

PU — pronunciation uncertain (слово с неуточненным произношением);

S — secondary (вторичная форма);

VU — vocalization uncertain (слово с неуточненной огласовкой);

E — erroneous (ошибочно выделенное слово).

Своеобразие структуры словарных статей проявляется также в наличии указаний на языковую принадлежность источников и время (resp. век) их составления, например, Хак. XI *er açiktir*: в цитировании оригинального (арабского, персидского) текста толкований и переводов тюркских слов и фраз, в привлечении материалов современных тюркских языков.

В целом словарная статья выглядит следующим образом (стр. 374):

Tris. BSR

D *basarlıg* Нар. leg.; P. N./A. Ir. *basar*. Хак. XI *basarlıg ta:g cabal dü tım* 'a mountain with garlic on it' Kaş. I₄₉₄ (примечания рецензента: D — Derived, Нар. leg. — Нар. legomenon. «occurring only once», P. N./A. — Possessive Noun/Adjective, fr. — from).

Специальный раздел посвящен краткому описанию источников; здесь же называются словари современных тюркских, монгольских и других языков, а также опубликованные исследования — монографии и статьи.

Заключительную часть введения составляет список сокращений и перечень суффиксов и «окончаний».

Словарь Дж. Клосона — значительный вклад в изучение тюркских языков, и ознакомление с ним широкого круга специалистов, несомненно, будет способствовать дальнейшему развитию тюркологии. Составление толковых словарей современных тюркских языков, исторических и этимологических словарей, огромная по своим масштабам диалектологическая работа, интенсивное изучение фонетики и морфологии — важные предпосылки для значительного углубления тюркологических исследований и достижения тюркологией уровня классической индоевропеистики.

Высоко оценивая достоинства рецензируемого словаря как свода лексических мате-

риалов древних тюркских языков, пособия для исторического изучения тюркской лексики и как своеобразной основы для этимологических разысканий, мы не можем не выразить своего восхищения поразительным трудолюбием составителя, строгой целенаправленностью его исследований и неослабевающим интересом к важнейшим проблемам тюркологии.

Будучи по преимуществу компаративистом, Дж. Клосон связывает изучение древнетюркской фонетики, морфологии и лексики с задачей создания сравнительной грамматики тюркских языков и выделения основного лексического фонда, а также с необходимостью окончательной проверки так называемой алтайской гипотезы. Мы полагаем, что именно поэтому он уделяет так много внимания разработке технического аппарата словаря и, в частности, выбору помет, систематизации структурных типов слова и расположению словарных статей.

Разумеется, излишне говорить о целесообразности изменения или уточнения толкований отдельных слов. Никакой исторический или этимологический словарь не может быть идеальным с этой точки зрения: изучение письменных памятников происходит постоянно, и по мере увеличения объема знаний и расширения круга источников вносятся те или иные коррективы в их чтение и переводы. Следует указать лишь на недостаточную информацию о существующих в специальной литературе различных чтениях и вариантах перевода отдельных слов. И хотя такая информация служит главным образом для предупреждения случаев заведомо ошибочных чтений и переводов, она все же совершенно необходима.

Несколько замечаний по поводу морфологического указателя. Вызывает сомнение правомерность включения в него таких суффиксов, как *-ra/-re*: («наречия места»), *-ru/-rü*: («суффикс, обозначающий направление»). Эти суффиксы появились в грамматических работах вследствие неправильного анализа морфологической структуры наречий типа *içre, kenrü, yaçarı*. Неясно также, какую цель преследует выделение у группы морфологически нечленимых имен «окончания» z.

Другие наши замечания относятся к особенностям передачи слов из текстов, написанных арабскими буквами и рунами.

Различение в тюркских словах долгих и кратких гласных в зависимости от наличия или отсутствия их обозначения в текстах с арабской графикой не отражает действительного положения вещей. В словах *تولوب*

(Юг С₇₄)⁴, *توشوب* (Юг С₁₇₈), *يول* и *باردی* (Юг С₁₈₀), *ساتی* (Юг С₂₃₈), *توتوب* (Юг С₂₇₄), *ياتی بان* (Юг С₂₇₅), *تالیب*

⁴ R. R. Arat. Edib Ahmet b. Mahmud Jükneki: Atebetü' l-hakayik. Istanbul, 1951.

³ Двоеточие справа — знак долготы.

С₂₇₆) гласные всюду обозначены. И, тем не менее, нет никаких оснований считать, что во всех этих словах (*tolup* 'наполнившись', *tüşüp* 'опустившись', 'остановившись', *yol* 'дорога', *tutup* 'держа', *sattu* 'продал', *bardi* 'отправился', *kalip* 'оставшись', *yatiban* 'лежа') все гласные были долгими. Ведь практически почти каждое тюркское слово встречается где-нибудь в тексте с выписанными гласными, ср. *بردی berdi* 'дал' (Юг С₂₄₇) и

в той же строке: *بیر ber* 'дай'. Это хорошо понимает сам Дж. Клосон. Однако, соблюдая принцип транслитерации, он указывает наряду с фактическими долготами (двойное обозначение гласных — у Махмуда Кашгари, в памятниках уйгурской письменности) также этимологические и чисто «графические».

Сказанное выше относится и к руническим надписям. Для последних характерно наличие особых «орфографических» правил, подробно описанных еще В. В. Радловым и В. Томсеном. Напомним вместе с тем, что не все рунические надписи в этом смысле одинаковы. Известны случаи, когда вопреки общим правилам оказываются обозначены всеми буквами все лабиализованные гласные, как, например, в надписи из Кежээлиг-Хову (№ 45).

Смешение «графических» долгот с фактическими и этимологическими создает при пользовании словарем определенные трудно-

сти для неспециалистов. Впрочем, и некоторые специалисты-тюркологи воспринимают «графические» долготы как фактические⁵.

Трудно согласиться с разграничением древних тюркских языков, устанавливаемым Дж. Клосоном: тюркю, уйгурский, древнекиргизский, хаканийский, аргу, чигильский, ганджакский (геср. канчакский), огузский, хорезмский, кыпчакский.

При желании в словаре нетрудно отыскать и другие погрешности, но, как заметил сам Дж. Клосон, они вполне естественны, и не случайно еще во времена Махмуда Кашгари была в ходу следующая поговорка: «не имеющий промаха стрелок — дождь, не ошибающийся мудрец — эхо».

Достоинства словаря Дж. Клосона столь велики, что указанные выше погрешности их умалить не могут. Этот словарь — подлинное событие в нашей нестарейшей науке, и можно не сомневаться, что он будет высоко оценен всеми тюркологами.

А. М. Щербак

⁵ См.: О. N. Tuna. Köktürk yazılı belgeleğinde ve uygurcada uzun vokaller. — «Türk dili araştırmaları yillığı. Belleten». Ankara, 1960, стр. 213—282; Т. Tekin. Determination of middle-turkic long vowels through 'Arüd. — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», XX, 2. Budapest, 1967, стр. 151—170.

Г. Ю. АЛИЕВ. БАЙРАМ-ХАН, ТУРКМЕНСКИЙ ПОЭТ*

Принято считать, что история туркменской литературы начинается с творчества Давлет-Мамеда Азада и его гениального ученика Махтумкули.

Появлению замечательных поэтических произведений Махтумкули предшествовало творчество целой плеяды поэтов и писателей, создававших свои произведения на том же языке. Этот язык они совершенствовали, обогащали поэтическими традициями, получившими яркое воплощение и развитие в поэзии Махтумкули. В истории туркменской литературы следует различать два параллельных направления: одни авторы создавали свои произведения на общепринятом при Тимуридах в Средней Азии литературном языке — чагатайском, другие писали на отличающемся определенными диалектальными особенностями туркменском языке. Исторические факты свидетельствуют о том, что в тот период на чагатайском языке

писали представители многих народов и племен, заселявших эту территорию.

Дошедшие до нас отдельные произведения туркменских поэтов убедительно говорят о том, что туркменский литературный язык начал формироваться еще в XVI в. Однако этот период все еще остается неизученным. В многочисленных государственных и частных книгохранилищах и архивах Египта, Сирии, Ирана, Индии, Пакистана, Афганистана, Турции и в некоторых других странах Ближнего и Среднего Востока хранится значительное количество рукописей, написанных как на чисто чагатайском языке, так и на смешанном чагатайском с вкраплениями туркменских и кыпчакских элементов. Среди них могут быть обнаружены и произведения, написанные на чисто туркменском языке, ибо невозможно предположить, что поэты-туркмены ограничивались только чагатайским и ничего не создали на своем родном туркменском языке. Поэтому неотложной задачей советских тюркологов, и в первую очередь работников Академии наук

* Издательство «Туркменистан». Ашхабад, 1969.

Туркмении и Туркменского государственного университета, является исследование памятников, созданных до Махтумкули и относящихся к периоду правления тимуридов и Великих Моголов, османских турок и египетских мамлюков. К числу таких памятников и относится поэтическое наследие Байрам-хана.

Творчество Байрам-хана, видного полководца, государственного деятеля, дипломата, жившего при дворе Великого Могола Хумаюна, воспитателя и советника императора Акбара, у нас в стране стало известно совсем недавно. Первое сообщение о замечательном туркменском поэте было сделано старшим научным сотрудником Института востоковедения Академии наук СССР Г. Ю. Алиевым. Вскоре после этого в 1969 г. он издал на русском языке исследование, посвященное жизни и творчеству Байрам-хана. — «Байрам-хан, туркменский поэт». В 1970 г. был опубликован сборник избранных произведений из тюркоязычного дивана Байрам-хана под редакцией Б. Ахундова, с обстоятельным предисловием Мэти Косаева и Рухы Алыева¹.

В исследовании Г. Ю. Алиева творчество Байрам-хана прослеживается на фоне исторической обстановки и культурной жизни Индии XVI в. Последняя (3-я) глава посвящена персидскому и туркменскому дивану поэта.

Автор монографии продолжительное время занимался изучением персоязычной литературы Индии периода правления Великих Моголов. При этом ему на основании различных источников удалось установить, что среди поэтов той эпохи было немало туркмен, прибывших в Индию из Средней Азии, Ирана и Закавказья. Эти поэты писали как на общепринятом тогда чагатайском языке, так и на государственном языке империи — персидском. В результате кропотливого труда Г. Ю. Алиеву удалось установить имена некоторых поэтов-туркмен, разыскать значительное количество произведений этих поэтов, ознакомиться с их творчеством, в том числе с поэзией Байрам-хана. Рецензируемая работа Г. Ю. Алиева написана на основе изучения большого количества первоисточников и трудов о литературе Индии, Ирана и Средней Азии XVI в. на языках персидском, арабском, урду и на западноевропейских языках.

В кратком введении дается критический обзор литературы. Причем автор особо выделяет изданный в 1927—1935 гг. в Калькутте трехтомный труд придворного чиновника императора Акбара — Низамеддина Ахмеда Гератского «Табакат-е Акбари», посвященный описанию периода правления Великих Моголов. Первое упоминание о поэтическом творчестве Байрам-хана встречается в III томе «Мунтахаб ат-Таварих» индийского ученого Абдулкадыра Бадаони (1541—1615). Бадаони отмечает высокий

профессиональный уровень стихов поэта, написанных на туркменском языке. Хотя о Байрам-хане как государственном деятеле в Европе писали еще в 1631 г., к его поэтическому наследию впервые в ориенталистике обратился английский востоковед Г. Блочман. Он же опубликовал ряд материалов о сыне поэта Абдурахиме. Статьи Г. Бевериджа и Базми Ансари в «Энциклопедии ислама» относятся уже к нашему времени. Как сообщает автор рецензируемого исследования, ценные сведения о поэзии Байрам-хана имеются в труде индийского профессора Хакима Али Каусара Чандпури. Однако, не владея тюрки, Чандпури судит о поэтическом таланте Байрам-хана лишь по его персидским стихам. Он подчеркивает жанровое и тематическое многообразие поэзии Байрам-хана, ее связи с классической литературой, приводя в пример *касыды*, *газели* и *рибаи* поэта.

Г. Ю. Алиев указывает на уникальность рукописей произведений Байрам-хана. Единственный известный список обоих диванов поэта был обнаружен в 1909 г. индийским ученым Харинатом Де в одной из частных коллекций. Этот список опубликовал в 1910 г. в Калькутте английский востоковед Денисон Росс. Причем издатель дополнил список рядом стихотворений, обнаруженных им самим. Другой, также не полный список произведений поэта был включен в «Маасир-е Рахими» придворного историко-графа Абдурахима, сына Байрам-хана.

В настоящее время копии всех рукописей находятся у Г. Ю. Алиева, опознавшего и дополнившего диваны поэта рядом до сих пор не известных его стихов. Г. Ю. Алиевым готовится к печати академическое издание диванов Байрам-хана.

С интересом читается глава о литературной и культурной жизни Индии XVI в., когда Гумаюн, сын и преемник Бабура с помощью талантливого полководца Мухаммеда Байрама восстановил прежние границы своей пошатнувшейся империи. Именно в это время достигли нового расцвета наука, литература и искусство, развивавшиеся параллельно на фарси и тюрки. При индийском императоре, несмотря на его тюркское происхождение, господствующее положение в литературной жизни начинают приобретать хинди и фарси. Наряду с излюбленными жанрами поэтов, писавших на тюрки, фарси и урду — *касыдой* и *газелью*, получают развитие и такие интересные жанры, как *таркиб-банд* и *тарджи-банд*. Появились также сюжетные произведения — *саки-наме* (поэма кравого) и *фатх-наме* (поэма побед). Религиозные мотивы вытесняются в поэзии социальные темы. Литературная жизнь концентрируется вокруг Байрам-хана, часто проводившего поэтические меджлисы.

В исследовании Г. Ю. Алиева сообщаются интересные сведения о поэтическом наследии императора Хумаюна. Этими сведениями мы обязаны профессору Алигархского

¹ Байрам-хан. Сайланан эсерлер. Ашгабад, 1970.

университета (Индия) Хади Хасану, сравнительно недавно обнаружившему уникальный список персидских *рубаи* Хумаюна. Великолепные стихи Хумаюна написаны под сильным влиянием Хафиза. Некоторые из них проникнуты суфийской философией. Примечательно, что ряд произведений правителя адресован его полководцу Байрам-хану.

Большой интерес представляет сообщение автора о другом замечательном поэте, Йолкулы, происходившем из туркменского племени Шамлу и писавшем под псевдонимами Аниси и Джахи. Йолкулы, ранее живший в Герате, фактически являлся воспитанником гератской поэтической школы. До нас дошли только персидские стихи этого поэта. Анализируя касыды, газели, рубан, мастерски написанные таркиб-банды и тарджи-банды Йолкулы, Г. Ю. Алиев отмечает, что они свидетельствуют о ярком и самобытном таланте поэта, творчество которого характеризуется изысканностью и своеобразием формы. Стихи этого образованнейшего поэта говорят о его широкой эрудиции. Его перу принадлежит также поэма-месневи «Махмуд и Аяз».

Наряду с другими поэтами XVI в., жившими в Индии, автор указывает и на текинца Молла Шейдана, писавшего свои стихи на персидском и тюркском языках. Сын Байрам-хана Абдурахим перевел мемуары Бабура на персидский язык для его внука, уже не владевшего тюрки.

Путем сравнительного анализа различных источников автор установил, что Байрам-хан родился между 1500—1505 гг. в Бадахшане и происходил из туркменского племени бахарлу. Получив образование в Балхе, он в совершенстве овладел персидским и арабским языками. Еще при жизни Бабура Байрам-хан вступает в дружину принца Хумаюна и впоследствии становится его ближайшим помощником, советником и крупнейшим военачальником и дипломатом (ему присваивается титул *хан-ханана*). Когда Байрам-хан стал губернатором Кандагара, все племя бахарлу переселилось в эту область. Многие стихи поэта были написаны в этот период. Позднее он назначается воспитателем наследного принца Акбара. После внезапной смерти Хумаюна Байрам-хан как опекун несовершеннолетнего Акбара в течение четырех лет правил империей. После восшествия на престол Акбара Байрам-хан долгое время оставался его ближайшим советником. Акбар, обращаясь к поэту, называл его не иначе как «Яр-е вафадар», или «Хан-баба». Женитьба Байрам-хана на принцессе Салиме Султан-бегум, внучке Бабура, была злонамеренно превратно истолкована завистниками. Козни врагов привели сперва к опале полководца-поэта, а затем и к его трагической смерти.

Необходимо отметить, что Г. Ю. Алиеву во время его поездок в Индию удалось соб-

рать и некоторые разрозненные стихи Байрам-хана. По предположению автора, эти произведения составляют лишь незначительную часть написанного поэтом. Судя по некоторым историческим данным, Байрам-хан был и мастером прозы. К сожалению, его прозаические произведения пока не обнаружены. По утверждению Г. Ю. Алиева, Байрам-хан стоял во главе как персоязычной, так и тюркоязычной поэтических школ. На поэтических меджлисах Байрам-хан пользовался непререкаемым авторитетом.

Рецензируемое исследование — первая специальная работа о творчестве Байрам-хана — содержит множество ценных сведений о литературной жизни Индии периода правления Великих Моголов. О творчестве Байрам-хана до сих пор было известно лишь из упомянутой публикации Д. Росса. Автор же рецензируемой работы приводит неизвестные английскому ориенталисту стихи поэта, взятые им из различных источников. На основе изучения стихов Байрам-хана и многочисленных восточных рукописей Г. Ю. Алиев установил, что некоторые приписываемые поэту стихи принадлежат перу других авторов, в частности Хумаюну. По сообщению Г. Ю. Алиева, из поэтического наследия Байрам-хана в настоящее время известны лишь 1940 строк. Историк Нихаванди утверждал, что он располагал 4000 строк. Г. Ю. Алиев считает, что и это число не является полным, так как оно не включает произведений, написанных Байрам-ханом до приезда в Индию.

Анализируя персидский диван Байрам-хана, Г. Ю. Алиев подробно останавливается на его пронизанной духом ортодоксального мусульманского вероучения касыде и на панегирических касыдах, посвященных Хумаюну и Акбару. Автор убедительно показывает, что поэт, используя богатейшие традиции и формальные приемы классической персидской поэзии, создает оригинальные произведения в труднейшем жанре восточной поэзии — касыды. Газели поэта, несмотря на их завышенный стиль, проникнуты глубоким лиризмом, искренним чувством и отличаются простотой языка. Говоря о ритмической структуре газелей Байрам-хана, автор отмечает их совершенство, во многом способствовавшее широкой популяризации его стихов. Светское содержание, яркость образов, точность и лаконизм языка, ритмическое богатство и мелодичность — выгодно отличают персидские стихи Байрам-хана от произведений других поэтов — его современников.

Диван завершается замечательным *рубаи-киг'а* и *фардами*.

Исследуя туркменский диван поэта, Г. Ю. Алиев приходит к выводу, что по тематике и художественным особенностям он во многом близок к персидскому. По внешнему же его объему туркменский диван меньше персидского. Как свидетельствует Нихаванди, еще Бабур интересовался замечательными стихами молодого Байрама, чи-

тавшего их на придворных литературных вечерах на родном языке.

Туркменский диван поэта также включает касыды, газели, рубай, фарди. Сопоставляя касыды Байрам-хана с касыдами Навои и Насими, Г. Ю. Алиев устанавливает большое влияние этих великих поэтов на творчество Байрам-хана. Автор отмечает высокие художественные достоинства созданных поэтом од. Однако вендом творчества Байрам-хана являются его тюркоязычные газели. Если в касыдах поэта прослеживается влияние суфийского пантеизма, то в его газелях, светских по духу и содержанию, ярко проявляется влияние тюркской народной поэзии.

Тюркоязычные газели Байрам-хана, пишет автор, и его рубай выдержаны в духе народных песен, что придает им выразительность и неповторимое изящество. Все произведения Байрам-хана написаны размером *аруз*, однако в газелях он часто обращается к размерам, созвучным по ритмике тюркским народным песням, в частности, близким по структуре к народной песне *чанги* и размеру *рамаль*, непревзойденным мастером которого был Хусанн Байкара. Газели Байрам-хана, утверждает Г. Ю. Алиев, отличаются своей музыкальностью, аллитерацией, удачным рефреном. Наряду с глубоким лиризмом газелям Байрам-хана присущи конкретность и реализм содержания. Стиль его рубай также весьма прост и приближается к стилю тюркских народных *туюгов* и *теране*.

Глубина мысли, оригинальность и свежесть образов, совершенство формы, свойственные творчеству Байрам-хана, позволили ему занять выдающееся место в тюркоязычной литературе первой половины XVI в.

Поэтическое творчество Мухаммеда Байрам-хана, говорит далее Г. Ю. Алиев, относится к периоду зарождения туркменской литературы, представляя собой одну из ярких ее страниц.

Остановимся на некоторых неточностях и отдельных недостатках рецензируемой работы.

Характеризуя язык произведений Байрам-хана, автор употребляет термины: *тюркй*, *джагагайтский*, так называемый *джагагайтский* (в данном случае — узбекский, туркменский). Подобная непоследовательность в терминологии недопустима, особенно при исследовании исторических литературных памятников. На стр. 8 введения Г. Ю. Алиев говорит о туркменских стихах Байрам-хана. В дальнейшем неоднократно говорит о произведениях поэта — диване, касыде, газели и т. д., написанных на туркменском языке; на 19 и 58 страницах, имея в виду поэзию периода Великих Моголов, автор употребляет термин *тюркй*, то есть *тюркй* (чагагайтский); на стр. 29 он пишет о «тюркй», что это «так называемый джагагайтский»; на стр. 30, говоря о ча-

гагайтском языке, в скобках пишет «в данном случае узбекский»; на стр. 32, упоминая творчество туркмена-текинца Молла Шейдана, говорит о его стихах на «тюркй». В заключение о литературном наследии Байрам-хана он пишет как о написанном на «тюркй» (чагагайтском) и тут же употребляет выражение «туркменские газели» и, наконец, на стр. 94, говоря о туркменских поэтах XVI в., заброшенных судьбой в Индию, в том числе и о Байрам-хане, пишет, что они продолжали творить на тюркском языке².

Весь этот терминологический разнобой вводит читателя в заблуждение. На каком же все-таки языке писал поэт Байрам-хан? Термин *тюркй*, вернее *тюркй*, очень емкий по смыслу. К *тюркй* относятся и чагагайтский, и туркменский, и узбекский языки. Если язык произведений Байрам-хана полностью совпадает с вполне оформившимся в тот период литературным языком, то ясно, что поэт писал свои стихи на чагагайтском языке. Если же его язык отличается от общепринятого литературного языка, как, например, у Махтумкули, то это, конечно, туркменский.

В настоящее время некоторые исследователи, говоря о языке произведений, созданных предками современных узбеков в улусе Чагатая, а в дальнейшем в Мавераннахре, Хорасане и в империи Великих Моголов без участия также предков современных туркмен, таджиков и других, пользуются термином *староузбекский*. Поэтому употребление автором термина «узбекский» не совсем понятно.

В связи с этим возникает вопрос о принадлежности к той или иной литературе творчества поэта, пишущего не на родном национальном языке, а на общепринятом литературном, или на языке народа, среди которого он живет. Если Байрам-хан, туркмен по происхождению, писал на общелитературном чагагайтском языке, то следует ли считать его стихи туркменскими, или все же чагагайтскими?

Подобный вопрос возникает в отношении не только творчества Байрам-хана. Не решая его в целом, мы все же склонны считать, что стихи Байрам-хана, написанные на языке, не отличающемся от чагагайтского, должны быть, по-видимому, отнесены к литературе, созданной на этом языке. Следовательно, предки современных туркмен в свое время внесли определенный вклад в литературу на чагагайтском языке, способствуя тем самым развитию чагагайтского литературного языка, и туркменский народ, таким образом, является одним из наследников этого богатого культурного достояния.

В таком случае Г. Ю. Алиеву не было необходимо транскрибировать цитаты из

² В рецензии термины автора приводятся в сокращении.

литературного памятника, основываясь на нормах произношения современного туркменского языка.

Некоторые из затронутых мною в рецензии вопросов непосредственного отношения к серьезному и содержательному исследованию Г. Ю. Алиева не имеют. Они касаются общих проблем тюркологии и требуют дальнейшего обсуждения и разрешения.

В заключение хочется выразить пожелание, чтобы Г. Ю. Алиев подготовил и издал исследование, посвященное поэтическому наследию и других тюркоязычных поэтов периода правления Великих Моголов в Индии. Очень хотелось бы видеть также академическое издание произведений Байрамхана в оригинале.

Э. Н. Наджиз

Н. ИШБУЛАТОВ. СОВРЕМЕННЫЙ БАШКИРСКИЙ ЯЗЫК (СИСТЕМА НОРМ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА)*

Рецензируемая работа Н. Х. Ишбулатова посвящена актуальной для башкирского языкознания проблеме становления, совершенствования и упорядочения норм современного башкирского литературного языка.

Первый обстоятельный теоретический анализ этой проблемы был сделан А. А. Юлдашевым, который совершенно правильно указал, что «становление единых норм башкирского национального языка началось, по существу, только в 30-е годы нашего столетия, после образования Башкирской АССР»¹. А. А. Юлдашев внес ясность в определение таких категорий, как «письменная и устная разновидности башкирского языка», «народно-разговорная форма башкирского языка», «территориальные диалекты» и так далее, а также дал характеристику основных особенностей северного и южного диалектов, легших в основу башкирского литературного языка.

В своей диссертационной работе В. Ш. Псянчин внимательно проследил пути формирования башкирского литературного языка².

Задача же рецензируемой монографии четко сформулирована автором в предисловии: «В этой книге нормы литературного языка анализируются в сопоставлении с фонетическими, орфоэпическими, орфографическими, лексическими и грамматическими нормами общенародного языка и его диалектов».

Книга состоит из следующих частей: 1) Башкирский литературный язык и система его норм (стр. 5—47); 2) Фонетика (стр. 48—107) 3) Морфология (стр. 108—143).

В первой части книги автор подробно анализирует систему норм современного башкирского литературного языка, совершенно справедливо утверждая, что создание и развитие письменности на родном языке сыграло решающую роль в нормализации письменного литературного языка. Что касается устной формы башкирского литературного языка, то она, будучи основанной на нормах общенародного языка, окончательно оформилась еще в XV—XVI вв. Действительно, как указывает Дж. Г. Киекбаев, «язык героических эпосов, кубаиров, легенд, классических народных песен и других жанров устного народного творчества был отработан и отшлифован талантливыми мастерами слова — народными сэзнами, исполнителями песен. Этот язык — язык произведений фольклора — был понятен основной массе башкирского народа»³.

В этой же части монографии рассматриваются орфографические и орфоэпические нормы башкирского литературного языка.

Автор указывает на некоторые недостатки в существующем литературном правописании. По его мнению, прежде всего следует унифицировать написание сложных слов, решить вопросы орфографии отдельных словозменительных аффиксов, а также некоторых заимствованных слов.

* Н. Ишбулатов. Хазерге башкорт теле (эзэби телдең нормалар системаһы). Өфө, 1972, 143 стр.

¹ А. А. Юлдашев. Вопросы формирования единых норм башкирского национального языка. — В сб.: «Вопросы формирования и развития национальных языков». М., 1960, стр. 274. См. также *его же*: Башкирский язык. — В сб.: «Младописьменные языки народов СССР». М.—Л., 1959, стр. 56—72; *его же*. Башкирский язык. — В кн.: «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Туркские, финно-угорские и монгольские языки». М., 1969, стр. 111—168; *его же*. Башкирский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. II. Туркские языки. М., 1966, стр. 173—194.

² В. Ш. Псянчин. История формирования башкирского литературного письменного языка. Автореф. канд. дисс. Казань, 1965.

³ Дж. Г. Киекбаев. Лексика и фразеология башкирского языка (на башкирском языке). Уфа, 1966, стр. 15 и сл.

Вопросы орфоэпии башкирского языка и нормы литературного произношения с очерчивающей полнотой были разработаны Дж. Г. Киекбаевым⁴. Однако в речевом общении отмечается большое количество отклонений от правил орфоэпии. Автор монографии подчеркивает, что критерием при определении норм литературного произношения должны быть нормы общепринятого языка.

Процесс стабилизации лексических норм языка, по мнению автора, длителен. Причина этого — в относительной незащищенности лексического уровня языка от влияний извне и наличии в языке множества диалектных синонимов. Например, лексема епәлек 'боярышник' в различных говорах башкирского языка имеет следующие синонимы-дублиеты: едәй, едемеш, едем, әбеј емеше, бед аҫыу, дунала, енете, ене тел, төлкө емеше, камураш, камуғлауык, мәмеш кәк и др.; göljemeš 'шиповник' — älmogon, etmogon, degänäk емеше и т. п.

Второй раздел первой части книги посвящен описанию диалектов и говоров башкирского языка. Следует отметить, что диалекты башкирского языка в последние годы изучаются весьма интенсивно, и в настоящее время башкирское языковедение наряду с капитальными трудами Дж. Г. Киекбаева, А. А. Юлдашева, Т. Баншева располагает подробным описанием целого ряда говоров. Мы имеем в виду работы Н. Х. Ишбулатова, Т. М. Гарипова, Н. Х. Максумовой, С. Ф. Миржановой, Х. Г. Юсупова, У. М. Яруллиной и других.

Н. Х. Ишбулатов считает, что башкирские говоры в соответствии с их специфическими особенностями целесообразно разделить на три группы, а именно: 1) северо-восточную, 2) юго-восточную и 3) среднюю.

Автор отмечает, что употребление звуков *h*, *θ*, *б* является одним из признаков, помогающих определить границы тех или иных говоров. Например, в демско-караидельском говоре вместо *h* повсеместно употребляется *θ*, в кизильском же говоре, напротив, вместо *θ* в интервокальном положении систематически выступает *h*. Н. Х. Ишбулатов указывает также на специфические языковые явления, свойственные только определенным говорам. Так, например, для среднего говора характерно употребление словоформ с диссимилятивными звуко сочетаниями *pt*, *qt*, *ptk*, *ptk* и т. д.

Характеризуя морфологические особенности говоров южного диалекта, Н. Х. Ишбулатов отмечает следующее: в говорах и подговорах имеется специальная форма 1-го лица мн. числа повелительного наклонения, употребляющаяся при обращении к коллективу людей с призывом совершить какое-либо действие: *al-ajuk-lar*, *al-ajuk-lar-u-ud*, *al-ajuu-ud* 'давайте возьмем'. Как видно из примеров, здесь наблюдается плеонастиче-

ское использование аффиксов множественного числа *-k*, *-lar*, *-u*, встречающееся также в формах прошедшего очевидного времени с тем же значением призыва к совершению действия: *kajttu-k-lar* 'давайте пойдем', *aldy-k-lar* 'давайте возьмем'.

Указательные и личные местоимения в дательном-направительном падеже в южном диалекте, в отличие от литературного языка, имеют окончания *-пуға*, *-пеңә*: *mineңä*, *hineңä*, *anuға*, *munuға*, *şunuға*, *tegeneңä*, *oşonuға*. В говорах и подговорах восточного диалекта местоимения данного разряда имеют окончания *-пуға*, *-pegä*, например: *minegä* вместо *mineңä*; *anuuға* вместо *anuға*; *munuuға* вместо *munuға*; *oşonuға* вместо *oşonuға* и т. д.

Весьма важные сведения содержатся в разделе «Отношение башкирского языка и его диалектов к другим тюркским языкам». Как известно, среди кыпчакских языков наиболее близки к башкирскому казахский и татарский. Особенно интересны наблюдения автора по выявлению как общих или сходных черт, так и различий между татарским и башкирским языками, с одной стороны, и между башкирским и казахским — с другой. Так, например, в конце слова и слога вместо *s*, употребляющегося в других тюркских языках, в башкирском языке произносятся интердентальный *θ*: тат. *basu*, башк. *baθu*: 'давить, наступать', *asuu*—*aθuu* 'вешать', *östäl*—*öθtäl* 'стол' и т. д. В начале слова и слога в диалектах башкирского языка употребляется *h* вместо *s* в других тюркских языках: *haru*—*saru* 'желтый', *bulha*—*bulsa* 'если будет', *habu*—*sabu* 'мыло', *he*—*sez* 'вы'. В этом же разделе данные восточного диалекта башкирского языка сравниваются с фактами казахского языка. В говорах восточного диалекта в начале слова, как и в казахском языке, вместо *j* употребляется *ž*, например: башк. вост. диал. *žuju*, *žite*, *žem*; каз. *žujau*, *žeti*, *žem*; ср. башк. лит. *jjuu* 'собирать', *jete* 'семь', *jem* 'корм' и т. д.

Автор приводит также обширный перечень слов, общих для башкирского и финно-угорских языков.

Вторая часть книги посвящена фонетическим нормам литературного и общепринятого языка. Здесь дается характеристика артикуляционных особенностей гласных и согласных звуков, фонетической структуры слова. Автор исследует все типы комбинаторных изменений звуков башкирского языка, на обширном фактическом материале прослеживает закономерности их чередования, опираясь при этом на труды В. А. Богородицкого, Н. К. Дмитриева и Дж. Г. Киекбаева.

Заслуживают внимания наблюдения автора над изменением гласных и согласных фонем в различных позициях. По его мнению, совпадение башкирского *a* с лабиализованными *o*, *u* в чувашском и татарском языках исторически закономерно; в башкирском языке и его диалектах в начале слова также встречается лабиализованный звук *a*.

⁴ Ж. Ф. Киекбаев. Башкорт эзэби теленең орфоэпияһы. Өфө, 1964.

* Как известно, звуковое соответствие $\ddot{a}$ — i является одним из различительных признаков башкирского и татарского языков, например: $k\ddot{a}\ddot{s}\ddot{t}\ddot{a}$ — $k\ddot{i}\ddot{s}\ddot{t}\ddot{a}$ 'шкаф', $k\ddot{a}r\ddot{a}k$ — $k\ddot{i}r\ddot{a}k$ 'надо', $k\ddot{a}b\ddot{a}n$ — $k\ddot{i}b\ddot{a}n$ 'стог' и т. д. Подобное соответствие наблюдается и в говорах северного и южного диалектов: $t\ddot{a}\ddot{t}\ddot{a}$ — $d\ddot{i}\ddot{t}\ddot{a}$ 'десяток', $h\ddot{a}b\ddot{a}n$ — $h\ddot{i}b\ddot{a}n$ 'пуговица', $s\ddot{a}b\ddot{a}k$ — $s\ddot{i}b\ddot{e}k$ 'хилый' и т. д.

В этой части книги подробно описываются явления озвончения и оглушения, ассимиляции и диссимиляции, выпадения звуков, сингармонизма, а также анализируется фонетическая структура окончаний, особенности ударения и т. д. Приводятся также многочисленные примеры из башкирских диалектов и других тюркских и алтайских языков.

В третьей части, посвященной грамматическим нормам, автор монографии отмечает большую стабилизацию морфологических норм по сравнению с нормами других ярусов языка. Действительно, грамматические нормы башкирского литературного языка почти полностью опираются на нормы общенародного языка. Тем не менее между грамматическими нормами башкирского литературного языка, с одной стороны, и общенародного языка с его диалектами — с другой, имеются довольно большие различия. Особенно пестрая картина наблюдается в системе спряжения глаголов. Так, например, положительные формы будущего времени изъявительного наклонения в общенародном языке употребляются с двумя разновидностями окончаний: $al\ddot{u}g$ - $t\ddot{u}p$ — $al\ddot{u}g$ - ut , $al\ddot{u}g$ - $h\ddot{u}p$ — $al\ddot{u}g$ - $u\ddot{p}$; отрицательные формы встречаются в трех вариантах: $al\ddot{m}\ddot{a}ft\ddot{u}p$ — $al\ddot{m}\ddot{a}ft\ddot{u}m$ — $al\ddot{m}\ddot{a}t$. В качестве литературной нормы взяты формы $al\ddot{u}g$ - $t\ddot{u}p$ (положительный аспект) и $al\ddot{m}\ddot{a}t$ (отрицательный аспект).

Заслуживают внимания суждения автора о многочисленных глагольных формах, передающих разные модальные значения. Они широко употребляются в литературном языке и в диалектах. Например, модальное значение возможности и невозможности выражается следующими аффиксами: 1) - $u\ddot{g}d\ddot{a}j$

(- $er\ddot{d}\ddot{a}j$) : $bary\ddot{g}d\ddot{a}j$, $e\ddot{s}l\ddot{a}r\ddot{d}\ddot{a}j$; 2) - $yryk$ (- $erlek$) : $baryryk$, $e\ddot{s}l\ddot{a}rlek$; 3) - $maly$ (- $m\ddot{a}le$) : $barmaly$, $k\ddot{u}renm\ddot{a}le$; 4) - $kylaj$ (- $kel\ddot{a}j$, - $\ddot{y}ylaj$, - $gel\ddot{a}j$) : $sykky\ddot{l}aj$ hyu , $j\ddot{o}g\ddot{e}l\ddot{a}j$ $x\ddot{a}le$ bar ; 5) - $m\ddot{a}\ddot{t}taj$ (- $m\ddot{a}\ddot{t}\ddot{t}\ddot{a}j$) : $barm\ddot{a}\ddot{t}taj$, $e\ddot{s}l\ddot{a}m\ddot{a}\ddot{t}\ddot{t}\ddot{a}j$; 6) - $m\ddot{a}\ddot{t}lyk$ (- $m\ddot{a}\ddot{t}lek$) : $barm\ddot{a}\ddot{t}lyk$, $e\ddot{s}l\ddot{a}m\ddot{a}\ddot{t}lek$ и т. д.

Глагольные формы, выполняющие функции инфинитива, весьма многочисленны. Еще Н. К. Дмитриев писал, что «в большинстве тюркских языков отчетливый тип инфинитива, можно сказать, не установился». Далее он указал, что в башкирском языке на название „инфинитив“ могут претендовать две формы: 1) форма с аффиксом $\begin{matrix} -by & -oy \\ -ey & -\ddot{u}y \end{matrix}$ *алыу*,

биреу и 2) $\begin{matrix} -yrga & -orga \\ -\ddot{e}rg\ddot{a} & -\ddot{e}rg\ddot{e} \end{matrix}$ *алырга*, *бирерга*⁵.

Кроме указанных форм, в функции инфинитива в диалектах и говорах башкирского языка употребляются следующие глагольные словоформы: 1) глагольная словоформа на - a / $\ddot{a}$ / j : $e\ddot{s}l\ddot{a}j$ $kitte$, $ut\ddot{u}n$ $kyrk\ddot{a}$ $kitte$, $bes\ddot{a}n$ $s\ddot{a}b\ddot{a}$ $kitte$; 2) глагольная словоформа на - $m\ddot{a}ya$ (- $m\ddot{a}g\ddot{a}$) : $bes\ddot{a}n$ $s\ddot{a}r\ddot{m}\ddot{a}ya$ $kitte$, $ut\ddot{u}n$ $kyrk\ddot{m}\ddot{a}ya$ $kitte$; 3) глагольная словоформа, образуемая при помощи аффикса - $kaly$ (- $k\ddot{a}le$, - $\ddot{y}aly$, - $g\ddot{a}le$) : $ataj\ddot{u}m$ $bes\ddot{a}n$ $s\ddot{a}p\ddot{k}\ddot{a}ly$ $kitte$; 4) глагольная словоформа, оканчивающаяся на - $k\ddot{a}ny$ (- $k\ddot{a}ne$, - $\ddot{y}\ddot{a}ny$, - $g\ddot{a}ne$) : $bes\ddot{a}n$ $s\ddot{a}b\ddot{k}\ddot{a}ny$ $kitte$.

Данные формы широко употребляются с модальными словами, выражая различные модальные значения.

В этом же разделе книги подробно характеризуются и другие части речи в диалектах и говорах башкирского языка, а также словообразование и словоизменение.

Новая работа Н. Х. Ишбулатова, автора многочисленных публикаций по вопросам башкирской диалектологии, богата свежими наблюдениями, отличается своеобразным изложением и глубоким содержанием.

М. В. Зайнуллин, Р. Ф. Зарипов

⁵ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 170 и сл.

«КУМЫКСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ»*

Необходимость появления рецензируемого словаря назрела уже давно, поскольку его предшественник — кумыкско-русский сло-

варь М. В. Мохира был издан почти семьдесят лет назад¹.

* Сост. А. Г. Магомедов. Под ред. З. З. Бамматова. М., 1969, 408 стр.

¹ Напечатан в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 17. Тифлис, 1893, стр. 49—95.

Словарю предпослано (стр. 5—9) предисловие на русском и кумыкском языках, в котором кратко изложена история кумыкской лексикографии² и названы источники, использованные при его составлении: лексикографические работы по кумыкскому языку, современная кумыкская проза и поэзия, учебная литература, периодика, фольклорные материалы, диалектальные тексты. В предисловии отмечается, что в словаре представлена наиболее употребительная лексика кумыкского языка и что издание это рассчитано на широкий круг читателей, в том числе переводчиков, научных работников, преподавателей и учащихся.

В разделе «О построении словаря» (стр. 10—18) перечислены основные принципы построения и оформления словарных статей. Приведены также списки условных сокращений (стр. 19—21), географических названий (стр. 400—408) и кумыкский алфавит (стр. 22).

Словарь содержит 13 тыс. слов и, безусловно, не отражает всего богатства кумыкской лексики, однако даже и этот объем позволяет предложить читателям интереснейший лексический материал.

Мы не ставим своей задачей дать лексикографический анализ словаря. Хотелось бы обратить внимание лишь на факты, еще раз подтверждающие, что выход в свет этого словаря представляет значительный интерес для тюркского языкознания в целом.

Известно, что в кумыкском языке *l* может появиться на месте этимологического *r* и *l ~ r* (по диалектам), особенно в заимствованиях. Это соответствие можно проиллюстрировать примерами из нового словаря: *tobyruu* 'таволка', ср. ног. *tobylyu*, кирг. *tabulyu*; *gilewke* 'фунт' ~ ног. *kürenke*, туркм. *kirbenke*; *selder* 'правитель края' ~ туркм. *ŕerdar* 'вождь' < перс. *sār-dar*; *kirit* 'замок' ~ ног. *kirt*, кирг. *kilit* 'ключ, отмычка' < перс. *kālid*; *maxmar* 'бархат' < перс. *māxmā* < араб.

Исследователи кумыкского языка, в частности Н. К. Дмитриев, отмечали в абсолютном анлауэте кумыкских слов наличие *h* на месте *0* (нуля) в других тюркских языках. Некоторые примеры из нового словаря: *hanqaw* 'глупый, тупой' ~ ног. *aŕqaw*; *hanqut* 'гагара' ~ хак. *āt* 'турпан' (ср. тув. *aŕyut* 'турпан'); *hanqu-* 'пахнуть, издавать неприятный запах' ~ ног. *aŕqu-* 'благоухать'; *hö-kün-* 'каяться' ~ ног. *ökün-*.

В кумыкско-русском словаре отмечены довольно редкие слова: *syŕ-* 'давить, выдавливать' (ср. *syq-* 'жать, выжимать') ~ др.-тюрк. *syŕ-* 'выжимать, выдавливать', тат. *sŕŕ-* и т. д.; *tül* 'явь' (следует заметить, что в русско-кумыкском словаре 'явь' переведено как *haqqaŕ* и *ujawluq*); уст. *tolŕu-* 'гово-

рить, разговаривать', возможно, ~ ног., к.-калп. *tolŕa-* 'петь речитативом', РСл, крым. 'предсказывать, отгадывать'; *odamaŕ* 'бригадир чабанов' ~ ног. уст. *odamaŕ* 'старший', башк. диал. *udamaŕ* 'передовой', 'почетный', 'старейший'; *poxuŕat* (*poxuŕatu da joŕ* 'у него нет ни гроша'), ср. чув. *puŕgat* 'мелкие серебряные монетки арабской, болгарской, позднее и русской чеканки'; *ada-* 'опешить, растеряться' ~ караим. *ada-* 'быть вне себя (от радости)', башк. диал. *ada-* 'растеряться'; *agaŕ* 'скирда' ~ балк. *agaŕ* 'то же'; *oruŕaq* 'одежда', ком. *id.*, караим. *urŕaq*; *kirin-* 'купаться' ~ кирг. *kirin-* и многие другие.

Кумыкский глагол *jalla-* 'гореть, воспламениться' сохраняет именную основу *jal, ср. *jalyŕ* 'пламя', но возможна и иная интерпретация этого глагола: *jal-* (ср. др.-тюрк. *jal-* 'вспыхивать, воспламениться') + аффикс интенсивности *-la* (ср. *sil-k* < *sil-k* 'трясти', *sille-* < *sil-le* 'махать, качать') или *jalla-* < **jalna-* < *jalyŕn-la ср. ног. *jalyŕnla-* и кум. *jalyŕnlan-* 'пламенеть, полыхать'. В глаголе *syuŕuŕ-* хорошо ошутимо пассивное значение аффикса *-q* 'быть униженным, раздавленным' < *syŕ-* 'ломаться, биться'. При сравнении глаголов *qabyz-* 'разжигаться, зажигаться' и *qabyŕ-* 'воспламениться, вспыхивать' можно восстановить основу **qar-* со значением 'загораться', которая подтверждается тат., башк. *qar-*, чув. *xur-*, тув. *xur-* 'гореть, загораться, разгораться'.

Любопытна семантика некоторых кумыкских слов. Так, *geŕin-* 'скончаться' имеет то же значение в азербайджанском языке; *awadaŕ* 'преобладающий, подавляющий' < перс., ср. каз., кирг. *abdaŕ* 'совершенно, очень, весьма'; *awlaŕ* 'поле' имеет ту же семантику, что и соответствующее карачаево-балкарское слово и восходит, вероятно, к значению «степь, пустынное, уединенное место» (М. Ряснен³ приводит тюркские, монгольские и тунгусские параллели); *saŕ* 'глина' имеет соответствия в большинстве тюркских языков со значением «болото»; слову *qalaŕ* 'кочерга', 'весло', 'лопатка' в других тюркских языках также соответствует ряд слов с близкими значениями.

В словаре представлено много синонимов. Например: *nuŕa*, *sulu* 'овец'; *jala*, *buhŕan* 'клевета'; *qalyŕ*, *ŕyguŕ* 'клей'; *ŕyŕ* 'стена'; *asuw*, *paŕda* 'польза'; *güŕük kulaj* 'собачка, щенок'; *mija*, *anqabut* 'паук'; *aŕu*, *uw zaŕhu* 'яд'; *tawŕan*, *kojan* 'заяц'; *eŕek*, *hama* 'осел' и т. д. Источниками этих синонимов являются: а) диалекты [*tawŕan* (кайтакский диал.) || *kojan*; *nuŕa* || *sulu* (хасавюртовский диал.) и т. д.]; б) исконная лексика и заимствования (*asuw* || *paŕda* < араб.; *sulu* || *nuŕa* < кавказ. языков и т. д.).

В словаре встречаются редакционные небрежности, которые легко можно устранить при повторном его издании. Так, иногда в одной словарной статье приводятся омонимы

² В предисловии почему-то не упомянут словарь венгерского тюрколога Ю. Немета (*J. Németh. Kumük és balkár szójegyzék. — «Keleti-szemle», XII kötet. Budapest, 1911/12, стр. 91—153*).

³ *M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969, стр. 8.*

мы: gügen 'загон для скота', вероятно, <монг. и 'бурый, саврасый', имеющее параллели в тюркских и в монгольских языках; ij- 'преклонять, нагибать' (кирг. ij- 'гнуть, сгибать'. хак. eg-, азерб. äj- и т. д.) и 'приливать (о молоке)' [ср. хак. is- 'давать молоко (о корове)', кирг. ij- 'размякнуть (о вымени)', 'спустить (молоко)' и т. д.].

Не всегда, как нам кажется, оправдана последовательность приводимых значений (например, словарные статьи al-, bil-bildir, gel-, ger-, tarqal-).

Следует отметить непонятные упущения в отборе лексики, могущие дезориентировать читателя. Например, в словарь вошло устаревшее слово küsmençi 'гребец', но опущено

küsmen 'весло', приводится jükge almaq 'брать на поруки', но отсутствуют слова jük 'поручительство', jükçi 'поручитель' и т. д. Не совсем понятен критерий, по которому включаются слова с пометой *диалектное*. Полнее могли бы быть представлены фразеологизмы.

Сказанное выше свидетельствует о том, что необходимость в более полном собрании кумыкских слов не отпала и после публикации данного словаря. Можно надеяться, что опыт работы над ним позволит кумыкским языковедам в недалеком будущем создать подлинный *Thesaurus* кумыкского языка.

Л. С. Левитская

«РУССКО-УЗБЕКСКИЙ СЛОВАРЬ»*

Настоящее издание «Русско-узбекского словаря» значительно переработано и дополнено по сравнению с предыдущими (1942 г., 1957 г.).

Русская часть рецензируемого словаря, включающая свыше 20 тыс. слов, охватывает лексику школьных учебников, наиболее употребительные общественно-политические термины, а также слова, знание которых облегчает знакомство с русской классической и издающейся на русском языке советской художественной литературой.

Удачная композиция и богатство русского словника во многом предопределили правильное построение всего словаря. Гнездовой метод позволяет дать вместе с заглавным словом наиболее важные свободные и несвободные словосочетания, в которых это слово встречается. Ср., например, в статье *очаг*: *в очаге горит огонь* (Ўчоқда олов ёнаётир); *очаг землетрясения* (ер қимирлаш маркази); *очаг культуры* (маданий марказ, маданият ўчоғи); *у домашнего очага* (Ўз уйида, хонадонида, ўз оиласида) и т. д.

Подбирая узбекские соответствия русским словам и выражениям, составители словаря, на наш взгляд, поступили правильно, отказавшись от языкового изобретательства. Узбекские переводные эквиваленты подаются в определенной последовательности, в зависимости от употребительности слова в русском литературном языке.

При составлении словаря известную трудность представлял перевод научных терминов. Как известно, обогащение бытовой, общепотребительной лексики происходит в основном стихийно, что же касается

образования новых научно-технических и других специальных терминов, то этот процесс должен находиться под постоянным контролем языковедов и специалистов соответствующих отраслей. Ведь термин, по существу, в своей языковой структуре отражает не только научную сущность того или иного понятия, но и отношение его к другим смежным научным понятиям.

Исходя из этого, составители словаря для пополнения узбекской научной терминологии использовали главным образом два источника. Основным источником образования новых узбекских терминов являются внутренние ресурсы самого узбекского языка. Ср., например, лингвистические термины: русск. *склонение* — узб. *турланиш*; русск. *спряжение* — узб. *тусланиш* и т. д. Вторым источником являются русские или русифицированные интернациональные термины, трансформированные в соответствии с грамматическими нормами узбекского языка.

При несомненных достоинствах данный словарь не свободен и от некоторых недостатков. В целом правильно решив трудную задачу перевода русских научных терминов на узбекский язык, составители и редактор словаря при этом не учли одного обстоятельства. Использование синонимов для раскрытия значений и толкования терминов не всегда оправдано и плодотворно. Например, данный в словаре перевод слова *космос* синонимами (космос, олам, коинот, дунё) несколько затемняет значение этого слова.

Глаголы *летать* и *лететь* (стр. 218) переведены в словаре одним словом, хотя семантическая нагрузка их различна: *летать* выражает способность перемещаться в воздухе вообще, а *лететь* — перемещаться в воздухе уже в определенном направлении. Нам представляется, что во избежание искаже-

* «Русско-Ўзбекча лугат» (под редакцией В. В. Решетова). «Ўқитувчи» нашриёти. Тошкент, 1972.

ния смысла слов в подобных случаях следовало бы давать перевод обих глаголов с указанием оттенков содержания.

Заслуживает быть отмеченным грамматический очерк русского языка, данный на узбекском языке. Однако, учитывая, что русско-узбекский словарь предназначен не только для людей, одинаково хорошо владеющих обоими языками, следовало бы дать в качестве приложения и краткий грамматический очерк узбекского языка.

И, наконец, в последующих изданиях было бы целесообразнее поместить русский алфавит в начале книги, как это обычно де-

лается во всех двуязычных словарях, а не в конце (стр. 571).

Есть, к сожалению, в словаре и отдельные недостатки технического порядка — не всегда единообразно выделяются шрифтами соответствующие грамматические пометы, имеются также и чисто типографские погрешности и дефекты.

Однако отмеченные недочеты не могут умалять ту практическую пользу, которую принесет настоящий словарь.

А. Х. Ходжиев, Д. Х. Базарова

М. САДЫКОВА. РУССКО-УЗБЕКСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ*

В рецензируемом словаре собрано и систематизировано более 5000 пословиц, поговорок, собственно фразеологизмов и других видов устойчивых сочетаний. Примеры расположены не по алфавиту, а повторяются в соответствии с числом составляющих их компонентов, то есть по принципу, принятому во «Фразеологическом словаре русского языка», изданном под редакцией А. И. Молоткова (М., 1967).

Фразеологизмы переводятся на узбекский язык в основном описательно: с *гулькин нос* — *zuda oz, zuda kiçik*; *оставить с носом* — *boqlab aldar ketmoq*, но в возможных случаях автор старалась дать их аналоги в узбекском языке: *быть на короткой ноге* — *popu qatitq bolmoq, oyiz-burup orişmoq*; *готов сквозь землю провалиться* — *er joriilsa-je erga kirsa*; *свинец на душе* — *içimga çiroq joqsa jonmajdi*.

М. Садыкова в основном успешно находит точные узбекские варианты, что облегчает понимание смысла фразеологизмов.

Примечательно, что автор, приводя узбекские эквиваленты русских идиом, смело вводит во фразеологический словарь выражения, взятые из разговорной речи, например: *открыть глаза (кому на что)* — *közini moşdek oçib qoimoq*, *рожки да ножки* — *qoqanga qozitq osganda hurtaça, ne vse doma — bir qajnovi içida*, *упрямый (человек)* — *tutgan eridan kesadigan (odam)*, *сердце чуть не разорвалось* — *aşhonam teskari bolib ketdi*.

Это во многом облегчает усвоение фразеологического богатства узбекского языка.

Примеры в словаре сопровождаются подтверждательными цитатами из художествен-

ной литературы, например: *иметь зуб (против кого)* — *tiş qajrab jurmoq, könglida kek saqlamoq, qasd bolib qolmoq*; *Я это очень хорошо понимаю, ...как я вас сконфузил, то конечно вы должны иметь против меня зуб* (М. Горький. Озорник) — *Men buni zuda jahşi tuşunaman, ...siz mendan qattiq rangigan (menga qasd bolib qoldan) bolsangiz kerak, çunki men sizni hiçolatga qojdim*.

Употребление фразеологизмов автор уточняет стилистическими пометами, например: *скатертью дорога* (устарелое).

Рецензируемый двуязычный фразеологический словарь является первым опытом подобных словарей в узбекском языкознании и, естественно, не свободен от недостатков. Некоторые из них хотелось бы здесь указать.

1. Неясен принцип отбора фразеологизмов: в словарь включены, помимо собственно фразеологизмов, также пословицы (*вóрон вóрону глаз не выклюет*), поговорки (*коготок увяз, всей птичке пропасть*) и другие устойчивые выражения (*на кой черт, на месте преступления, мертвый час, принимать участие*). Автору следовало бы яснее выразить свое понимание объекта фразеологии и строже придерживаться принятого критерия.

2. В двуязычных словарях примеры лучше давать в алфавитном порядке, так как это облегчает пользование словарем.

3. Некоторые варианты фразеологизмов, как, например, *жить в двух шагах* || *в двух шагах*; *как воды в рот набрал* || *набрать воды в рот*, можно было бы дать в одной словарной статье, а не в двух самостоятельных.

4. Переводы отдельных фразеологизмов следует уточнить. На стр. 88 выражение

* М. Содиқова. Русча-Ўзбекча фразеологик луғат. Ўзбекистон ССР «ФАН» нашриёти. Тошкент, 1972, 192 стр.

иголку негде воткнуть переведено на узбекский в общем верно: *pina tašlagani zoj jod, pina tašlasang tikka boladi*; однако второй, описательный, перевод можно было бы заменить более точным узбекским эквивалентом: *igna tašlasang erga tušmajdi, igna solsang erga tušmajdi*. Кстати, этот фразеологизм широко употреблялся и в староузбекском языке:

Әnindek taq sari tuttular jol,

Ki ignə salsə jergə tušmagaj ul¹.

Отмеченные недостатки являются следствием слабой разработанности отдельных теоретических проблем в данной обла-

сти и не снижают общих достоинств словаря. Опыт создания рецензируемого словаря может быть с успехом использован в работе над узбекско-арабским и узбекско-персидским фразеологическими словарями, подготавливаемыми в настоящее время.

Словарь М. Садыковой проливает свет и на происхождение ряда узбекских фразеологизмов, являющихся кальками соответствующих русских выражений, как, например: *играть роль* — *rol ojnatoq*.

Рецензируемый словарь будет полезен не только специалистам, изучающим русскую фразеологию, писателям, переводчикам, студентам, но и широкому кругу читателей.

¹ *Əlişer Navaij. Farhad va Şirin. Taşkent, 1940, стр. 440.*

Э. А. Умаров

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XV СЕССИЯ ПОСТОЯННОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ АЛТАИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (ПИАК)

7—12 августа 1972 года в предместье Вены Штреберсдорфе (Австрия) состоялась XV Сессия Постоянной Интернациональной Алтаистической конференции (ПИАК)¹, организованная Австрийской Академией наук.

Наряду с докладами по основной теме — «Мир и война в Алтайском мире» — на сессии обсуждались доклады и по другим проблемам алтаистики.

Руководители XV сессии ПИАК — ее президент, член Австрийской Академии наук, профессор Карл Ян (K. Jahn) и генеральный секретарь ПИАК (избираемый участниками конференции на пятилетний срок) профессор Индианского университета (США) Дэнис Шинор (D. Sinor).

В XV сессии ПИАК приняли участие 57 ученых, представлявших 14 государств: Австрия — 1 (проф. К. Ян); Англия — 2 (проф. Дж. Клоусон и проф. И. А. Бойль); Венгрия — 6 (проф. А. Рона-Таш, д-р Л. Беше, д-р Г. Кара и др.); Голландия — 1 (д-р А. Наута); ГДР — 4 (проф. Г. Хазаи, д-р С. Кляйнмихель, д-р П. Циме и др.); Дания — 2 (проф. К. Томсен-Хансен, д-р И. Р. Мейер); Испания — 1 (д-р С. Баррал); США — 6 (проф. Д. Шинор, проф. Р. А. Миллер, проф. Г. Гофман и др.); Тайвань — 2 (проф. Чэн-Чи-Сын, д-р А. Эмильоглу); Турция — 11 (проф. З. Кокмас, проф. Е. Есин, проф. А. Карахан, О. Серткая и др.); ФРГ — 11 (проф. А. М. ф. Габэн, проф. В. Фукс, проф. Х. Бранд, проф.

Х. Гофман, проф. У. Йогансон и др.); Франция — 1 (проф. И. Ришар); Япония — 1 (проф. Ш. Мацумото).

Делегация Советского Союза была представлена 8 учеными: проф. Н. А. Баскаков (руководитель делегации), проф. В. З. Панфилов — Институт языкознания АН СССР; проф. Н. Ц. Мункуев, ст. научный сотрудник Э. А. Новгородова, ст. научный сотрудник Г. И. Слесарчук — Институт востоковедения АН СССР; ст. научный сотрудник Ш. Ф. Мухамедияров — Институт истории АН СССР; член-корреспондент АН Казахской ССР А. Т. Кайдаров — Институт языкознания АН Казахской ССР; проф. С. К. Камалов — Каракалпакский филиал АН Узбекской ССР.

На открытии XV сессии ПИАК с краткими докладами, посвященными задачам ПИАК и ее очередной сессии, а также информационным и организационным вопросам, выступили президент проф. К. Ян и генеральный секретарь проф. Д. Шинор. В течение трех дней было заслушано 25 научных докладов и 47 информационных сообщений.

Значительный интерес вызвали краткие сообщения-информации (confessiones) всех участников сессии о проблемах алтаистики, исследуемых в настоящее время в различных странах.

Среди этих проблем наиболее важными, на наш взгляд, являются следующие: 1) общие проблемы алтаистики (Дж. Клоусон, Н. А. Баскаков, Д. Шинор, В. З. Панфилов и др.); 2) древняя история и история культуры алтайских народов (А. М. ф. Габэн, Е. Есин и др.); 3) средневековая и новая история алтайских народов (К. Ян, С. Камалов, Ш. Ф. Мухамедияров и др.); 4) исследования памятников Индии, Тибета, Китая в связи с проблемами алтаистики (Х. Гофман, К. Сагастер и др.); 5) исследования памятников и истории монголов (И. Ришар, К. Ян, Н. Ц. Мункуев, Г. И. Слесарчук, Э. А. Новгородова, И. Бойль, К. Йетмар и др.); 6) памятники древних тюрков и уйгуров (А. М. ф. Габэн, Дж. Клоусон, К. Томсон, Г. Хазаи, П. Циме и др.);

¹ Сессии ПИАК, посвященные различным проблемам алтаистики, созываются ежегодно. См.: А. М. Шербак. Постоянный международный алтаистический семинар. — «Вопросы языкознания», 1970, № 4, а также информации о последних сессиях: Н. А. Баскаков. XI сессия Постоянной Интернациональной Алтаистической конференции (ПИАК). — «Вестник Академии наук СССР», 1968, № 12; А. З. Абдуллаев, Г. П. Мельников. Берлинский форум алтаистов. — «Советская тюркология», 1970, № 1; Э. И. Фазылов. XIV Международный форум алтаистов. — «Советская тюркология», 1971, № 5.

7) памятники маньчжурского языка (В. Фукс, С. Джагчид, Чэн-Чи-Сын и др.); 8) тюркская литература и фольклор (И. Лауде-Циртаутас, А. Т. Кайдаров, А. Карахан и др.); 9) монгольская литература и фольклор (Н. Ц. Мункуев, Р. Лоренц, Г. И. Слесарчук и др.); 10) современные тюркские языки (А. М. Ф. Габэн, З. Коркмас, Н. А. Баскаков, И. Р. Мейер, Г. Хазаи, А. Эмильоглу, И. Лауде-Циртаутас, Б. Шернер, Х. Бранд и др.); 11) современные монгольские языки (А. Рона-Таш, Г. Кара, Т. Беше и др.); 12) японский язык и алтайская проблема (Р. А. Миллер).

Члены советской делегации выступили на сессии с семью докладами.

По общим вопросам алтаистики было сделано два доклада: *Н. А. Баскаков* «Некоторые формы словообразования функциональных форм глагола, общие для алтайских языков»; *В. З. Панфилов* «Нивхско-алтайские языковые связи».

По проблемам тюркологии было прочитано пятнадцать докладов:

по истории тюркских народов — четыре доклада: два доклада членов советской делегации — *Ш. Ф. Мухамедияров* «Изучение в СССР основных этапов военнополитической истории тюркских народов Поволжья и Приуралья», *С. К. Камалов* «Освободительное движение каракалпаков в середине XIX века» и два доклада по истории и искусству тюркских народов в средние века — *Е. Есин* и *И. Матус*;

по тюркским языкам — пять докладов: *З. Коркмас* «О памятниках огузов XII и XIII вв.», *А. Рона-Таш* «О методах реконструкции в истории тюркских языков», *С. Кляйнмихель* «О глагольных именах в турецком языке», *Б. Шернер* «Об арабopersидских заимствованиях в кумыкском языке», *А. Эмильоглу* «Об изменениях в письменности в современном уйгурском языке за последние пятьдесят лет»;

по литературе и фольклору тюркских народов — четыре доклада: *А. Карахан* «Мир и война в турецкой народной и классической литературе», *И. Лауде-Циртаутас* «Благожелания и приветствия в казахском и киргизском языках», *А. Т. Кайдаров* «Доспехи война-батыра в казахском эпосе и их этнолингвистическое объяснение», *Л. Лоренц* «Имеется ли сложившийся эпос у народов Центральной Азии»;

по древнетюркским языкам и истории — два доклада: *П. Циме* «Об уйгурах и их отношении к Китаю», *О. Серткая* «О новых документах уйгурского письма в Анатолии».

По монголистике и маньчжуроведению было сделано восемь докладов, в том числе по истории монгольских народов пять докладов: *Н. Ц. Мункуев* «Китайские путешественники XIII века о некоторых нормах обычного права у монголов», *Э. А. Новгородова* «Охотничьи и военные сюжеты в древнем изобразительном искусстве Центральной Азии», *И. Ришар* «Монгольские ультиматумы западным владетелям. Письмо Эльчигида

к Людовику Святому», *Е. Шютц* «Монголы и Кавказ», *И. Бойль* «Зимние и летние стоянки племени киреитов»;

по монгольской и маньчжурской филологии — три доклада: *С. Ягчид* «Монгольский текст письма из Тибета к маньчжурскому правителю» и два доклада, посвященные анализу маньчжурских текстов, — *Чен-Чи-Сына* и *К. Сагастера*.

Помимо научных заседаний, состоялось организационное заседание сессии, на котором были рассмотрены четыре вопроса: 1) о выборах генерального секретаря; 2) о присуждении ежегодной медали ПИАК за 1972 год; 3) о порядке приглашения ученых на будущие сессии ПИАК; 4) о месте созыва XVI сессии ПИАК в 1973 году.

Генеральным секретарем ПИАК на очередное пятилетие был избран профессор Индианского университета Д. Шинор.

Претендентами на медаль ПИАК были двое ученых — проф. В. И. Цинциус (СССР) и проф. Г. Рантковский (ГДР). Подавляющим большинством голосов медаль была присуждена советскому исследователю В. И. Цинциусу.

Вопрос о порядке приглашения ученых на будущие сессии ПИАК и составе приглашаемых вызвал дискуссию. Первоначальный проект предусматривал передачу этих полномочий генеральному секретарю ПИАК. Этот проект и был принят по предложению советской делегации с поправкой о необходимости согласования списка приглашаемых с Президентом сессии — представителем страны, проводящей очередную сессию ПИАК.

Было единогласно принято предложение турецкой делегации о созыве очередной XVI сессии ПИАК в 1973 г. в Анкаре и об утверждении президентом будущей сессии ПИАК проф. А. Темира.

Необходимо подчеркнуть важное значение ежегодных сессий ПИАК, позволяющих ученым быть в курсе новейших исследований в области истории, этнографии, археологии, литературы, фольклора и языков всех алтайских и соседних с ними народов. Подобного рода комплексное обсуждение проблем позволяет не только проследить генетические связи этих народов в области языка и фольклора, но и выявить их общие этнографические особенности.

Такие ежегодные встречи, обмен мнениями, беседы по актуальным вопросам алтаистики, консультации для молодых ученых из разных стран способствуют распространению новых идей и более углубленному теоретическому изучению алтайской проблематики.

Примечательной особенностью XV сессии ПИАК было повышенное внимание западной научной молодежи к исследованиям по алтаистике и прежде всего к разработкам советских ученых.

XV сессия ПИАК показала, что международная научная общественность с большим вниманием относится к исследованиям совет-

ских ученых-алтаистов. Следует отметить и то, что, прежде чем вынести на общее обсуждение проекты всех основных решений, руководство сессий предварительно согласовывало их с советской делегацией.

Поскольку алтайская проблема привлекает внимание не только языковедов, но и представителей смежных дисциплин, нам представляется целесообразным создание в СССР специального органа — Совета или Комитета, координирующего и направляющего изучение вопросов алтаистики, который бы мог соответствующим образом влиять и на определение проблематики ежегодных сессий ПИАК, тем более что на территории нашей страны представлены почти все народы, говорящие на языках алтайской семьи.

Специальный Комитет по алтаистике может быть создан, например, при Институте языкознания Академии наук СССР или Отделении литературы и языка Академии наук СССР как комплексная научная организация из представителей институтов языкознания, востоковедения, мировой литературы, этнографии, истории и археологии.

Комитет мог бы объединить и координировать деятельность соответствующих секторов этих институтов, в частности, сектора

алтайских языков Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР, секторов тюркских и монгольских языков того же института, специалистов по фольклору и литературе алтайских народов Института мировой литературы, а также этнографов, археологов и историков, изучающих народы алтайской семьи.

На Комитет могут быть возложены задачи организации различного рода совещаний как по общим проблемам алтаистики, так и по тюркологии, монголистике и тунгусо-маньчжуроведению. Для объединения усилий ученых из социалистических стран в изучении алтаистических проблем, тематика которых широко представлена в научных планах академий наук Венгрии, Монголии, Польши, Болгарии, ГДР и других, необходимо создание такого координирующего органа, который в дальнейшем мог бы возглавить исследования по алтаистике и в международном масштабе.

Пожелания о создании в СССР организации такого рода были высказаны многими представителями социалистических стран — участниками XV сессии ПИАК 1972 года.

Н. А. Баскаков

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ТАТАРСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ, ПОСВЯЩЕННАЯ 50-ЛЕТИЮ СССР

С 9 по 11 октября 1972 года в Казани проходила научная конференция языковедов Татарии, посвященная 50-летию образования СССР. Конференция была созвана Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Академии наук СССР и Казанским государственным педагогическим институтом.

В работе конференции приняли участие научные сотрудники ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Академии наук СССР, профессорско-преподавательский состав Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, Казанского государственного педагогического института и других вузов города.

На конференции было заслушано более 30 докладов по различным вопросам татарского языкознания.

Д. Г. Тумашева (КГУ) в докладе «Развитие татарского языкознания в советскую эпоху и его задачи» рассказала о достижениях в области изучения татарского языка, о проводимых научных исследованиях и дальнейшем развитии традиционных и новых отраслей татарского языкознания. Она

подчеркнула, что татарское языкознание в течение минувшего пятидесятилетия развивалось под непосредственным влиянием русского языкознания и советской тюркологической школы, поэтому его историю и успехи необходимо рассматривать в неразрывной связи с успехами советского языкознания вообще и тюркологии в частности.

Касаясь современного состояния татарского языкознания, *Д. Г. Тумашева* отметила появление работ, выполненных на стыке лингвистических и смежных дисциплин: фонетики и синтаксиса, фонетики и психологии; исследований, посвященных изучению морфологии методами структурной и прикладной лингвистики, машинному переводу, проблемам двуязычия, топонимии и антропонимии, грамматической стилистики, лексической и синтаксической синонимии, историческому синтаксису, текстологии и публикации памятников, истории татарского языкознания и т. д.

Вопросы взаимовлияния общенародного и литературного языков были рассмотрены в докладе *М. З. Закиева* (КГПИ) «Особенности развития литературного языка в раз-

личных социально-экономических условиях». В докладе указывалось, что жизнеспособность литературного языка находится в зависимости от степени его близости к общенародному языку. Их взаимовлияние в разных социально-экономических условиях носит различный характер. В досоциалистических формациях общенародный язык — основа всех форм существования языка — постоянно совершенствуется по восходящей линии, а развитие литературного языка идет зигзагообразно, то приближаясь, то отдаляясь от общенародных форм. В социалистическом обществе возникают соответствующие условия для благоприятного взаимовлияния общенародного разговорного и письменного литературного языков: литературный язык, адресованный всем слоям общества, постоянно обогащается общенародными новообразованиями, а общенародный язык усваивает литературные нормы.

В. Х. Хаков (КГУ) в докладе «О некоторых тенденциях в историческом развитии татарского литературного языка» отметил, что в татарском литературном языке с древнейших времен сосуществуют две формы: устная и письменная. Письменная форма в основном представлена художественными, публицистическими, научными произведениями, а устная — главным образом фольклорными.

Нормы литературного языка формируются и развиваются на протяжении столетий. Изучение письменного языка и народно-разговорной речи способствует выяснению отношения литературного языка к диалектам.

Р. А. Асылгараева (КГПИ), выступившая с докладом «К истории изучения формирования татарского национального языка», дала краткую характеристику различных точек зрения на формирование национальных языков, в частности татарского.

В докладе «Роль дореволюционной большевистской печати в создании общественно-политической терминологии татарского национального литературного языка» *И. А. Абдуллин* (ИЯЛИ) отметил огромную роль большевистской печати в формировании общественно-политической терминологии татарского языка. Передовые деятели татарской культуры (*Х. Ямашев*, *Г. Сайфутдинов*, *Г. Кулахметов* и др.) создавали общественно-политическую терминологию на основе родного языка, не отказываясь, однако, и от использования общепонятных народным массам арабизмов и фарсизмов; вводили русские и интернациональные термины. Созданная ими терминология явилась основой общественно-политической терминологии современного татарского литературного языка.

Л. К. Байрамова и *Ф. С. Сафиуллина* (КГУ) выступили с докладом «Перевод на татарский язык фразеологизмов в трудах В. И. Ленина». Перевод произведений В. И. Ленина на татарский язык требует очень большой точности, и переводчик дол-

жен стремиться к адекватному воспроизведению образных выражений языка оригинала. На основе тщательного анализа переводов произведений В. И. Ленина на татарский язык авторы пришли к выводу, что калькирование является наиболее точным способом передачи свойственного В. И. Ленину своеобразного употребления фразеологизмов. Во многих случаях оправдана и эквивалентная передача фразеологии. Используемый иногда описательный способ перевода фразеологизмов не всегда бывает удачен.

О развитии словесно-образной системы художественного произведения, тесно связанной, с одной стороны, с процессом эволюции литературно-художественного стиля, а с другой — со своеобразием стиля отдельного писателя, поэта, драматурга, говорилось в докладе *И. Б. Башировой* (ИЯЛИ), анализировавшей фактический материал из произведений татарских советских прозаиков старшего поколения.

О стилистических средствах создания образа в творчестве *Г. Ибрагимова* рассказывала в своем докладе *Ф. М. Газизова* (ИЯЛИ).

Исследованию языка и стиля *Г. Ибрагимова* был посвящен доклад *М. А. Сагитова* (КГПИ) «Синонимические фразеологизмы и их стилистическое употребление в романе *Г. Ибрагимова* „Глубокие корни“».

С. М. Ибрагимова (КГУ) выступил с докладом «Межаспектные синонимы в татарском языке», в котором рассмотрел синонимию между отдельным словом и словосочетанием, словом и предложением, морфологической парадигмой и словосочетанием, а также между предложением, лексической единицей и членом предложения и т. д.

Ф. С. Сафиуллина (КГУ) в докладе «Активные процессы синтаксиса современного татарского литературного языка» отметила, что в синтаксисе татарского языка происходят существенные изменения в сторону его упрощения и демократизации. Это объясняется тем, что структурные особенности живой речи, проникая в литературный язык, закрепляются в нем.

В докладе «К вопросу истории изучения синтагм» *Ш. Н. Асылгараев* (КГПИ) сделал обзор работ русских и татарских языковедов по этой проблеме, а также по сопоставительному исследованию синтагм в неродственных языках.

Доклад *З. М. Валиуллиной* (КГПИ) «История изучения частей речи в татарском языкознании» пронизывала мысль о том, что успешная разработка теоретических проблем татарского языкознания возможна только при широком привлечении научного наследия видных лингвистов.

Доклад *М. Г. Мухамедиева* (ИЯЛИ) был посвящен служебным частям речи — послелогам и служебным именам в татарском языке.

К. З. Зиннатуллина (КГПИ) в докладе «К вопросу о категории времени в прича-

ствиях татарского языка» говорила об относительном характере категории времени в причастных формах глагола.

Ф. А. Ганиев (ИЯЛИ), выступивший с докладом «Словообразовательная структура слов в современном татарском языке», указал на необходимость разграничения понятий словообразовательной и морфологической структуры слова.

Средствам передачи ирреальности в современном татарском литературном языке посвятила свой доклад *М. Ю. Ибрагимова* (КГПИ).

Вопросы терминологии были рассмотрены в докладе *Р. А. Юсупова* (КГПИ) «О терминологии в школьных учебниках».

В докладе *Г. Х. Ахунзянова* (ИЯЛИ) «Вопрос о специальной терминологии в идиоматике» была выдвинута идея использования термина «идиоматика» вместо менее удачного, по мнению автора, термина «фразеология».

Культуре русской речи татар был посвящен коллективный доклад *Р. Х. Субаевой* (ИЯЛИ) и *Х. Г. Агшиева* (КГУ).

В результате постепенного сближения наций и распространения двуязычия происходит формирование общего лексического фонда в языках народов Советского Союза, охватывающего определенную часть словарного состава. Развитие этого процесса на материале русского и татарского языков рассматривалось в докладе *Р. Х. Субаевой* (ИЯЛИ) «К вопросу формирования общего лексического фонда русского и татарского языков».

О взаимовлиянии и взаимообогащении близкородственных языков говорила *Т. Х. Хайрутдинова* (ИЯЛИ) в докладе «Взаимодействие татарского и башкирского языков».

Ф. С. Фасеев (ИЯЛИ) в докладе «Основные этапы и компоненты формирования этно-языковой общности татарской нации» дал обзор основных этапов татарского этнолингвогенеза — от древне- и среднетюркских племенных объединений до формирования казанско-татарской, мишарско-татарской, сибирско-татарской народностей, и далее — вплоть до формирования поволжско-татарской народности и татарской нации в целом в составе Российского государства.

Доклад *Р. Г. Ахметьянова* (ИЯЛИ) «Этноним и этнос» был посвящен анализу этнонимов, относящихся к этническим группам чувашей и татар.

В ряде докладов освещались актуальные проблемы диалектологии.

В Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова ведется большая работа по составлению диалектологического атласа татарского языка, материалы которого, несомненно, сыграют немаловажную роль в подготовке соответствующих карт для Диалектологического атласа тюркских языков. О проделанной работе и задачах, которые предстоит решить составителям атласа, рассказала *Л. Т. Махмутова* в докладе «О диалектологических атласах татарского и тюркских языков».

В докладе *Д. Б. Рамазановой* (ИЯЛИ) рассматривались вопросы формирования мишарских говоров в юго-западных районах Башкирской АССР.

Ф. С. Баязитова (ИЯЛИ) выступила с докладом «О происхождении крещеных татар Нижнего Прикамья», в основу которого ею были положены языковые материалы, архивные данные и печатные источники по истории края.

О болгарском топонимическом пласте на территории Татарской АССР говорилось в докладе *Г. Ф. Саттарова* (КГУ) «Булгаризмы в топонимии и антропонимии Татарской АССР».

Анализу гидрографических номенклатурных терминов был посвящен доклад *Ф. Г. Гариповой* (ИЯЛИ) «Гидрографические термины в татарском языке».

Р. М. Балтаева (КИСИ) выступила с докладом «Интонационная структура общего вопроса в современном татарском языке», содержащим информацию о результатах исследования этого малоизученного вопроса фонетики.

О тюркоязычной поэме «Кисекбаш китабы» и ее рукописях, хранящихся в библиотеках Казани, Москвы и Ленинграда, рассказала в своем докладе *Я. С. Ахметгалиева* (ИЯЛИ).

С докладом «Состояние работы по составлению библиографического указателя литературы по татарскому языкознанию» выступила *Г. К. Якупова* (ИЯЛИ).

В обсуждении докладов приняло участие около двадцати человек. По единодушному мнению выступивших, лингвисты Татарии проделали большую работу в области татарского языкознания.

З. М. Валиуллина

СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОБЛЕМАМ РЕАЛИЗМА В ЛИТЕРАТУРАХ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО ВОСТОКА

С 16 по 19 октября 1972 года в Баку проходило Всесоюзное совещание на тему «Проблемы реализма в литературах народов Советского Востока», созданное совместно Координационным советом по проблеме «Закономерности развития мировой литературы» при Академии наук Азербайджанской ССР и Институтом азербайджанской литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. В работе совещания приняли участие литературоведы и критики Алматы, Ашхабада, Баку, Душанбе, Казани, Москвы, Ташкента, Уфы, Фрунзе.

Открывая этот представительный форум ученых, вице-президент Академии наук Азерб. ССР М. А. Дадашзаде подчеркнул важность и актуальность изучения на современном этапе проблем реализма в литературах народов Советского Востока. М. А. Дадашзаде указал на необходимость обстоятельного исследования истоков реализма, типологии форм становления социалистического реализма в восточных литературах, соотношения в них реализма и романтизма, своеобразных особенностей этих творческих методов и т. д.

Он отметил, что проведенные в последние годы Институтом мировой литературы им. А. М. Горького, Институтом народов Азии Академии наук СССР и другими научными центрами совещания и дискуссии по вопросам реализма, а также бакинское совещание «Реализм в азербайджанской литературе» (1969) значительно способствовали активизации научной мысли, изучению вопросов реализма, в том числе и в литературах зарубежного Востока.

Более тридцати докладов и выступлений на совещании было посвящено таким темам, как пути становления и развития восточного реализма, этапы, специфика, связи восточного реализма с устным народным творчеством, общественно-политическая обстановка, обусловившая появление и утверждение реализма в восточных литературах и роль в этом процессе отдельных поэтов и писателей-классиков, борьба за реализм в литературах Востока, связи реализма с романтизмом, критическим реализмом, условия формирования и формы развития социалистического реализма в восточных литературах, роль социалистического реализма в становлении различных литературных жанров и т. п.

Содержание ряда докладов еще раз убедительно показало, что на современном этапе развития советской ориенталистики как никогда прежде остро стоит вопрос о необходимости создания типологии восточного реализма.

А. А. Гаджиев (Баку) в докладе «Проблемы типологии реализма в литературах Советского Востока» выделил три исторические разновидности или направления в реалисти-

ческом творчестве, соответствующие трем важнейшим эпохам в истории развития народов Советского Востока. Это, по мнению докладчика, «феодално-демократический реализм», «буржуазно-демократический реализм» и «социалистический реализм». Докладчик характеризует каждую из этих форм, иллюстрируя свои выводы примерами из литератур народов Востока.

Говоря, в частности, о буржуазно-демократическом реализме, А. А. Гаджиев отметил, что «период становления этого реализма обычно называют «просветительским», а период утверждения — «критическим»; он считает, что литературы народов Советского Востока «приходят к социалистическому реализму, находясь на стадии развитого феодално-демократического реализма (туркменская, киргизская), или перехода от феодално-демократического к буржуазно-демократическому реализму (казахская, узбекская, таджикская), либо расцвета буржуазно-демократического реализма (азербайджанская, грузинская, армянская, татарская)». В то же время социалистический реализм олицетворяет собой не просто историческое развитие реализма, это — качественно новый тип художественного творчества, основанный на синтезе романтического и реалистического мышления и видения жизни.

В докладе З. С. Кедриной (Москва) «Некоторые вопросы типологии становления социалистического реализма в литературах народов Советского Востока» были рассмотрены «три своеобразных типа становления социалистического реализма». К первому типу З. С. Кедрина относит становление социалистического реализма на базе развитого критического реализма (азербайджанская, грузинская, армянская, татарская литературы), вторым типом, по ее мнению, является становление социалистического реализма в литературах, для которых в дореволюционном прошлом была характерна незавершенная форма критического реализма (казахская, узбекская, таджикская, туркменская, башкирская), третий тип социалистического реализма складывался у народов, не имевших до революции своей письменной литературы (киргизская, каракалпакская).

В докладе «Проблемы восточного реализма в азербайджанском литературоведении» К. А. Галыбзаде (Баку) изложил две различные точки зрения на реализм, утвердившиеся в азербайджанском литературоведении и критике. Одна из них рассматривает реализм как творческий принцип, присущий всем этапам литературного развития; согласно второй точке зрения реализм — продукт соответствующих исторических условий, творческий метод, характеризующийся конкретными философско-эстетическими принципами.

Отдавая предпочтение второй точке зрения, докладчик вместе с тем указал на ее уязвимые стороны и отметил рациональное зерно, содержащееся в первой концепции и заключающееся в том, что она позволяет правильно подойти к решению такого важного вопроса, как истоки зарождения азербайджанского реализма, и ряда других.

Докладчик полагает, что, анализируя вопрос об истоках социалистического реализма, следует рассматривать литературный процесс в целом. Например, в азербайджанской литературе XX века критический реализм имел различные внутренние течения (просветительский реализм, романтический реализм и как новое явление — пролетарская литература). Различными течениями и оттенками критического реализма не следует пренебрегать при исследовании истоков социалистического реализма.

К. А. Талыбзаде в своем докладе остановился также на проблемах соотношения реализма и романтизма в азербайджанской литературе, закономерностях зарождения и становления реализма как метода. Докладчик подверг критике поверхностное изучение литературно-исторических фактов, механическое перенесение отдельных готовых теорий на литературные явления, попытки отождествления реализма в различных литературах народов Востока. К. А. Талыбзаде подчеркнул, что создание теории азербайджанского реализма невозможно без глубокого изучения его истории, и указал на недопустимость недооценки национального научно-теоретического наследия прошлого.

Г. И. Ломидзе (Москва) в докладе «О своеобразии романтизма в литературах народов Советского Востока» подробно остановился на вопросах о соотношении и сосуществовании реализма и романтизма, сущности этих различных творческих методов. Он отметил, что ошибочные выводы некоторых ученых связаны с односторонним пониманием эстетической ценности указанных типов творчества, а также с неполной разработанностью литературоведческой терминологии. Г. И. Ломидзе напомнил собравшимся о совершенно правильной точке зрения С. Вургуня на романтизм, высказанной им на II Всесоюзном съезде писателей СССР и в ряде статей.

Большой интерес участников совещания вызвало обсуждение проблемы «Реализм и фольклор».

М. А. Ибрагимов (Баку) в докладе «Реализм в азербайджанской ашугской поэзии» отметил огромную роль азербайджанского ашугского творчества в развитии эстетической мысли народа и становлении реализма в азербайджанской литературе. Критикуя односторонность суждений ряда литературоведов и критиков, суживающих социально-исторические рамки реализма и характеризующих его как явление, связанное с определенной социальной формацией и присущее как метод художественного творчест-

ва литературе определенных народов и стран, М. А. Ибрагимов показал, что подобные концепции приводят в конечном итоге к отрицанию реализма в литературах и искусствах народов Востока. Далее докладчик остановился на основных вехах развития ашугского творчества в Азербайджане с XVI века до наших дней. Он подчеркнул, что реализм в ашугской поэзии прошел весьма долгий и сложный путь развития, постоянно обогащаясь и обретая новые качества. Это нашло воплощение в творчестве Ашуга Алескера, отразившего насущные проблемы современной ему эпохи. В советский период, заключил М. А. Ибрагимов, социалистический реализм — основной творческий метод нашей литературы — победил и в ашугской поэзии, которая всецело живет нашей современностью, нашими идеалами, глубоко и всесторонне отражая народное бытие.

М. Дуйсенов (Алма-Ата) выступил с докладом «К вопросу о фольклорных истоках реализма в казахской литературе». Ученый, сторонник дифференцированного подхода к фольклорным произведениям и образцам индивидуального творчества степных поэтов — устной литературе, утверждал, что в фольклоре казахов над зачатками реализма «подавляюще довлеет бытовизм» (указывая при этом на необходимость разграничения понятий «реализм» и «бытовизм»), отсутствует типизация характеров, тогда как «возникновение реализма связано с появлением типических характеров в типических обстоятельствах». Зарождение реализма в казахской литературе М. Дуйсенов связывает именно с устной литературой, подчеркивая, что «формирование неореалистического метода происходит главным образом в рамках дидактизма». Он полагает, что этот вывод правомерен и для литератур Юго-Восточной Азии, Индии, Афганистана, Ирана, Арабского Востока.

Реалистические традиции казахского фольклора были рассмотрены также в докладе Н. С. Смирновой (Алма-Ата), отметившей, что эти тенденции «заметнее в поздних жанрах казахского фольклора и устно-поэтических профессиональных акыньских жанрах: историческом эпосе и исторической песне, дастане, айтысе, песенной лирике»; эти тенденции «ярче выявляются в поздних редакциях традиционных устно-поэтических произведений, созданных акынами во второй половине XIX—начале XX вв.». Свои мысли Н. С. Смирнова иллюстрирует примерами реалистического изображения человека в различных жанрах казахского фольклора и устной литературы.

Теме «Фольклорные традиции и литература социалистического реализма» был посвящен доклад А. Н. Киреева (Уфа). Отметив, что социалистический реализм как наиболее зрелый и совершенный метод художественного изображения жизни избрал в себя лучшие традиции художественной практики народов, в том числе и традиции устнопоэти-

ческого творчества, докладчик остановился на творческом взаимопроникновении и взаимопереплетении литературы и фольклора. Он подчеркнул благотворное влияние фольклора на развитие реалистических тенденций в литературах народов Советского Востока, особенно в младописьменных. Анализ художественных произведений социалистического реализма в башкирской литературе позволяет докладчику сделать вывод, что изобразительные возможности, идущие от фольклорных традиций, «получают новое звучание и становятся эффективным средством выражения нового содержания, придавая языку произведений возвышенную приподнятость и эффективность».

Л. Н. Демидчик (Душанбе) в докладе «Реалистическое обновление традиции *хикоя* в таджикской прозе» остановилась на малых повествовательных жанрах. Докладчик отметил видоизменение, развитие, обогащение традиционной, широко распространенной в таджикско-персидской литературе малой формы художественной прозы — *хикоя*, связывая ее эволюцию в творчестве большинства писателей, пришедших в таджикскую литературу вслед за С. Айни, с углублением элементов реализма, с актуальностью, с четким проявлением авторского отношения к персонажам, с соблюдением принципа социальной обусловленности характера человека и его поведения, с психологизмом, а также со своеобразным сплавом «национальной дореалистической традиции и творчески воспринятого, творчески освоенного опыта мастеров русского критического и социалистического реализма и мировой литературы». Докладчик утверждает, что из синтеза всех этих качеств возникла новая для таджикской прозы форма — рассказ социалистического реализма, многообразный по видам, жанрам и стилю.

О принципах реалистического изображения в дооктябрьской туркменской литературе, синкретического связанного с элементами мифологии, об отделении реализма от фантастики и закономерностях возникновения в туркменской литературе нового художественного метода — метода социалистического реализма, о роли народных шахилов в этом процессе говорили в своих докладах *У. Абдуллаев* и *Н. Отдаев* (Ашхабад).

Вкладу выдающихся национальных художников слова в развитие реализма в восточных литературах был посвящен доклад *А. Х. Хайитметова* (Ташкент) «О роли Алишера Навои в утверждении реалистических принципов узбекской литературы». Докладчик подчеркнул, что хотя в своей основе творчество Навои, основоположника узбекской литературы, носит романтический характер, однако в художественном наследии его «имеется ряд больших и малых произведений, написанных в реалистическом духе и стиле... В своих поэмах Навои выступает и как мастер вставных реалистических новелл». Говорилось также о большой роли сатирических произведений Навои в форми-

ровании реалистических принципов узбекской литературы.

К. Джумаев и *Д. Нуралиев* (Ашхабад) в докладе «К вопросу о реализме в туркменской литературе» связывают возникновение и развитие реалистического направления с именем основоположника туркменской национальной литературы Махтумкули и его последователей — Зелили, Сейди, Кемине, Молланепеса и др.

О «своего рода реалистическом изображении действительности» в азербайджанской литературе XII—XVI вв., «основным и ведущим методом которой был ... романтизм», говорил в докладе «Проблема творческого метода в азербайджанской литературе XII—XVI вв.» *М. Ю. Гулизаде* (Баку). Докладчик свои выводы иллюстрировал примерами из произведений Хагани, Низами, Физули, особо подчеркнув реалистичность художественного метода Ф. Гургани в «Вис и Рамин» и А. Ардебели в «Фархаднаме».

Реалистическому началу в азербайджанской литературе XVII—XVIII вв. посвятил свой доклад *А. М. Дадашзаде* (Баку). Он отметил, что «становление реализма как художественно осмысленного метода в азербайджанской литературе относится к XIX веку», попытки отнести этот процесс к более ранним историческим периодам представляются ему неверными. В то же время *А. М. Дадашзаде* считает бесспорным, что «победа реалистического метода, реалистического художественного сознания была подготовлена всем ходом развития мировой литературы». Анализ творчества ряда видных поэтов-ашугов XVI—XVIII вв., произведений классиков азербайджанской литературы XVII—XVIII вв., таких, как Молла Вели Виледи, Ага Месих Ширвани, Шакир Ширвани, Наби Шекили и других, позволяет докладчику прийти к выводу, что в истории азербайджанской литературы XVIII век является периодом, «в какой-то мере подготовившим становление новых, реалистических тенденций, приведших к определенным качественным сдвигам в литературе». И хотя у упомянутых выше писателей прослеживается «пусть еще стихийный, неосознанный подход к осмыслению реальной действительности», однако уже в творчестве Вагифа реализм впервые находит относительно целостное воплощение. *А. М. Дадашзаде* отмечает, что этот присущий азербайджанской литературе XVIII века реализм «содержателен, непосредствен, стихийен» и «нельзя недооценивать его значения» в дальнейшем утверждении реалистического метода.

В докладе «О проблемах реализма в литературах народов Закавказья» *А. А. Шариф* (Москва) отнес возникновение реализма в литературах народов Закавказья, и в частности Азербайджана, к XVIII веку. По его мнению, реализм как творческий метод утвердился в грузинской, армянской и азербайджанской литературах в середине XIX в. В связи с этим *А. А. Шариф* дал краткий обзор творчества выдающихся представителей этих литератур — *Х. Абовяна*,

Г. Сундукяна, А. Ширванзаде, Д. Чонкадзе, Г. Эристави, Э. Ниношвили, М. Ф. Ахундова, Н. Везирова, С. С. Ахундова, Дж. Мамедкулизаде и др.

Доклад А. Х. Абдугафурова (Ташкент) был посвящен теме «Реализм в узбекской демократической литературе (второй половины XIX — начала XX вв.)». А. Х. Абдугафуров считает реалистический принцип ведущим в творчестве крупнейших представителей узбекской демократической литературы: Мукими, Фурката, Завки, Аваза. Этот принцип нашел особенно яркое воплощение в просветительском и сатирическом направлении узбекской литературы.

Докладчик отмечает непоследовательный, ограниченный характер реализма в исследуемую эпоху, что, однако, по его мнению, нисколько не умаляет значения и роли узбекской демократической литературы, ибо при всей исторической ограниченности этого реализма он «стал необходимой и важной стадией в последующем полном торжестве реалистического метода в литературе».

Ряд докладов был посвящен анализу «просветительского и критического реализма», сущности и условий формирования и становления критического реализма в литературах народов Советского Востока, проблемам его типологии, принципам историзма в нем, вопросам о традициях критического реализма в советских восточных литературах и т. п.

В докладе «Проблема периодизации и типологии азербайджанского реализма» Я. В. Караев (Баку) указал на отсутствие в азербайджанском литературоведении четко разработанной теории и истории критического реализма, что привело к методологическим просчетам, заключающимся в «рассматривании всей истории реалистической литературы как истории критического реализма», в выдвигании тезиса о «едином, универсальном критическом реализме», характерном для всех этапов и стадий развития реалистического метода, в отнесении творчества всех классиков XIX и XX вв. к одному и тому же типу реалистической литературы.

Я. В. Караев подчеркнул, что типологическое различие между реализмом, например, Сабера и С. А. Ширвани, М. Ф. Ахундова и Дж. Мамедкулизаде «нельзя рассматривать как различие между высшей и низшей, зрелой и ранней стадиями развития реализма; речь должна идти о двух самостоятельных и равноправных типах азербайджанского реализма», что «реализм в литературах народов Ближнего Востока первоначально, как правило, и идейно, и эстетически подготавливался просвещением», критический реализм утверждался на базе исторических завоеваний просветительского реализма как качественно новый и самостоятельный тип реализма.

Х. У. Усманов (Казань) выступил с докладом «Принцип историзма в критическом

реализме литератур ускоренного развития». Остановившись на условиях, подготовивших возникновение критического реализма в восточных литературах, в частности в татарской, ученый подчеркнул, что основой зарождающегося критического реализма в тюркоязычных литературах был историзм. Он остановился на тесной связи принципа историзма и реалистического отражения жизни, на причинах, обусловивших определенную ограниченность критического реализма в татарской литературе.

И. З. Нуруллин (Казань) в докладе «К вопросу о сущности и условиях формирования критического реализма» пытался внести ясность в вопрос об условиях и времени формирования в восточных литературах критического реализма как метода и направления. Материалы русской, западноевропейской и восточных литератур, в частности тюркоязычных, позволяют, по мнению докладчика, не согласиться с теми учеными, которые считают, что критический реализм возникает в результате развития капиталистических отношений при буржуазном строе. И. З. Нуруллин выдвинул свою концепцию возникновения критического реализма в восточных литературах.

Доклад Т. Какишева (Алма-Ата) был посвящен традициям критического реализма в казахской советской литературе. Исходя из конкретного творческого опыта писателей, и в первую очередь М. Ауэзова, ученый говорил о продолжении традиций критического реализма в литературе Советского Казахстана в период ее становления, о «преемственности в развитии литературы вообще и творческих методов в частности». Т. Какишев приходит к выводу, что «если еще на заре становления советской литературы появлялись произведения, написанные в традициях критического реализма, то это показывает, что становление социалистического реализма сопровождалось приобретением того передового и прогрессивного, что заключалось в ранее сложившихся, но постепенно уходящих со сцены явлениях».

Отдельные проблемы взаимосвязей, сосуществования, преемственности и соотносительности различных творческих методов в литературах народов Советского Востока рассматривались почти во всех выступлениях участников совещания. Этим вопросам посвятили свои доклады И. С. Брагинский (Москва) — «Соотношение романтического и реалистического начал в литературных традициях народов Среднего Востока», М. Дж. Джафаров (Баку) — «Романтизм и его соотношение с другими методами в азербайджанской литературе XX века», Ю. Г. Нигматуллина (Казань) — «О соотношении реализма с другими творческими методами в татарской литературе конца XIX — начала XX века», Б. А. Набиев (Баку) — «К вопросу о соотношении социалистического реализма и романтизма в азербайджанской литературе», Г. Б. Хусаинов

(Уфа) — «Переход от реализма и романтизма дооктябрьского периода к социалистическому реализму в башкирской литературе», *Г. Б. Бабаев* (Баку) — «Самед Вургун о романтизме в советской литературе» и др.

Ученые отмечали наряду с существованием объективно-исторических условий, во многом общих для народов Советского Востока, и наличие также важных моментов и обстоятельств индивидуально-неповторимых и специфических. Так, например, параллельное развитие «в содружестве» в татарской литературе конца XIX — начала XX в. критического реализма и романтизма объясняется ускоренными обстоятельствами ее развития, в результате чего литература татарского народа пришла к критическому реализму непосредственно от просветительского, миновав романтическую стадию (*Ю. Г. Нигматуллина*). Такое же положение характерно и для башкирской литературы, прошедшей в начале XX века ускоренный процесс развития. «Складывание и формирование в ней критического реализма сопровождалось контактами и борьбой с романтическим течением», а после Великой Октябрьской социалистической революции «сложное переплетение элементов реализма, романтизма, натурализма... говорит о трудности того пути творческих поисков, которым шла башкирская поэзия в первой половине 20-х годов» (*Г. Б. Хусаинов*) и т. д.

И. С. Брагинский, сделав экскурс в древние времена, к истокам формирования приемов художественного отображения действительности, утверждал на основании ряда конкретных примеров, что еще в древних образцах шумеро-аккадских, иранских литератур (мифах, легендах и др.) синкретично сосуществовали реалистические, романтические, символические, гиперболические (сатирические) элементы. И в дальнейшем, в период развития собственно арабоязычной, персоязычной и тюркоязычной литературы, эти элементы продолжали оставаться, однако становление реализма как художественного метода в литературах Востока относится все же к XIX веку.

М. Дж. Джафаров в своем докладе говорил о соотношении в азербайджанской литературе романтизма с критическим реализмом. Влияние реализма на таких азербайджанских романтиков, как *Г. Джавид*, *М. Хади*, *А. Шаир*, *А. Сиххат* и другие, можно видеть, по мнению докладчика, в «их критическом отношении к социально отрицательным явлениям действительности», в использовании ими реалистических по своим функциям изобразительных приемов, хотя, подчеркивает он, «романтики... для воплощения своих идеалов гуманизма, возвышенных чувств и мыслей, высоких нравственных норм, истинных человеческих отношений обращались к романтическому методу, к помощи мечты, фантазии», которые, однако, при всем своем абстрактном характере «были порождены самой реальной действительностью, исторической эпохой».

Интересны в этом плане выступления *Г. Б. Бабаева*, *Б. А. Набиева* и других, содержащие анализ суждений *С. Вургун* о романтизме в советской литературе, на фоне его собственного творчества и творчества *Ч. Айтматова*, сочетающих в себе и романтическое, и реалистическое начала.

Отдельным аспектам проблемы социалистического реализма были посвящены доклады *С. Г. Асадуллаева* (Баку) «Формы развития социалистического реализма в азербайджанской литературе» и *А. Г. Эфендиева* (Баку) «Концепция времени в социалистическом реализме».

С. Г. Асадуллаев отметил особо важное научно-теоретическое значение создания систематизированной истории формирования, этапов и типологических форм развития социалистического реализма в условиях обострившейся в настоящее время идеологической борьбы в области эстетики и литературоведения. Докладчик утверждал, что «периодизация социалистического реализма предполагает прежде всего наличие определенной концепции творческого метода как целостной эстетической системы, исторически, социально и художественно обусловленного закономерностями процесса развития литературы». Отдельные попытки советских и зарубежных ученых установить периодизацию социалистического реализма нуждаются, по мнению докладчика, в критической оценке; они могут быть рассмотрены лишь как первые попытки освещения данной проблемы, при исследовании которой необходимо исходить «из диалектического единства исторического и типологического, синхронного и диахронного принципов анализа структуры литературного процесса как единого целого, художественно-структурных связей и отношений формообразующих факторов, стилевых тенденций и жанровых признаков».

А. Г. Эфендиев отметил, что любое литературное направление или метод открыто или подспудно утверждает свое понимание времени, эпохи. В противовес буржуазному модернизму с его безнадежным пессимизмом социалистический реализм оценивает эпоху, основные ее противоречия и тенденции развития с классовых позиций, основываясь на историческом оптимизме, осмысленной революционной практики, преобразовательной деятельности масс. С этих позиций докладчик анализирует творчество азербайджанского драматурга *Дж. Джабарлы*, казахского романиста *М. Ауэзова*, киргизского прозаика *Ч. Айтматова*.

Вопросам реализма в связи с исследованием отдельных жанров в литературах народов Советского Востока были посвящены доклады *М. Шукурова* (Душанбе) — «Черты национального своеобразия в таджикской прозе», *А. Г. Ахмадуллина* (Казань) — «Формирование татарской реалистической комедии», *А. М. Агаева* (Баку) — «Вопросы становления социалистического реализма в азербайджанской поэзии», *А. А. Валитовой*

(Москва) — «Некоторые вопросы типологии восточной прозы», А. Садыкова (Фрунзе) — «Вопросы реализма в творчестве Токтогула Сатылганова и Тоголока Молдо».

Б. Гусейнов (Баку), основываясь на материалах исследований иранской литературы, говорил о роли внутренних и внешних факторов в становлении реализма, о критическом реализме и тенденциях социалистического реализма в литературах капиталистических стран Востока. Он выступил против вульгаризаторских воззрений некоторых исследователей, связывающих формирование реализма с наличием развитого капитализма именно в данной восточной стране, а также и против тех, кто игнорирует роль развивающегося капитализма в становлении реализма, считая последний творческим методом, характерным даже для некоторых средневековых восточных поэтов и писателей. По мнению Б. Гусейнова, формирование реализма в некоторых литературах Востока еще во второй половине прошлого столетия, то есть при феодализме, было обусловлено влиянием идей молодого, тогда еще прогрессивного капитализма, утверждавшегося в других, более развитых странах, оказавших соответствующее воздействие на мировоззрение и творчество передовых восточных поэтов и писателей.

В заключительном слове академик М. А. Дадашзаде, подводя итоги научному

совещанию, отметил его важность и актуальность, высокий научный уровень. В многочисленных, тематически весьма разнообразных докладах получили освещение, подчеркнул М. А. Дадашзаде, многие малонисследованные проблемы восточных литератур, перспективы дальнейшего изучения восточного реализма.

М. А. Дадашзаде выразил уверенность, что это совещание активизирует разработку проблем реализма в литературах народов Востока. Проведение подобных встреч ученых должно стать научной традицией. Инициаторами их периодического созыва в отдельных республиках Советского Востока должны выступить академии наук союзных республик совместно с Институтом мировой литературы им. А. М. Горького.

Выражая единодушное мнение собравшихся, М. А. Дадашзаде сообщил, что ввиду большой научной значимости данного совещания, явившегося этапом в изучении проблем реализма в литературах Советского Востока, его материалы решено опубликовать в виде отдельной книги. В состав редколлегии этого издания были включены: М. А. Дадашзаде, Г. И. Ломидзе, И. С. Брагинский, К. А. Талыбзаде и А. А. Гаджиев.

С. Л. Лукьянова

PERSONALIA

АХНЯФ НУРИЕВИЧ КИРЕЕВ

(К 60-летию со дня рождения)

Научная и литературная общественность Башкирии широко отметила 60-летие со дня рождения и сорокалетие научно-творческой деятельности заведующего кафедрой башкирской литературы Башкирского государственного университета, доктора филологических наук, профессора Ахняфа Нуриевича Киреева (литературный псевдоним — Кирей Мэргэн).

А. Н. Киреев родился в 1912 году в деревне Кигази Мишкинского района Башкирской АССР в семье учителя. С юных лет А. Н. Киреев активно участвовал в колхозном строительстве, был сельским учителем, сотрудником районной газеты. В 1932 году с комсомольской путевкой приехал на новостройки Уфы и работал землекопом, каменщиком, бригадиром, комсоргом, а затем литсотрудником в редакции многотиражной газеты «Удар тузулюш» («Ударная стройка»).

В 1939 году А. Н. Киреев окончил литературный факультет Башкирского государственного педагогического института. В предвоенные годы работал в редакциях газет

«Ленинец», «Совет Башқортостаны», башкирского литературно-художественного журнала «Октябрь», был собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в Башкирии.

В годы Великой Отечественной войны А. Н. Киреев находился на фронте, в частях Особой гвардейской башкирской кавалерийской дивизии.

С 1946 по 1964 год А. Н. Киреев — научный сотрудник, а затем заведующий сектором литературы и фольклора Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР; с 1965 года — заведующий кафедрой башкирской литературы Башкирского государственного университета.

Один из ведущих филологов республики, А. Н. Киреев внес значительный вклад в башкирскую советскую фольклористику и литературоведение. Им опубликовано свыше 150 работ, посвященных актуальным проблемам башкирской филологии, в том числе книги о творчестве писателей и народных сээнов (импровизаторов) Башкирии. Несомненный интерес представляют его исследования по вопросам национальной формы советских литератур и о башкирской прозе.

Особенно плодотворно работает ученый в области собирания и изучения устнопоэтического творчества башкирского народа. В 1944 году им была издана книга «Военный фольклор», куда вошли фронтовые песни, байты, частушки и загадки.

Окончив в 1954 году Академию общественных наук при ЦК КПСС и успешно защитив кандидатскую диссертацию, А. Н. Киреев многие годы руководит фольклорными экспедициями в районы Башкирии, а также в Челябинскую, Оренбургскую, Курганскую, Свердловскую, Куйбышевскую и Саратовскую области. Большую научную ценность представляют записанные А. Н. Киреевым эпические памятники, исследованные им в монографии «Башкирский народный героический эпос», изданной на башкирском и русском языках. Эта работа защищена им в 1963 г. в качестве докторской диссертации.

В 1960 г. А. Н. Киреевым были опубликованы сборники «Зеркало народной души», «Башкирские народные пословицы», в 1968—«Башкирские народные загадки». А. Н. Киреев был инициатором и редактором осуществленного в 60-х гг. пятитомного издания «Башкирия в русской литературе».

Результаты научных исследований были доложены А. Н. Киреевым на VII (Москва, 1964) и VIII (Токио, 1968) Международных конгрессах антропологических и этнографических наук.

А. Н. Киреев отдает много сил и энергии делу подготовки национальных кадров литературоведов и фольклористов.

Наряду с научной деятельностью А. Н. Киреев успешно занимается и художественным творчеством. Большой популярностью пользуются его проза, драматургия и произведения, написанные для детей. Художественные

произведения А. Н. Киреева переведены на многие языки народов СССР, а некоторые изданы и на иностранных языках.

А. Н. Киреев выполняет большую общественную работу. Он — заместитель председателя Совета Башкирского государственного университета по присуждению ученых степеней по филологическим наукам, член научного совета по фольклору при ОЛЯ АН СССР, член Государственной комиссии по присуждению республиканской премии имени Салавата Юлаева.

За плодотворную научную и творческую деятельность А. Н. Киреев награжден орденами и медалями СССР, а также грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР и БАССР.

М. Г. Рахимкулов

НЕКРОЛОГ

УМАР БАБЛАШЕВИЧ АЛИЕВ

22 сентября 1972 г., на 62 году жизни, скоропостижно скончался крупный специалист в области карачаево-балкарского языка, член КПСС с 1940 г., доктор филологических наук, профессор Умар Баблашевич Алиев.

У. Б. Алиев родился 31 января 1911 года в ауле Верхняя Теберда Кубанской области. В 1933 г. он окончил Ростовский педагогический институт. С 1935 г. после обучения в аспирантуре Северо-Кавказского научно-исследовательского института им. С. М. Кирова У. Б. Алиев работал в Кабардино-Балкарском государственном педагогическом институте преподавателем карачаево-балкарского языка и литературы, заведующим кафедрой, а затем — проректором.

В те годы решались вопросы создания научной грамматики карачаево-балкарского языка, методики его преподавания, начинала развиваться молодая карачаево-балкарская художественная литература. У. Б. Али-

ев один из первых принял активное участие в разработке этих актуальных проблем языкового строительства. Его литературоведческая работа «Очерки поэзии Карачая и Балкарии» (1935) и учебники балкарского языка сыграли большую роль в практике преподавания родного языка в школе и развитии поэтического искусства.

Одновременно У. Б. Алиев занимался научными исследованиями в области карачаево-балкарского языка и в 1943 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию.

С 1944 по 1951 год У. Б. Алиев заведовал кафедрой русского языка Киргизского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе. Он читал курсы лекций по современному русскому языку, сопоставительной грамматике русского и киргизского языков, введению в языкознание, общему языкознанию и др.

С 1951 по 1957 г. У. Б. Алиев — декан филологического факультета Киргизского государственного заочного пединститута. Им разработаны и в 1956 г. опубликованы методические пособия для преподавателей русского языка в киргизской школе.

Работая в Кабардино-Балкарском государственном университете (1957—1962 гг.), У. Б. Алиев успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Вопросы сложного предложения в карачаево-балкарском языке». В этот период он особенно плодотворно занимался научной и учебно-методической работой. Об этом красноречиво свидетельствует перечень его трудов, опубликованных только за один 1959 год: монография «Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках» (части I—II), являющаяся серьезным исследованием наиболее сложных вопросов синтаксиса в типологическом аспекте; статьи — «Причастие и деепричастие в балкарском языке», «О некоторых синтаксических схождениях и расхождениях между русским и карачаево-балкарским языками», «О залогах русского и карачаево-балкарского языков»; целый ряд школьных учебников карачаевского и балкарского языков, «Грамматика карачаевского языка».

С 1962 г. и до самой смерти У. Б. Алиев работал в Карачаево-Черкесском государственном педагогическом институте сперва в должности ректора, затем — профессора кафедры русского языка.

Научные труды У. Б. Алиева охватывают широкий круг проблем карачаево-балкарского синтаксиса, морфологии, диалектологии. Особый интерес представляет его неопубликованный теоретический труд «Фонема и фонематический вес», завершённый ещё в 1948 г.

У. Б. Алиев активно интересовался также актуальными проблемами прикладной лингвистики: орфографией, терминологией, пунктуацией и т. д.

Последний крупный научный труд У. Б. Алиева «Синтаксис карачаево-балкарского языка» вышел из печати в 1972 г. накануне безвременной кончины автора.

У. Б. Алиев, разносторонне одаренный человек, был не только талантливым языковедом, но и поэтом, переводчиком — пропагандистом советской литературы. Он читал лекции по литературе народов СССР, изу-

чал карачаево-балкарское устное народное творчество. Написанные У. Б. Алиевым по мотивам легенд и нартских сказаний книги «Кто больше?» (1959), «Аймуш» (1966) пользуются большой популярностью. Драмы У. Б. Алиева «Ачамез», «Бийнегер» созданы на основе сюжета народных героических песен. В 1964 году он выпустил сборник стихов для детей «Мать и дитя». Лучшие стихи У. Б. Алиева вошли в антологию карачаевской поэзии и школьные учебники-хрестоматии.

У. Б. Алиев перевел на карачаево-балкарский язык ряд произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева и Т. Г. Шевченко.

За свою многолетнюю научно-педагогическую деятельность У. Б. Алиев был награжден орденом «Знак почета» и медалями.

Светлая память об У. Б. Алиеве, большом ученом, чутком и отзывчивом наставнике и человеке, навсегда сохранится в сердцах его коллег и благодарных учеников.

Ш. Х. Акбаев, М. А. Хубиев

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1972 ГОДУ (№№ 1—6)

	№	стр.
Тюркское языкознание в СССР за пятьдесят лет	6	3—19
<i>Демирчизаде А. М.</i> (Баку). Сравнительный метод Махмуда Кашгари	1	31—42
<i>Кляшторный С. Г.</i> (Ленинград). Эпоха Махмуда Кашгарского	1	18—23
<i>Кононов А. Н.</i> (Ленинград). Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат-ит-түрк»	1	3—17
<i>Ширалиев М. Ш.</i> (Баку). Махмуд Кашгари как диалектолог	1	24—30
<i>СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА</i>		
<i>Абдуллаев А. З.</i> (Баку). О трансформации компонентов сложноподчиненных предложений	6	20—29
<i>Аннануров А.</i> (Ашхабад). Функциональное развитие грамматических категорий, связанных с деепричастием на -р	2	32—39
<i>Асланов В. И.</i> (Баку). «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и азербайджанский язык	1	61—74
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Различные структуры диалектных систем тюркских языков и характер изоглосс общетюркского атласа	5	3—9
<i>Будагова З. И.</i> (Баку). Эллиптические предложения в современном азербайджанском языке	5	10—16
<i>Вернер Г. К.</i> (Таганрог). Проблема происхождения фарингализации в тувинском и тофаларском языках	5	17—24
<i>Гаджиева Н. З.</i> (Москва). О роли некоторых внутренних и внешних факторов в изменениях структуры тюркских языков	3	3—15
<i>Гарипов Т. М.</i> (Уфа). Махмуд Кашгари и кыпчакские языки Урало-Поволжья	1	47—51
<i>Гарипов Т. М.</i> (Уфа). Старотюркские письменные памятники Башкирии	4	39—45
<i>Гасымов М. Ш.</i> (Баку). Основные способы образования терминов в современном азербайджанском литературном языке	4	23—31
<i>Дульзон А. П.</i> (Томск). Происхождение алтайских показателей множественного числа	2	3—15
<i>Есенов Х. М.</i> (Алма-Ата). Основные средства связи компонентов сложноподчиненных предложений	4	17—22
<i>Закиев М. З.</i> (Казань). Некоторые вопросы формирования сложноподчиненных предложений	2	23—31
<i>Ибрагимов С., Асамуддинова М.</i> (Ташкент). Отражение профессиональной терминологии в «Дивану лугат-ит-тюрк» и «Кутадгу билиг»	1	114—122

	№	стр.
<i>Исламов М. И.</i> (Баку). Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка	3	16—28
<i>Кайдаров А. Т.</i> (Алма-Ата). Различные способы выражения одних и тех же грамматических отношений в близкородственных языках	2	16—22
<i>Караев О.</i> (Фрунзе). Историко-географические данные, сообщаемые Махмудом Кашгари	1	111—113
<i>Кобешавидзе И. Н.</i> (Москва). К характеристике графики и фонемного состава языка орхон-енисейских надписей	2	40—46
<i>Курышжанов А. К.</i> (Алма-Ата). Махмуд Кашгари о кыпчакском языке	1	52—60
<i>Кучкаргаев И.</i> (Ташкент). Лексика «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и современный узбекский литературный язык	1	83—90
<i>Мамедов А. М.</i> (Баку). Ассимиляция в свете взаимоотношения фонетики и грамматики	4	12—16
<i>Маггазиев А.</i> (Фергана). К истории фонетического изменения слов в узбекском языке	1	106—110
<i>Мусаев К. М.</i> (Москва). Названия дней недели в западнокыпчакских тюркских языках	4	32—38
<i>Насилов Д. М., Храковский В. С.</i> (Ленинград). О пассивной деривации в узбекском языке	6	40—49
<i>Нигматов Х. Г.</i> (Бухара). Некоторые особенности тюркских авторских примеров в «Диване» Махмуда Кашгари	1	100—102
<i>Орузбаева Б. О.</i> (Фрунзе). Словарь Махмуда Кашгари как источник для изучения лексики киргизского языка в историческом плане	1	43—46
<i>Осмоналиева Б.</i> (Фрунзе). Об отражении лексики киргизского языка в словаре Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк»	1	97—99
<i>Рагимов М. Ш.</i> (Баку). «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и древнетюркские элементы в диалектах и говорах азербайджанского языка	1	75—82
<i>Сергеев В. И.</i> (Москва). Генезис и семантика форманта множественности <i>-set</i> в чувашском языке	3	29—34
<i>Соколов С. А.</i> (Москва). Синтаксическая парентеза в сложном предложении	6	30—39
<i>Таги-заде Э. Х., Поганова Р. К.</i> (Москва). Акустический анализ согласных современного азербайджанского литературного языка	6	50—54
<i>Тепляшина Т. И.</i> (Москва). Об одном волжско-камском ареальном явлении	3	35—40
<i>Умаров Э. А.</i> (Ташкент). Иноязычные фразеологизмы в языке Навои	4	46—53
<i>Умаров Э. А.</i> (Ташкент). О двух омонимах в «Диване» Махмуда Кашгари	1	103—105
<i>Шукуров Ш.</i> (Ташкент). Староузбекский и современный узбекский литературные языки	1	91—96
<i>Щербак А. М.</i> (Ленинград). К характеристике системы тюркских падежей в плане содержания	4	3—11
<i>Юсипова Р. Р.</i> (Москва). К лексико-семантической характеристике именных фразеологизмов турецкого языка	3	41—47

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>Арсланов Л. Ш.</i> (Елабуга). О влиянии ногайского языка на татарские говоры Ставропольского края	5	25—31
<i>Ебаев К. Р.</i> (Бухара). Семантические изменения тюркизмов при их заимствовании	2	47—53

	№	стр.
<i>Бажина И.</i> (Фрунзе). К вопросу о киргизских заимствованиях в русском языке	5	32—45
<i>Тукан Б. П., Удлер Р. Я.</i> (Кишинев). Молдавско-гагаузские языковые взаимоотношения	6	55—67
ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ		
<i>Абдугафуров А. Х.</i> (Ташкент). О «Рисолаи Хусайн Бойқаро»	5	46—52
<i>Короглы Х.</i> (Москва). Шаман, полководец, озан	3	48—62
<i>Хайитметов А.</i> (Ташкент). О древней поэзии тюрков	1	123—128
ОНОМАСТИКА, ТОПОНИМИКА, ЭТНОНИМИКА		
<i>Гуссейзаде А.</i> (Баку). К этимологии топонима <i>Viläzägi</i>	5	58—63
<i>Корнилов Г. Е.</i> (Чебоксары). К этимологии топонима <i>Seboksary</i>	2	54—62
<i>Молчанова О. Т.</i> (Ярославль). К вопросу о географической терминологии и топонимии территории	6	68—73
<i>Никонов В. А.</i> (Москва). Размежевание личных имен по полу у тюркоязычных народов	2	63—67
<i>Рахматов Т.</i> (Москва). Одонимы Самарканда	4	54—61
<i>Тепляшина Т. И.</i> (Москва). Из патронимии каринских татар	5	53—57
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ		
<i>Ахметов З. А.</i> (Алма-Ата). К вопросу изучения теории тюркского стиха	2	80—87
<i>Баскаков А. Н.</i> (Москва). Некоторые спорные вопросы синтаксиса бессоюзных сложноподчиненных предложений в турецком языке	3	77—80
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). К вопросу о структуре сказуемого в тюркских языках	2	68—79
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). О проекте программы кандидатского минимума по тюркскому языкознанию для аспирантов	4	78—93
<i>Ганиев Ф. А.</i> (Казань). Сложные глаголы в тюркских языках	3	63—66
<i>Голубева Н. П.</i> (Москва). Словообразовательная функция аффикса <i>-dan/-den</i> в современном турецком языке	3	81—84
<i>Зейналов Ф. Р.</i> (Баку). Об одном «древнем тюркском языке» в Среднем Иране	6	74—79
<i>Латыпов Ч. Ю.</i> (Уфа). О субъектно-предикативных связях между членами синтаксических структур с неличными формами глагола в английском и тюркских языках	5	69—77
<i>Мураталиева Д. М.</i> (Фрунзе). О подаче и раскрытии значений слов в толковых словарях	3	70—76
<i>Орузбаева Б. О.</i> (Фрунзе). Современная киргизская терминология	4	72—77
<i>Рабинович А. И.</i> (Алма-Ата). К вопросу о фонологическом статусе казахских согласных (<i>к, қ, г, ғ, х</i>)	3	67—69
<i>Садвакасов Г.</i> (Алма-Ата). Имеется ли в современном уйгурском языке фонетический способ словообразования?	6	80—82
<i>Серебрянников Б. А.</i> (Москва). К истории суффикса деноминативных глаголов <i>-la</i> в тюркских языках	5	64—68
ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ		
<i>Курбанов А. А., Кузьмин О. Д.</i> (Ашхабад). Александр Петрович Поцелуевский	2	88—94

	№	стр.
<i>Петров Н. Е.</i> (Якутск). О. Н. Бётлингк и некоторые вопросы изучения служебных слов в тюркских языках	4	62—71
СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ		
<i>Амиров Р. С.</i> (Алма-Ата). О казахской разговорной речи	5	102—107
<i>Атенов Ш.</i> (Алма-Ата). Интонация приложения в современном казахском языке	4	102—111
<i>Демесинова Н. Х.</i> (Алма-Ата). Изучение бессоюзного сложноподчиненного предложения в казахском языке	3	93—96
<i>Джуманазаров Ю.</i> (Ургенч). Об изучении синтаксиса огузских говоров Средней Азии	5	98—101
<i>Кобешавидзе И. Н.</i> (Москва). Разграничение сфер глагольного словообразования и словоизменения в языке орхоно-енисейских надписей	5	91—95
<i>Кузнецов П. И.</i> (Москва). Издания и публикации «Турецкого лингвистического общества» (1971 год)	6	101—107
<i>Кузнецов П. И.</i> (Москва). Об одном случае «неправильного» употребления винительного падежа в турецком языке	5	96—97
<i>Любимов К. М.</i> (Москва). О числовом значении нулевой формы тюркских существительных	5	78—83
<i>Мелиев К. М.</i> (Ташкент). О редукции широких гласных	6	91—92
<i>Мухлисов Ю.</i> (Алма-Ата). Об уйгурском переводе «Дивану лугат-ит-тюрк»	1	150
<i>Насыров Д. С.</i> (Москва). Состояние и задачи изучения диалектов каракалпакского языка	4	94—101
<i>Орусбаев А.-К.</i> (Фрунзе). Из материалов экспериментального исследования киргизского ударения	4	112—124
<i>Петров Н. П.</i> (Чебоксары). 100-летие новой чувашской письменности	3	103—107
<i>Рустамов А.</i> (Ташкент). О переводе «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари на русский язык	1	129—139
<i>Садыгов А. Ш.</i> (Баку). Об одном неизученном памятнике азербайджанского языка XVI в.	4	125—133
<i>Сарыбаев Ш.</i> (Алма-Ата). Диалектологический атлас казахского языка	3	85—92
<i>Сыдыков Ж. К.</i> (Москва). Экспериментально-фонетическое исследование безударных гласных киргизского языка	5	84—90
<i>Ураксин З. Г.</i> (Уфа). Развитие башкирского языкознания за годы Советской власти	2	95—102
<i>Фазылов Э. И.</i> (Ташкент). Об изданиях и издателях «Дивана» Махмуда Кашгари	1	140—149
<i>Фарзалиев Т. А., Аббасов И. И.</i> (Баку). О развитии азербайджанской советской фольклористики	5	115—122
<i>Федотов М. Р.</i> (Чебоксары). К вопросу о древнечувашской письменности	5	108—114
<i>Хаджиолова К. А.</i> (София). Глагольная форма на - ^о р в турецких литературных памятниках XIII—XVI веков	6	83—90
<i>Хафизова А.</i> (Ташкент). «Келурнаме» Мухаммеда Якуба Чинги	3	97—102
<i>Чарьяров Б.</i> (Ашхабад). О развитии туркменского языкознания	6	93—100
РЕЦЕНЗИИ		
<i>Асланов В. И.</i> (Баку). A Fourteenth Century Turkic Translation of Sa'di's «Gulistan» by A. Bodrogligeti	2	111—114

	№	стр.
<i>Гусейнов Р. А., Алиев К. Г.</i> (Баку). Д. Е. Еремеев. Этногенез турок	2	103—110
<i>Добродомов И. Г.</i> (Москва), <i>Гарипов Т. М.</i> (Уфа). «Тюркская лексикология и лексикография»	5	125—130
<i>Зайнуллин М. В., Зарипов Р. Ф.</i> (Уфа). Н. Ишбулатов. Современный башкирский язык	6	114—116
<i>Ибрагимов С. И., Караев С. К.</i> (Ташкент). С. Атанязов. Топонимический словарь Туркменистана	5	132—133
<i>Курбатов Х.</i> (Казань). «Вопросы татарского языкознания»	5	136—137
<i>Левитская Л. С.</i> (Москва). «Кумыкско-русский словарь»	6	116—118
<i>Мамедов А. М.</i> (Баку), А. К. Алекперов. Фонематическая система современного азербайджанского языка	3	117—119
<i>Мамедов К.</i> (Баку), М. Г. Тахмасиб. Азербайджанские народные дастаны	5	137—138
<i>Мамедов С. А., Киличев Э. Р., Нигматов Х. Г.</i> (Бухара), М. М. Мирзаев. Бухарская группа говоров узбекского языка	4	135—138
<i>Наджип Э. Н.</i> (Москва), А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России	5	123—125
<i>Наджип Э. Н.</i> (Москва), Г. Ю. Алиев. Байрам-хан, туркменский поэт	6	110—114
<i>Наджип Э. Н.</i> (Москва). Наманганский список «Кутадгу билиг»	3	108—113
<i>Насилов Д. М.</i> (Ленинград). Первые опыты обратных словарей тюркских языков	4	134—135
<i>Насилов Д. М., Тугушева Л. Ю.</i> (Ленинград). G. Hazai und P. Zieme. Berliner Turfantexte, I.	3	120—122
<i>Сулейменова Б. А.</i> (Алма-Ата), Б. Абилхасимов. Язык первых казахских газет	5	134—135
<i>Умаров Э. А.</i> (Ташкент), М. Садыкова. Русско-узбекский фразеологический словарь	6	119—120
<i>Унгицкая М., Майногашева В.</i> (Абакан), В. Каноков. От фольклора к письменности	4	138—140
<i>Фазылов Э. И., Данилова Л. В.</i> (Ташкент), Л. П. Сергеев. Диалектологический словарь чувашского языка	3	113—116
<i>Ходжиев А. Х., Базарова Д. Х.</i> (Ташкент). «Русско-узбекский словарь»	6	118—119
<i>Ходжиев А., Базарова Д. Х., Данияров Р.</i> (Ташкент). «Словарь узбекских народных говоров»	5	130—132
<i>Худайкулиев М.</i> (Ашхабад), С. Куренов. Долгие и краткие гласные в туркменском языке	3	116—117
<i>Щербак А. М.</i> (Ленинград). Sir Gerard Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish	6	108—110

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). XV сессия Постоянной интернациональной алтаистической конференции (ПИАК)	6	121—123
<i>Валлуллина З. М.</i> (Казань). Конференция по татарскому языкознанию, посвященная 50-летию СССР	6	123—125
<i>Левитская Л. С.</i> (Москва). «Маловские чтения»	3	128
<i>Лукиянова С. Л.</i> (Баку). Совещание по проблемам реализма в литературах народов Советского Востока	6	126—131
<i>Медведева Л. Я.</i> (Ленинград). Чтения памяти В. М. Жирмунского	3	129
<i>Покровская Л. А.</i> (Москва). О работе над Диалектологическим атласом тюркских языков Советского Союза	3	126—128

	№	стр.
<i>Слепцов П. А.</i> (Якутск). К 120-летию выхода в свет работы О. Н. Бётлингера «О языке якутов»	3	123—125
<i>Фазылов Э. И., Данилова Л. В.</i> (Ташкент). Всесоюзная тюркологическая конференция, посвященная 900-летию труда Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тиюрк»	1	151—155
Резолюция конференции		156—157
<i>Фазылов Э. И., Чичулина Л. Г., Данилова Л. В.</i> (Ташкент). Выездная объединенная сессия Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и академий наук республик Средней Азии и Казахстана	2	115—126

PERSONALIA

<i>Валиходжаев Б.</i> (Самарканд). Вахид Абдуллаевич Абдуллаев	3	130—131
<i>Покровская Л. А., Тенишев Э. Р.</i> (Москва). Ольга Ивановна Иванова-Шацкая	3	131—132
<i>Рахимкулов М. Г.</i> (Уфа). Ахняф Нуриевич Киреев	6	132—133

ХРОНИКА

«Именное словообразование и формообразование в карачаево-балкарском языке»	2	128
«Основы терминологии азербайджанского языка»	3	135—136
Памяти Ф. Г. Исхакова	2	129
«Развитие татарского национального литературного языка и его стилей»	3	134
«Сатира и юмор в узбекском фольклоре»	4	141
«Синонимы в казахском языке»	3	135
«Художник и жизнь»	2	127
Чествование профессора С. Н. Иванова	3	133—134

НЕКРОЛОГИ

<u>Алиев У. Б.</u>	6	134—135
<u>Гурсунов У. Т.</u>	2	131—132
<u>Харитонов Л. Н.</u>	2	130—131

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Письмо в редакцию	3	137—138
<i>Кормушин И. В., Насилов Д. М.</i> (Ленинград). За научное, глубокое изучение древнетюркских памятников	5	139—142

СОДЕРЖАНИЕ

Тюркское языкознание в СССР за пятьдесят лет 3

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- А. З. *Абдуллаев* (Баку). О трансформации компонентов сложноподчиненных предложений 20
 С. А. *Соколов* (Москва). Синтаксическая парентеза в сложном предложении 30
 Д. М. *Насилов*, В. С. *Храковский* (Ленинград). О пассивной деривации в узбекском языке 40
 З. Х. *Таги-заде* (Баку), Р. К. *Потапова* (Москва). Акустический анализ согласных современного азербайджанского литературного языка 50

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Б. П. *Тукач*, Р. Я. *Удлер* (Кишинев). Молдавско-гагаузские языковые взаимоотношения 55

ТОПОНИМИКА

О. Т. *Молчанова* (Ярославль). К вопросу о географической терминологии и топонимии территории 68

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Ф. Р. *Зейналов* (Баку). Об одном «древнем тюркском языке» в Среднем Иране 74
 Г. *Садвакасов* (Алма-Ата). Имеется ли в современном уйгурском языке фонетический способ словообразования? 80

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- К. А. *Хаджиолова* (София). Глагольная форма на -*р* в турецких литературных памятниках XIII—XVI веков 83
 К. М. *Мелиев* (Ташкент). О редукции широких гласных в уйгурском языке 91
 Б. *Чарьяров* (Ашхабад). О развитии туркменского языкознания 93
 П. И. *Кузнецов* (Москва). Издания и публикации «Турецкого лингвистического общества» (1971 год) 101

РЕЦЕНЗИИ

- А. М. *Шербак* (Ленинград). Sir Gerard Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish 108
 Э. *Наджиб* (Москва). Г. Ю. Алиев. Байрам-хан, туркменский поэт 110
 М. В. *Зайнуллин*, Р. Ф. *Зарипов* (Уфа). Н. Ишбулатов. Современный башкирский язык 114
 Л. С. *Левитская* (Москва). «Кумыкско-русский словарь» 116
 А. Х. *Ходжиев*, Д. Х. *Базарова* (Ташкент). «Русско-узбекский словарь» 118
 Э. А. *Умаров* (Ташкент). М. Садыкова. Русско-узбекский фразеологический словарь 119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Н. А. *Баскаков* (Москва). XV сессия Постоянной интернациональной алтаистической конференции (ПИАК) 121
 З. М. *Валиуллина* (Казань). Конференция по татарскому языкознанию, посвященная 50-летию СССР 123
 С. Л. *Лукьянова* (Баку). Совещание по проблемам реализма в литературах народов Советского Востока 126

PERSONALIA

М. Г. *Рахимкулов* (Уфа). Ахняф Нуриевич Киреев 132

НЕКРОЛОГ

У. Б. Алиев 134

* * *

Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1972 году (№№ 1—6) 136

